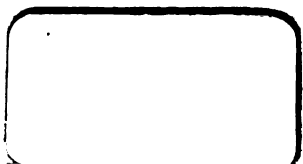

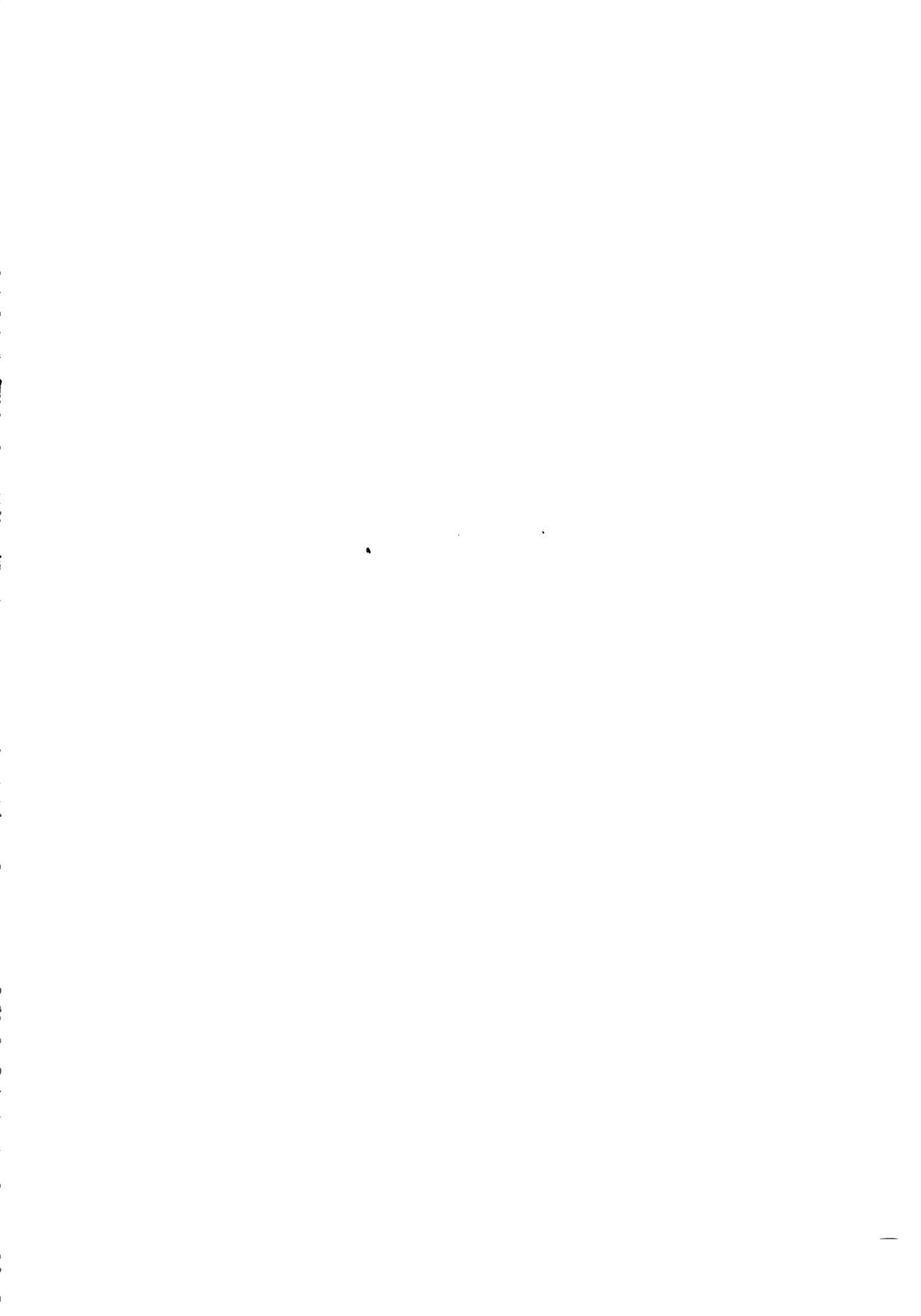
Slav 3709.781

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

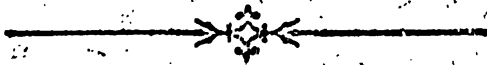

МОНГОЛЪ

(ПО КИТАЙСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.)

Джунгва Пасквизера.

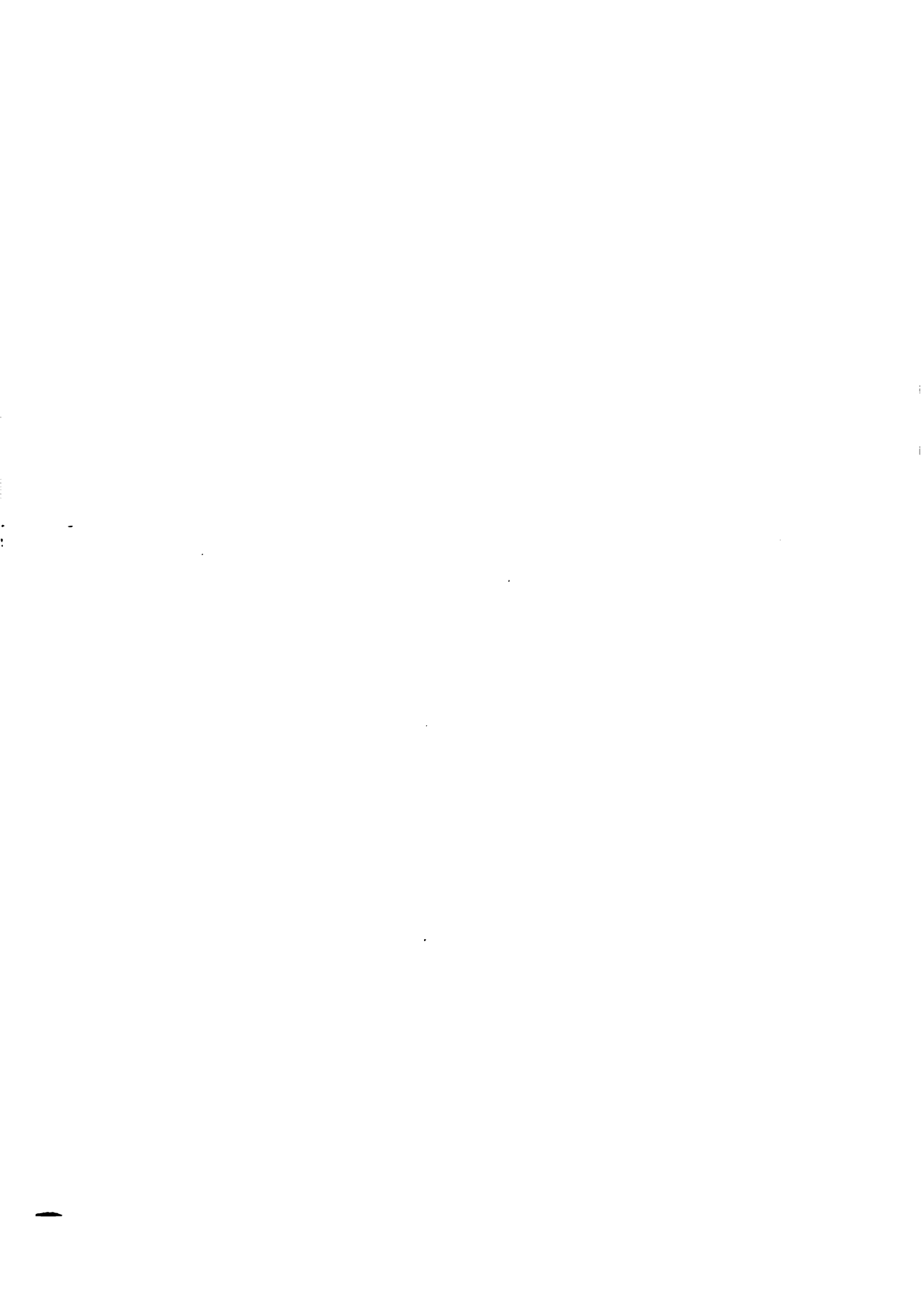
ИСТОРИЧЕСКІИ ОЧЕРКЪ
" МОНГОЛОВЪ "

САНИТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Въз. Собр., 9 г. 1, 10 12.

2000

Berlin, W. A. Ulkris

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

УЙГУРОВЪ.

(ПО КИТАЙСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.)

Димитрія Позднѣва.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1899.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
MAR 4 1965

Появленіе настоящаго труда въ свѣтъ замедлилось
цѣлый годъ противъ указанной на заглавномъ листѣ
ты. Приложение II было переслано мнѣ, по мѣсту
тельства, на просмотръ въ Пекинъ и тамъ погибло
время пожара лѣтомъ 1900 г.

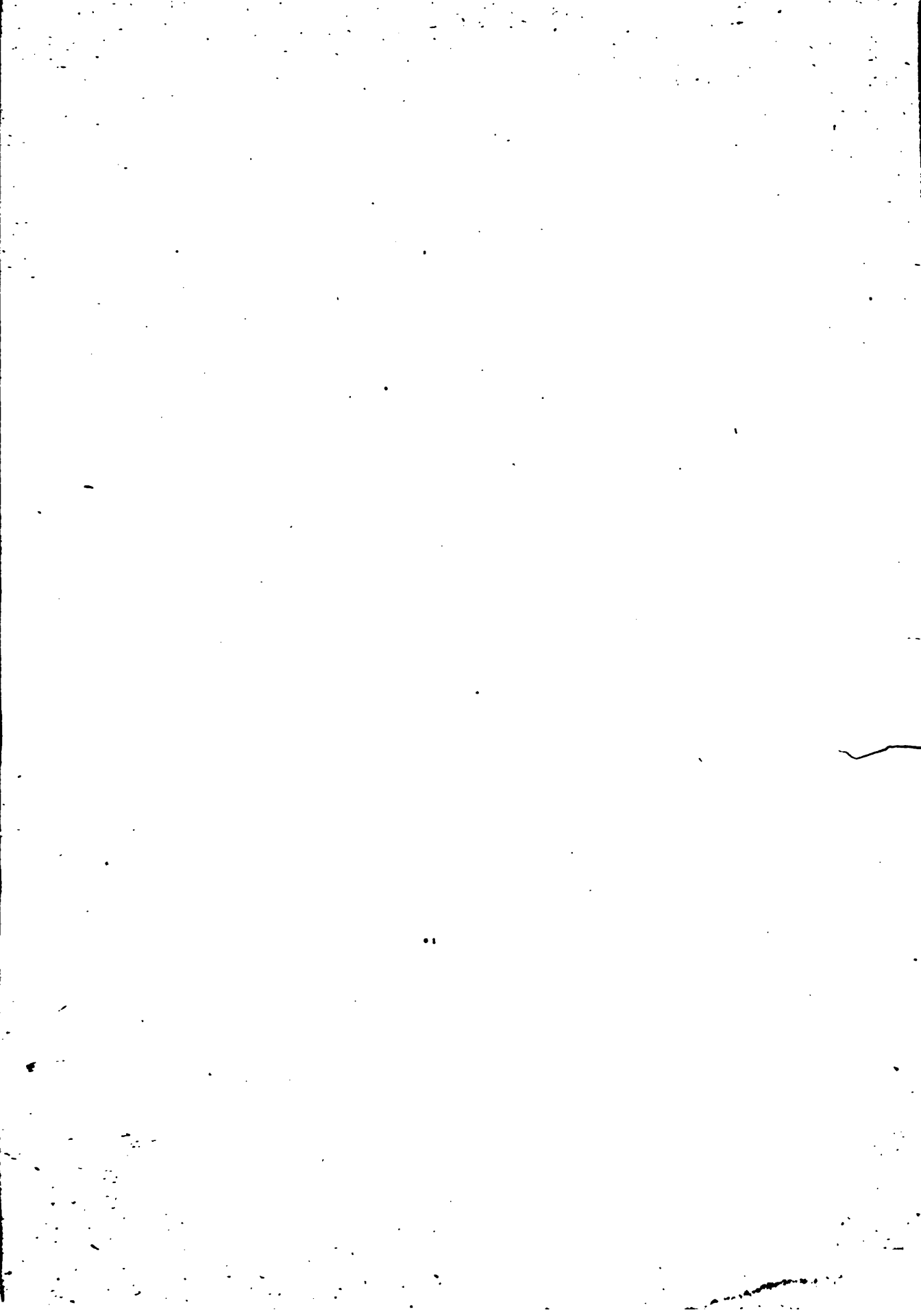
Д. П.

Опредѣленіемъ Факультета Восточныхъ Языковъ Императорскаго
С.-Петербургскаго Университета печатать разрѣшено 20 октября 1897 г.

Деканъ Бар. В. Розенъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемый трудъ раздѣляется на двѣ части: первая посвящена обзору литературы уйгурскаго вопроса, вторая содержитъ въ себѣ собственно историческій очеркъ уйгуровъ, распадающійся на нѣсколько главъ. Последняя часть, строго говоря, представляетъ собою только дополненіе имѣющагося матеріала по данному вопросу и попытку къ усиленному выясненію нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ дѣла. Остается еще очень и очень много туманнаго, неизвѣстнаго, не изслѣдованнаго въ исторіи уйгуровъ, что станетъ яснымъ для ученыхъ только послѣ разработки общей исторіи Средней Азіи и Сѣвернаго Китая, а главнымъ образомъ послѣ ознакомленія съ судьбами Тангутскаго государства, населеніе, вѣрованія, литература, политика и интересы котораго часто были общи съ уйгурскими. Исторія тангутовъ доселѣ ускользала отъ вниманія европейскихъ изслѣдователей и остается почти нетронутымъ сокровищемъ въ китайскихъ династическихъ лѣтописяхъ.

Разборъ литературы по вопросу объ уйгурахъ.

Ни одному изъ народовъ восточно-азиатскаго нагорья не удалось привлечь на себя такъ много вниманія ученыхъ западнаго, европейскаго міра, какъ уйгурамъ. И нужно сказать правду, что эта доля вниманія въ значительной степени не заслужена самимъ народомъ, а явилась въ силу благопріятствовавшихъ успленію ея обстоятельствъ. Среди сосѣдей уйгуровъ, раньше и послѣ ихъ возвышенія и упадка, существовали и другія, подобныя же государства, столь же сплывшія, тянувшіяся такими же періодами, такъ же подчинившія сосѣдей-кочевниковъ и грабившія Китай и одинаковымъ же образомъ павшія жертвами кочевого уклада, но они до послѣднихъ временъ оставались неизвѣстными, нѣкоторыя же изъ нихъ пребываютъ во тьмѣ для европейцевъ даже доселѣ. Причиною подобнаго явленія служитъ то обстоятельство, что государства послѣдняго рода во время своего существованія не имѣли очевидцами европейцевъ. Они родились и умерли невѣдомыми западному міру, а потому у послѣдняго и не было повода, разрабатывая свои архивы, пополнять ихъ данными изъ историковъ восточныхъ. Только ученые изслѣдованія восточно-азиатскихъ лѣтописей даютъ въ послѣднее время матеріалы для исторіи чжурчженей и киданей, для государствъ Ордоса и тангутскихъ, для поколѣній сѣвернаго Тибета и даже государствъ сѣвера Гоби: кара-киданей и киргизовъ. Разработка ихъ исторіи едва лишь начинается, и виною этому мы отчасти считаемъ отсутствіе повода, полное молчаніе объ нихъ

европейцевъ - современниковъ, даже не подозревавшихъ ихъ существованія. Совсѣмъ иное произошло съ уйгурами. Миссіонеры-путешественники, отправлявшіеся во времена Чынгисовой монархіи въ столицу Чынгизидовъ Каракорумъ, патолкнулись въ западной части Средней Азіи на имя уйгуровъ, записали его и принесли въ Европу. «Chingis contra terram Huiugorum processit ad bellum», писалъ Плато-Карпинн: «isti homines sunt Christiani de secta Nestorianorum; quos bello devicit; et illorum litteras assererunt, nam prius (Mongali) scripturam aliquam non habebant, nunc autem appellant eandem litteram Mongalorum». Немного позднѣе этого Рубрукъ писалъ объ язычникахъ Азіи: «Primi sunt Jugures, quorum terra contiguatur cum praedicta terra Organum, inter montes illos versus orientem; et in omnibus civitatibus eorum sunt mixti Nestorini et Saraceni et ipsi etiam sunt diffusi versus Persidem in civitatibus Saracenorum». Немного ниже онъ пишетъ: «Apud Jugures est fons et radix idiomatis Turci et Comanici».

Показанія этихъ двухъ путешественниковъ явились добрыми геніями для судьбы уйгуровъ въ европейской литературѣ. Едва только начали европейцы знакомиться съ мѣстными восточными историческими источниками, какъ они употребили всѣ усилія, чтобы выиснить имена Iugur или Jugures, употребленныя знаменитыми католическими путешественниками - монахами. Братья Ассемани ищутъ ихъ у сирскихъ писателей и вообще въ литературѣ Передняго Востока; ориенталисты-синологи пытаются найти объ нихъ свѣдѣнія въ китайской исторической литературѣ. Но проходитъ много времени, раньше чѣмъ вопросъ объ уйгурахъ становится на правильную научную почву и получаетъ вѣрное рѣшеніе. Разсматривая исторію его литературы, невольно удивляешься сложности причинъ, запутывавшихъ вѣрное рѣшеніе вопроса. Тутъ и недостаточная разработка первоисточниковъ, и предвзятыя идеи изслѣдователей, и личная вражда и антагонизмъ ученыхъ, и узкость кругозора — все это собралось вмѣстѣ и то здѣсь то тамъ неуклонно вредило дѣлу. Мы встрѣ-

чаемъ у ученыхъ массу ошибокъ и недосмотровъ, являющихся результатомъ частію времени, частію личныхъ увлеченій, но должно все-таки сказать, что наряду съ ошибками всякій изслѣдователь вносилъ извѣстное число цѣнныхъ данныхъ, часто новыхъ, открывавшихъ совершенно неизвѣстныя ранѣ стороны дѣла. Краткій разборъ работъ, посвященныхъ вопросу объ уйгурахъ выяснитъ нашъ взглядъ на нихъ точнѣе общихъ фразъ.

Католики - монахи видѣли своихъ уйгуровъ или югуровъ монгольскаго періода гдѣ-то около Восточнаго Туркестана, на сѣверѣ Тянь-шаня. Естественно было поэтому первымъ синологомъ искать свѣдѣній объ нихъ въ анналахъ Юаньской 元 (1280—1367) династіи въ описаніяхъ приблизительно указанныхъ мѣсть; по этимъ же слѣдамъ разыскиваютъ уйгуровъ ученые и въ историческихъ источникахъ передней Азіи, стараясь сблизить иногда показанія послѣднихъ съ китайскими лѣтописями. Поэтому-то у Herbelot въ его «Bibliothèque orientale», t. II, мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ уйгурахъ. «Igur или Aigur — имя одного племени восточныхъ тюрковъ, которое пришло на помощь провникамъ Огузь-хана, когда послѣдній велъ ожесточенную борьбу со своимъ отцомъ и дядьями изъ-за религіи. Эти князья-язычники не могли перенести, чтобы Огузь отказался отъ ихъ вѣрованій для истины единства Божія. Они напали на него со всеми своими силами, и онъ непремѣнно палъ бы подъ ихъ ударами, если бы сосѣднія племена, принявшія новую религію, не соединили своихъ отрядовъ съ его войсками. Огузь-ханъ, укрѣпленный этимъ содѣйствіемъ и еще больше помощью Божьею, побѣдилъ своихъ враговъ и далъ помогавшимъ ему отрядамъ имя Igur или Aigur, которое означаетъ на туземномъ языкѣ: защита, покровительство, союзъ (défense, protection et alliance); онъ сдѣлалъ изъ нихъ новую милицію, отдѣльную и отличную отъ другихъ его войскъ; она усилилась и заняла часть Туркестана, сосѣднюю съ Китаемъ. Племя Igur имѣетъ языкъ и календарь общій съ катаяцами (Cathaiens); они приняли позднѣе христіанство, потому что во времена Чингиса имѣли у себя осо-

быхъ епископовъ, но они не сохранили этой религіи, и нынѣ они или язычники или магометане¹⁾.

Мы видимъ здѣсь одинъ изъ незначительныхъ фактовъ позднѣйшей исторіи уйгуровъ, за который хватается ученый единственно потому, что онъ почти совпадаетъ по времени и мѣсту съ уйгурами католическихъ монаховъ. О существованіи государства уйгурскаго по китайскимъ лѣтописямъ Herbelot, повидному, не подозрѣваетъ; объ отождествленіи же племени *хуй-хэ* 回紇, о которомъ сообщаютъ подробныя свѣдѣнія китайскіе источники, съ уйгурами у него нѣтъ и рѣчи; онъ знаетъ единственно уйгуровъ западнаго края, а о томъ, что они жили до Чингиса на востокъ степи, у него нѣтъ ни слова.

Дегинь (De Guignes) въ своей *Histoire générale des Huns*, t. II, представляетъ связный пересказъ исторіи государства *хуй-хэ* 回紇. Источниками ему служили китайскія энциклопедіи: *Вэнь-сянь-тунъ-као*, *Тунъ-цзянь-ганъ-му* и *Ли-тай-ци-бяо*. Въ этихъ трудахъ находятся уже выбранныя и прокритикованныя китайскими учеными свѣдѣнія объ ипородцахъ Китая, чѣмъ въ значительной степени облегчается работа всѣмъ европейскимъ синологамъ. Въ числѣ своихъ источниковъ Дегинь ставитъ и *Танъ-шу* 唐書, но изъ текста не видно знакомства его съ этою династійною исторіей. Такъ, сообщая свѣдѣнія о *гао-чэ* 高車 изъ *Вэнь-сянь-тунъ-као* и *Ганъ-му*, которыхъ нѣтъ въ Танской исторіи, онъ опускаетъ въ то же время много подробностей въ разказахъ о хуй-хэскихъ ханахъ, и уже позднѣе эти свѣдѣнія появились у Виделу и о. Іакинна. Дегинь не держится въ изложеніи буквы китайскаго текста, дѣлаетъ отступленія и поясненія, отчего его исторія выигрываетъ въ слогѣ и усвоится легче другихъ трудовъ по уйгурскому вопросу. Въ вопросѣ объ этнографическомъ родствѣ уйгуровъ и *хуй-хэ* онъ платитъ дань своему времени, не подозрѣвая такового. Слѣдя за передвиженіями хуй-хэскихъ племенъ послѣ Танской династіи въ земли

1) Herbelot, Bibliothèque Orientale, t. II, p. 336 (A la Haye, 1777).

Восточнаго Туркестана и далѣ, Дегинь однако нигдѣ не усволяетъ имъ имени уйгуровъ, очевидно, считая ихъ совершенно различными племенами. Какъ и другіе ученые XVIII столѣтія, онъ ихъ приурочиваетъ къ государствамъ *Чэ-ши*, западному и восточному, т. е. къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ихъ встрѣтили впервые европейцы-миссіонеры, проѣзжая въ XIII вѣкѣ въ монгольскую орду. Поэтому онъ и показаніе *Абу-мази Багадуръ-хана* относительно первоначальныхъ поселеній уйгуровъ приурочилъ къ той же территоріи Притянь-шаньской, за что и заслужилъ справедливое замѣчаніе со стороны о. Іакинна¹⁾. Особенно драгоцѣнны попытки Дегиня установить связь явленій жизни въ Средней Азійи съ исторіею Застѣннаго Китая. Въ сношеніяхъ императорскаго двора съ инородцами естественнымъ образомъ всегда существенное значеніе имѣло общее положеніе дѣлъ въ имперіи; для китайцевъ политика застѣнная часто играла очень малую роль, и отгѣнить тотъ или иной ходъ ея при дворѣ представляется довольно труднымъ. Для этого нужно большое знаніе китайской исторіи общей, во всей ея полнотѣ. Послѣ упадка владычества *хуй-хэ* на востокъ степи и перехода ихъ на западъ Дегинь заботливо ищетъ свѣдѣній объ нихъ у историковъ передней Азійи и отмѣчаетъ встрѣчающіяся по этому отдѣлу данныя. Словомъ, мы видимъ у него всю исторію хуй-хэскихъ племенъ, пока еще краткую, но законченную, такъ что въ дальнѣйшихъ трудахъ другимъ ученымъ представлялось только пополнять его количественно да уяснять ея подробности. Это и дѣлаетъ Виделу (Claude Visdelou) въ своей «*Histoire de la Tartarie*» и «*Supplément de la Bibliothèque Orientale*» d'Herbelot'a.

Этотъ классическій трудъ, заключающій въ себѣ большую часть всѣхъ данныхъ по уйгурскому вопросу, донныи варіируемыхъ учеными европейцами на разные лады, постигла почему-то замѣчательная судьба: объ немъ почти нѣтъ упоминаній въ ученыхъ сочиненіяхъ, изъ него почти не встрѣчается цитатъ.

1) Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азійи, т. I, стр. 376—378.

Едва называетъ имя Visdelou Abel Rémusat въ «Recherches sur les langues tartares»¹⁾; мимоходомъ цитуетъ его Каземъ-бэкъ въ «Исслѣдованіяхъ объ уйгурахъ» и краткую неопредѣленную характеристику даетъ ему д-ръ Бретшнейдеръ²⁾. Между тѣмъ въ сочиненіи Visdelou находится полный переводъ свѣдѣній о государствахъ *хуй-хэ* и одноплеменныхъ съ нимъ изъ отдѣла объ племенахъ въ *Синь-танъ-шу* 新唐書, т. с. именно та пскомая, которой, якобы, не доставало европейской литературы. Переводъ сдѣланъ прекрасно, не затемненъ никакими предвзятыми идеями и толкованіями автора. У него встрѣчается много поясненій къ тексту, но они только являются результатами его эрудиціи, дополняютъ матеріалъ и не вносятъ ничего произвольнаго въ изслѣдованіе. Главнымъ основнымъ достоинствомъ его перевода и вообще его сочиненія мы считаемъ то, что онъ, видимо, признавалъ за китайскими авторами одни и тѣ же общечеловѣческіе законы логики; онъ разсматривалъ ихъ одинаково съ собою, примѣнялъ къ нимъ тѣ же требованія, какія предъявлялъ и къ себѣ и ко всѣмъ вообще людямъ. Эта, странная на первый взглядъ, похвала высказывается, однако, нами не безъ основанія. Во многихъ переводахъ съ китайскаго, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, встрѣчаются такія противорѣчія, такія темныя мѣста, предъ которыми невольно становясь втупикъ и спрашиваешь себя, почему же переводчикъ позволилъ себѣ написать такую несообразность съ общимъ смысломъ, съ контекстомъ рѣчи. Часто встрѣчаешься съ такими явленіями въ сочиненіяхъ извѣстныхъ синологовъ и невольно удивляешься, почему помнясь они съ такимъ переводомъ, почему не дали себѣ труда вдуматься въ текстъ. Объясненіе на это мы могли найти одно. Общераспространенное мнѣніе о

1) Avant-propos, p. VII.

2) «The history of the Uigurs from Chinese sources has long been made accessible to European savants. A good translation of the most important of these records has been given by Visdelou in the Suppl. Bibliot. Orient.» Bretschneider, *Mediaeval Researches*, v. I, p. 237.

странности и оригинальности всего китайскаго дошло до того, что у сыновъ Небесной имперіи стали отрицать даже общіе логическіе законы. «Если это, съ европейской точки зрѣнія, и непонятно, то у китаецца все возможно», какъ бы говоритъ про себя переводчикъ и на этомъ основаніи съ спокойною совѣстью пишетъ въ переводѣ песообразность, въ которой самъ не въ состояніи дать себѣ отчета. Вотъ этого-то именно, крайне вреднаго, свойства и лишены переводы Visdelou. Напрасно однако мы стали бы думать поэтому, что почтенный синологъ въ отношеніи къ уйгурскому вопросу далъ намъ совершенно полное и вѣрное его рѣшеніе. Съ этой стороны онъ является сыномъ своего времени, недостаточно уразумѣвшимъ правильный ходъ дѣла. Извѣстно, что Гербелотъ нашелъ уйгуровъ въ западной части нагорья Средней Азіи. Здѣсь же обрѣтаетъ ихъ и Виделу. «Государство *Eyghour*», пишетъ онъ, «извѣстно китаецамъ за 126 лѣтъ до Р. Х. Они называли его *Чэ-ши* (*Tche-sse*)»¹⁾. Отсюда уже мы можемъ понять, что, по его мнѣнію, родиной уйгуровъ были страны Прятянь-шаньскія. Виделу добросовѣстно слѣдуетъ за судьбами этихъ странъ по китайскимъ источникамъ и сообщаетъ множество новыхъ объ нихъ данныхъ. Но онъ не думаетъ вовсе отождествлять этихъ *Eyghour*'овъ съ *хуй-хэ*. Исторію послѣднихъ онъ разсматриваетъ въ совершенно отдѣльномъ самостоятельномъ трудѣ: «*Histoire de la Tartarie*», помѣщенномъ въ этомъ же томѣ. Въ данной работѣ онъ не задается цѣлью прослѣдить этнографическое родство и происхожденіе среднеазиатскихъ племенъ, если только послѣднее не указывается китайскими лѣтописцами мимоходомъ; онъ даетъ исторію народовъ, «*qui ont paru avec éclat dans ce vaste pays*» (*Tartarie*), т. е. обращаетъ на нихъ вниманіе только съ того момента главнымъ образомъ, когда они занимали выдающееся, а иногда и первенствующее мѣсто въ ряду кочевыхъ племенъ Средней Азіи. Естественно поэтому, что онъ воспользовался преимущественно анналами

1) Bibliothèque Orientale, t. IV, p. 200—210.

Танской исторіи о *хуй-хэ*, оставивъ безъ вниманія лѣтописи Вэйской и Суйской исторій о тѣхъ же инородцахъ. Но у него, очевидно, уже являлось смутное сознаніе о какой-то близости *хуй-хэ* съ уйгурами. Въ нѣсколькихъ заключительныхъ строкахъ послѣ перевода данныхъ *Синь-танг-ту* онъ говоритъ объ образованіи позднѣе государствъ изъ остатковъ *хуй-хэ* и отводитъ одно изъ нихъ въ страны Притянь-шайскія¹⁾. Кроме того, и въ статьѣ объ *Eyghour* онъ пишетъ, что въ концѣ Танской династіи «il s'étoit établi beaucoup de Hœi-hou dans l'Eyghour; delà vient que depuis ce temps-là on luy a donné le nom de Hœi-hou»²⁾. Однако всѣ эти сближенія пропадаютъ у него, оставаясь безъ дальнѣйшей обработки.

У всѣхъ указанныхъ авторовъ уйгуры называются народомъ турецкаго племени. Но если бы потребовать себѣ яснаго отчета, на какомъ основаніи ученые признавали ихъ таковыми, то въ ихъ источникахъ прямого отвѣта на этомъ вопросѣ не найдемъ. Думается, что они руководились скорѣе общими соображеніями объ этнографическомъ составѣ населенія этихъ мѣстъ. Въ западной части нагорья Средней Азіи исконными жителями были турки, къ нимъ же причислили и уйгуровъ. Разработанные же ими источники, исторія Танской династіи и энциклопедія, вовсе не касаются вопроса о племени уйгуровъ. Однако и по этой послѣдней искомой научнаго отвѣта пришлось ожидать не долго. Въ 1812 году Клапротъ издаетъ свои «*Abhandlungen über die Sprache und Schrift der Uiguren*», знаменитые и по богатству и новизнѣ матеріала и прославленные тою полемикой, которую они вызвали среди ученыхъ ориенталистовъ. Статья Клапрота представляетъ собою первый опытъ научно историческаго изслѣдованія по вопросу объ уйгурахъ. Источниками ему служило множество сочиненій на языкахъ Дальняго и Передняго Востока и всѣ предшествующія работы

1) *Иб.*, р. 157.

2) *Иб.*, р. 304.

европейскихъ ученыхъ. Истинною драгоценностью является здѣсь изданіе уйгуро-китайскаго словаря, хранящагося въ королевской парижской библиотекѣ. Въ немъ содержится 800 словъ. Вмѣстѣ съ нимъ источниками для изученія языка уйгуровъ служили Клапроту 15 уйгурскихъ писемъ¹⁾ съ китайскимъ переводомъ, посланныхъ правителями разныхъ областей къ императорамъ Минской династіи; изъ нихъ Клапротъ издалъ 3 письма съ переводомъ.

Трудъ Клапрота имѣетъ и доселѣ большое значеніе для изученія вопроса объ уйгурахъ; онъ полонъ самыхъ остроумныхъ догадокъ, сблженій и соображеній. Въ своихъ выводахъ относительно родины уйгуровъ Клапротъ остался согласнымъ съ предшествующими учеными; онъ понимаетъ подъ страню уйгуровъ исключительно Гао-чанъ и приводитъ краткія свѣдѣнія изъ исторіи этой страны по китайскимъ источникамъ (стр. 44—52). Въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ изслѣдованій Клапротъ допускаетъ однако ненаучные приемы. Не прослѣдивъ исторіи страны до своего времени, онъ утверждаетъ однако, что языкъ уйгуровъ и донинѣ сохранился въ странахъ Притянь-шаньскихъ. На этомъ основаніи, встрѣтивъ въ Семпалатинскѣ одного турфанца, онъ положительно считаетъ его уйгуромъ и языкъ его разсматриваетъ научнымъ образомъ, какъ языкъ уйгурскій. Въ заключеніе, разобравъ показанія китайскихъ историковъ Ляоскаго и Юаньскаго періодовъ объ уйгурахъ, Клапротъ пришелъ къ заключенію о заимствованіи монголами письменности у уйгуровъ.

Работа Клапрота вызвала удивленіе въ ученомъ мірѣ, но скоро явилась ему и оппозиція въ лицѣ петербургскаго академика Шмидта. Въ «*Einwürfe gegen die Hypothesen des Herrn Hofr. Klarproth: Ueber die Sprache und Schrift der Uiguren*» Шмидтъ разошелся съ Клапротомъ въ самыхъ коренныхъ положеніяхъ

1) Письма эти въ китайскомъ текстѣ съ переводомъ на русскій языкъ помѣщены въ приложеніи II; приложеніе I содержитъ уйгурскія собственныя имена изъ исторіи династіи Юань.

относительно уйгурскаго вопроса. Кратко сформулированныя возраженія его противнику сводятся къ слѣдующему.

1) Паллассъ, лучший знатокъ Средней Азии, не говоритъ вовсе объ уйгурахъ.

2) Китайскіе источники крайне недостоверны во всемъ, что не касается Собственнаго Китая.

3) Трудъ Абульгази Багадуръ-хана, на который ссылается Клапротъ, кишитъ ошибками особенно въ отношеніи исторіи монголовъ.

4) О Та-та-гунъ-о, уйгурѣ, передавшемъ письменность монголамъ, ни словомъ не обмолвился Сананъ-Сэцэнъ.

5) Сходство уйгурскаго письма съ сирскимъ шрифтомъ только кажущееся, и Клапротъ не объясняетъ самаго главнаго: почему измѣнено горизонтальное направленіе письма сирскаго на вертикальное у уйгуровъ?

6) Монета съ надписью Мбngkй-шап'а уйгурскимъ шрифтомъ сомнительна.

7) По монгольскимъ источникамъ, «Хубилай сказалъ Пакбаламѣ, что многіе монголы не имѣютъ еще письменности»; между тѣмъ, если бы уйгурская письменность была принята при дворѣ, то она была бы всеобщею.

Эти возраженія не позволили Шмидту принять гипотезы Клапрота; его же личныя работы привели его къ совершенно инымъ выводамъ. Положительный взглядъ Шмидта формулируется такъ:

1) Слово Uigur обозначаетъ во всѣхъ монгольскихъ нарѣчійхъ иностранца по языку и правамъ; отсюда является возможность совершенно иного чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ у восточныхъ авторовъ (напр. Арабъ-шаха). Нельзя положительно утверждать, что не было татарскаго племени, называемаго «уйгурами», но должно сомнѣваться, что ко времени Чингиса оно стояло на такой степени развитія, чтобы могло сообщить свою письменность монголамъ (стр. 324).

такимъ образомъ, что уйгурскій языкъ Клапрота не больше, какъ бухарскій (т. е. Восточнаго Туркестана), и что эти не-татарскія слова заимствованы у чжунгарскихъ калмыковъ, владѣвшихъ продолжительное время значительной частью Бухаріи.

4) Монгольскіе же источники заставляютъ Шмидта думать нижеслѣдующее. «Es ist auch gar keinem Zweifel unterworfen», что уйгурская письменность должна быть не чѣмъ инымъ, какъ письменностью тангутскою, которая представляетъ собою одно и то же съ тибетскимъ письмомъ и донынѣ, вмѣстѣ съ санскритомъ, составляетъ священный языкъ монгольскихъ ламантовъ. Индійскія книги Шнгэмуианскаго ученія не были переведены ни на одно изъ татарскихъ нарѣчій, кромѣ такъ называемаго уйгурскаго; по крайней мѣрѣ на немъ только одномъ они употреблялись въ переводѣ тогдашними тибетскими и тангутскими ламанами; и доселѣ монгольскіе и калмыцкіе ламы не пользуются монгольскимъ переводомъ книгъ, предоставивъ его народу, — это извѣстно всякому, имѣющему понятіе о бытѣ монголовъ. Если же ламы пользовались уйгурскими книгами, то, очевидно, эти книги были не другія какія, какъ тангутскія, т. е. тибетскія.

Высказавъ засимъ соображенія о невозможности для монголовъ-ламантовъ заимствовать письменность у уйгуровъ-магометанъ, Шмидтъ заключаетъ:

5) «Я думаю, что уйгурское письмо при дворѣ Чингисъ-хана, если дѣйствительно татарскіе уйгуры или бухарцы были тамъ, было не другое что, какъ обыкновенное арабско-татарское письмо, которое уже по тому самому прекратило свое существованіе, что восточные монголы оставались несклонными къ исламу».

Отсюда видно, до какой степени велико было несходство взглядовъ Шмидта и Клапрота на уйгуровъ. Причиною такого явленія было, во-первыхъ, совершенное различіе источниковъ у того и другого историка, во-вторыхъ, крайнее увлеченіе Шмидта показаніями монголовъ и вообще монголизмомъ. Въ то время онъ работалъ надъ исторіею Сананъ-Сэцэна, и ему казалось

вѣроятнымъ считать его единственно вѣрнымъ источникомъ для исторіи монголовъ. Только этимъ можно объяснить его постоянное примѣненіе довода *ex silentio*: онъ сомнѣвается, напр., въ самомъ существованіи Та-та-тунъ-о, потому что о немъ не упоминаетъ Сананъ-Сэцэнъ.

Нельзя не видѣть вмѣстѣ съ тѣмъ, что положительные выводы самого Шмидта отлпчаются крайнею неопредѣленностью и полны противорѣчій. У него уйгуры являются татарскимъ племенемъ Восточнаго Туркестана; они попадали раньше вліянію блѣтовъ, засимъ тангутовъ и заимствованіями у первыхъ обогатили свой лексиконъ, а письменности вторыхъ дали почему-то свое имя; эта тангутская письменность — одно и то же съ тибетскою, хотя монгольскіе источники строго отличаютъ тангутовъ и тибетцевъ. А кромѣ этой мнимо-уйгурской письменности существовала и другая подъ тѣмъ же названіемъ; можетъ быть, она была просто арабско-татарская и, можетъ быть, она была принята при дворѣ монгольскихъ правителей, но потомъ исчезла безслѣдно. Какъ разобраться во всей этой путаницѣ, и гдѣ факты, подтверждающіе хотя бы одно изъ этихъ положеній? Однако нельзя не признать за статью Шмидта хотя бы отрицательнаго значенія. Она показала возможность построенія совершенно новой гипотезы относительно уйгурскаго вопроса при исключительномъ пользованіи однимъ источникомъ, не обращая вниманія на другіе. Она напоминаетъ собою въ этомъ отношеніи гипотезу профессора Бурна объ армянскомъ происхожденіи пресвитера Іоанна, появившуюся совершенно неожиданно послѣ цѣлаго ряда трудовъ другихъ ученыхъ въ діаметрально противоположномъ направленіи, но достаточно для перваго раза обоснованную. Но статья Шмидта ставитъ и положительныя задачи историкамъ: 1) какъ, дѣйствительно, объяснить отождествленіе монголами уйгуровъ съ тангутами? 2) что значитъ гробовое молчаніе монгольскихъ источниковъ относительно заимствованія письма у уйгуровъ, и 3) чѣмъ вызваны слова Хубилая, что «нѣкоторые монголы не имѣютъ никакого письма»? Статья Шмидта

показываетъ равнымъ образомъ крайне широко поставленную жизнь уйгуровъ, входившихъ въ соприкосновеніе и съ калмыками и съ тангутами, и требующую обстоятельнаго изслѣдованія.

На всѣ эти вопросы отвѣты даетъ положительная исторія; мы же посмотримъ, какъ откликнулся ученый міръ на эту оригинальную статью нашего академика.

Abel Remusat первый дѣлаетъ замѣтку объ ней въ своихъ «Recherches sur les langues tartares», Avant-propos, p. VII. «Статья Шмидта пытается доказать», пишетъ онъ: «что существованіе народа, называемаго уйгуръ, не есть фактъ, удостоенный исторіей; что это — догадка, гипотеза Клапрота, или, какъ онъ говоритъ, Schöpfung (une création). Странно во всякомъ случаѣ, что его положеніе противорѣчитъ всему тому, что доселѣ говорили объ уйгурахъ Гербелотъ, Виделу, Гобиль, Дегинъ и многіе другіе на основаніи единогласнаго свидѣтельства персидскихъ, арабскихъ, татарскихъ и китайскихъ историковъ. Я упоминаю объ этой статьѣ только ради завѣршенія, что она не измѣняетъ ничего во взглядахъ, высказанныхъ мною въ VI главѣ этой книги, посвященной вопросу объ уйгурахъ, или восточныхъ туркахъ. Почтенный авторъ недостаточно глубоко вникнулъ въ исторію древностей Тартаріи. При болѣе послѣдовательномъ изученіи ея онъ, безъ сомнѣнія, измѣнитъ нѣкоторые изъ своихъ взглядовъ и особенно мнѣніе о китайскихъ лѣтописяхъ, которыя, по его словамъ, мало достовѣрны во всемъ, что не касается самаго Китая».

Позднѣе въ своихъ «Observations sur l'histoire des Mongols orientaux de Sanang-Setzen» (Paris, 1838) Абель Ремюза даетъ болѣе точную характеристику работѣ Шмидта. «Система его», пишетъ французскій ученый, «состоитъ въ томъ, чтобы давать совершенно новыя названія самымъ пзвѣстнымъ народамъ внутренней Азіи и замѣнять самыя распространенныя преданія о происхожденіи и различныхъ видоизмѣненіяхъ восточно-азиатской письменности (des écritures tartares) совершенно произвольными предположеніями. Эта система, которая, по словамъ Намакер'а

(Bibliotheca critica nova, 1825, t. I., p. 189), не можетъ прийтись по вкусу никакому развитому человѣку, *nemini eruditorum*, принадлежитъ къ числу тѣхъ, коимъ суждено упасть безъ возврата». Основаніемъ для всей системы Шмидту служитъ показаніе одного маленькаго монгольскаго сочиненія (Чжиру-хэну-толто), и Ремюза вновь повторяетъ слова о противорѣчии этого мѣста, если принять его за всеобщее, всѣмъ прежнимъ изслѣдованіемъ и всѣмъ другимъ источникамъ исторіи уйгуровъ¹⁾.

Не могъ, конечно, оставить безъ отвѣта статью Шмидта и Клапротъ. Появился его трудъ: «Beleuchtung und Widerlegung der Forschungen des H. Schmidt», въ которомъ всѣ доводы Шмидта сводятся къ тремъ положеніямъ: 1) что представленное Клапротомъ уйгурское письмо и словарь изобрѣтены самимъ издателемъ его; 2) что нынѣшнее монгольское письмо не изобрѣтено (*abgeleitet*) тюркскимъ народомъ уйгурами, а создано (*erfunden*) самими монголами; 3) что уйгуры и тангуты — одинъ и тотъ же народъ и страна, и что уйгуры не могли быть тюрками. Всѣ эти три тезиса подвергаются подробному критическому разбору, но съ особенной обстоятельностью останавливается Клапротъ на третьемъ положеніи и приводитъ въ пользу своего мнѣнія много новыхъ данныхъ; изъ нихъ особенно важны показанія Ляо-ши о различныхъ уйгурскихъ племенахъ. Здѣсь же находитъ себѣ объясненіе и знаменитое показаніе «Чжиру-хэну-толто», послужившее краеугольнымъ камнемъ системы Шмидта. Клапротъ обращаетъ главное вниманіе на слова: «въ то время» 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰏 и относитъ ихъ ко временамъ дѣйствія, описываемаго въ «Чжирухэну-толто». Они показываютъ, что въ XIII вѣкѣ уйгуры, пришедшіе съ сѣвера, гдѣ они обитали, поселились въ Тангутѣ, такъ что въ тѣ времена населеніе Тангута состояло изъ уйгуровъ. Съ этимъ объясненіемъ Клапрота соглашается въ упомянутыхъ «Observations» и Абель Ремюза: «можно сказать, что внѣ этого объясненія нѣтъ ничего научно-историческаго» (p. 62).

1) p. 60—61.

На ряду съ этою полемикою, часто затемнявшею дѣло, но отчасти и приводившею къ разъясненію вопроса, шла и положительная разработка историческихъ матеріаловъ. Одновременно съ появленіемъ труда Шмидта издалъ Абель Ремюза свои «Recherches sur les langues tartares» (Paris, 1820). Въ этомъ сочиненіи вопросу объ уйгурахъ посвящена цѣлая глава, при чемъ авторъ ставитъ своею задачею не повторять свѣдѣній, уже повсюду распространенныхъ, а собрать матеріалы мало извѣстныя и прибавить, если возможно, нѣсколько фактовъ къ исторіи языковъ уйгурскихъ странъ, чтобы пролить тѣмъ новый свѣтъ и на исторію племенъ. Уйгурскимъ онъ называетъ донинѣ сохранившійся языкъ обитателей городовъ отъ Кашгара до Хами, и на этомъ основаніи онъ подвергаетъ подробнѣйшему анализу изданныя Amiot письма, какъ образцы уйгурскаго діалекта. Въ результатѣ этого изслѣдованія Ремюза приходитъ къ выводу, что языкъ уйгуровъ — чисто тюркскій, болѣе всѣхъ другихъ діалектовъ сохранившійся въ первобытной чистотѣ; хотя никакихъ особенныхъ признаковъ древности въ немъ не замѣчается: грамматика и весь строй языка очень близко подходятъ ко всѣмъ тюркскимъ нарѣчіямъ. Обращаясь затѣмъ къ исторіи страны и народа, онъ особенно внимательно останавливается на различіи уйгуровъ и хуй-ху и дѣлаетъ упреки Гоблиу и Виделу, какъ сливающимъ эти племена (р. 285). Онъ окидываетъ общимъ взглядомъ судьбы Притянь-шаньскихъ странъ, разсматриваетъ вліяніе на нихъ Китая, Индіи и странъ западныхъ, отводитъ мѣсто описаніямъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городовъ Уйгуріи, слѣдитъ за постепеннымъ движеніемъ уйгуровъ на западъ къ Каспію, за принятіемъ ими магометанства, при чемъ отбѣняетъ переходъ названія племени *хуй-ху* 回鶻 въ *хуй-хуй* 回回 и *хуй-изы* 回子 — названія магометанъ у китайцевъ; въ заключеніе онъ обсуждаетъ отношеніе уйгуровъ вообще къ племенамъ турецкимъ. Особенно интересенъ взглядъ Ремюза на различіе хуй-хэ и уйгуровъ. «Хуй-хэ», пишетъ онъ, «были сначала маленькимъ племенемъ на берегахъ Селенги; они соединились потомъ съ

14 другими родственными племенами и образовали могущественный народъ, правитель котораго жилъ въ мѣстности, гдѣ былъ позднѣе Каракорумъ. Такимъ образомъ хуй-хэ обитали сначала на сѣверѣ пустыни отъ Байкала до береговъ Енисея, но потомъ они распространились на западъ и къ концу династїи Танъ овладѣли Гань-чжоу, Ся-чжоу, страню Гуй-цзы, или Бишбалыкомъ, и поставили во всѣ эти города хановъ своего племени. Позднѣе исторїя показываетъ, что они стали господами странъ до моря Каспійскаго, и все сводится къ тому, чтобы считать ихъ западными Тузъ (Tus) и Туркоманами. Не должно забывать, что въ числѣ странъ, подчиненныхъ хуй-хэ въ VIII вѣкѣ, находилась и страна уйгуровъ. Это обстоятельство произвело много смѣшенїя (запутанности) у авторовъ, занимавшихся даннымъ вопросомъ» (р. 323).

Нужно сказать, что Абель Ремюза самъ не выяснилъ себѣ значенїя слова «уйгуръ». Онъ ставитъ въ упрекъ нѣкоторымъ китайскимъ писателямъ, что они въ словѣ *вэй-ву-рз* смѣшиваютъ имя страны съ именемъ пришлаго племени *хуй-хэ*. Что же разумѣеть подъ именемъ «уйгуръ» самъ Ремюза? По этому мѣсту (р. 324) — страну, а по всей статьѣ — народъ. Далѣе, если это и народъ, то въ какой же мѣрѣ онъ различенъ съ хуй-хэ? «Хотя эти два народа были одной и той же расы, говорили одинаково языкомъ уйгуровъ, или, лучше сказать, языкомъ тюркскимъ, но мѣсто и время ихъ происхожденїя совершенно различны, и авторы, которые принимаютъ однихъ за другихъ, допускаютъ довольно грубую ошибку; по крайней мѣрѣ мнѣнїе, которое сближаетъ эти народы, можетъ быть принято только въ извѣстномъ смыслѣ» (р. 285). На чемъ покоится мнѣнїе Абель Ремюзы? 1) На показанїяхъ католическихъ монаховъ-путешественниковъ и 2) особенно на данныхъ китайскихъ источниковъ, которые поселяютъ народъ *вэй-ву-рз* 畏兀兒 въ этихъ именно мѣстахъ. Но удивительно, какъ это Ремюза съ его тонкимъ критическимъ чутьемъ не обратилъ вниманїя на хронологїю китайскихъ цитатъ? Вѣдь китайскїя лѣтописи раньше Юаньской династїи не знаютъ имени

эй-су-рз, а всё усвоения этого имени странѣ и народу мѣстностей Притянь-шаньскихъ сдѣланы китайскими энциклопедіями гораздо позднѣе вѣка Юаней. А если такъ, то остается рѣшить, откуда взялось это имя *эй-су-рз*, или *уйгурз*, и гдѣ были коренныя поселенія уйгуровъ, здѣсь ли или въ другихъ мѣстахъ? Правда, въ странахъ Притянь-шаньскихъ издревле жили тѣ же уйгуры, т. е. тюрки, одноплеменные съ восточными, но въ строгомъ смыслѣ уйгурами турецкіе историкки Рашидъ-эддинъ и Абульгази называютъ восточныхъ тюрковъ, жившихъ въ области Селенги, а не западныхъ. Посему-то Абель Ремюза и прежніе исследователи впали въ ошибку, аналогичную, примѣрно, слѣдующей. Если бы кто, вознамѣрившись преслѣдить исторію испанскихъ мавровъ, началъ ее съ разсмотрѣнія судебъ первоначальныхъ обитателей Испаніи, преслѣдилъ бы исторію послѣднихъ во времена Римской имперіи, переходъ во власть вестготовъ и потомъ отъ покоренія вестготовъ маврами продолжалъ бы предпринятую первоначально работу. Очевидно, онъ сдѣлалъ бы вѣрнѣе, отправившись въ Африку и преслѣдивъ судьбы мавровъ въ мѣстахъ ихъ первоначальныхъ поселеній; потомъ уже послѣ перехода мавровъ за Гибралтаръ, изучалъ бы ихъ исторію въ Испаніи. Подобнымъ же образомъ Ремюза и др. разсматривали послѣдовательно, начиная съ Чэ-ши, исторію западной части восточно-азиатскаго нагорья, окрестивъ ее именемъ Уйгуріи только потому, что уйгуры переселились сюда въ X—XII вѣкахъ.

Несмотря на всё похвалы, которыхъ по справедливости достоинъ названный трудъ Абель Ремюза, и которыя расточаетъ ему въ обстоятельной замѣткѣ на «*Recherches sur les langues tartares*» Сильвестръ де Саси (*Journal de savants*, 1820, Juin), послѣдній, повидимому, не могъ согласиться съ мнѣніемъ Ремюза о родинѣ уйгуровъ и, не вступая въ обстоятельный разборъ и полемику, пишетъ нижеслѣдующее: «Центръ, изъ котораго начинались всё переселенія турецкой расы, кажется, былъ недалеко отъ верховьевъ Иртыша; тамъ, или недалеко оттуда, была резиденція уйгуровъ, которые первые изъ всѣхъ тюрковъ

имѣли алфавитъ» (р. 362). Эти слова были какъ бы предвѣстникомъ паденія установившихся взглядовъ о различіи хуй-хэ и уйгуровъ, и послѣ Ремюза никто уже не поднимаетъ ихъ. Въ 1828 году появляются въ свѣтъ «Записки о Монголіи» о. Іакинава и положительнымъ образомъ усганавливаютъ данныя о тождествѣ уйгуровъ и хуй-хэ. Историческая часть «Записокъ о Монголіи» нашла себѣ болѣе полное выраженіе 23 года спустя въ другомъ трудѣ автора «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена», котормъ мы будемъ говорить подробно, но я въ томъ сокращенномъ видѣ, въ какомъ издано «Историческое обозрѣніе народа Монгольскаго» въ «Запискахъ о Монголіи», оно не могло остаться безъ вліянія на судьбы вопроса объ уйгурахъ. Окончательное отождествленіе хуй-хэ съ уйгурами, во-первыхъ, и причисленіе уйгуровъ къ монгольскому племени, во-вторыхъ, — являлись смѣлою новостью послѣ цѣлаго ряда предшествующихъ работъ въ противоположномъ направленіи. Нужно было разобратъся во всемъ разнообразіи фактовъ, взглядовъ и доказательствъ, — и вотъ эту-то задачу взялъ на себя Каземъ-бэкъ въ обстоятельной статьѣ — «Исслѣдованія объ уйгурахъ» (Ж. М. Н. Пр., 1841, ч. XXXI). Автору во многомъ вредно незнаніе китайскаго языка. На этомъ основаніи онъ дѣлаетъ фантастическія сблженія словъ Гао-чэ (цзюй) 高車 и Гао-чанъ 高昌 (стр. 45), опровергаетъ вымышленное имъ же самимъ отличіе у Іакинава названій Тулэ отъ Дили, составляющихъ измѣняющую транскрипцію іероглифовъ 敕勒 и 鐵勒 (стр. 54), и лишается возможности сличеніемъ переводовъ съ подлинниками избѣжать массы ошибокъ самыхъ мелкихъ. Но вѣдь этого трактатъ его заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія и большой похвалы. Имъ впервые установлено сблженіе показаній Абульгази-Багадуръ-хана съ китайскими лѣтописями о древнихъ жилищахъ уйгуровъ и вообще придано большое значеніе труду харезмскаго князя. На исторію уйгуровъ Каземъ-бэкъ смотритъ съ двухъ точекъ: «какъ на исторію царства, состоявшаго изъ многоразличныхъ

племень, посвятивших это общее наименование и распространивших свое могущество вѣ предѣловъ Тчесскихъ, и какъ на исторію поколѣнія, впоследствии принимавшаго это наименование уйгуръ, какъ собственное имя. Мы постараемся соединить обѣ эти точки зрѣнія въ одну и говорить о той и другой, придерживаясь своего мнѣнія». Такое соединеніе вызвало у автора однако смѣшеніе понятій, причиною котораго мы считаемъ и у него, какъ у Abel Remusat, игнорированіе датъ, указывающихъ происхожденіе китайскихъ источниковъ. Онъ самъ нѣсколько разъ повторяетъ о странахъ и племенахъ Притянь-шаньскихъ: «Когда они въ первый разъ назвались уйгурами, кто ихъ назвалъ этимъ именемъ, и что дало поводъ къ этому названію, — объ этомъ мы ничего до сихъ поръ не нашли въ китайскихъ источникахъ» (стр. 43—44). Несмотря на это, Каземъ-бэкъ, отнеся первыя поселенія уйгуровъ въ страны Халхи, въ Селенгинскій бассейнъ, и не сказавъ ничего о передвиженіи этихъ древнѣйшихъ племенъ на западъ, продолжаетъ исторію уйгуровъ съ описанія Чэ-ши (Тчэссэ) только потому, что китайскіе историки XIII и XIV вѣковъ называютъ ихъ земли уйгурскими. Въ силу этой непослѣдовательности страннымъ представляется у него переходъ и къ исторіи гао-гюйскихъ племенъ. Здѣсь онъ опять пользуется неправильно словами Іакинѳа, что «гао-гюйскія племена по переселеніи въ Тарбагатай, стали называться ди-ли», и на этомъ основаніи помѣщаетъ ихъ на западѣ. Но какъ бы то ни было, а старыя взгляды на безусловное различіе хуй-хэ и уйгуровъ рухнули, и новая система въ лицѣ Іакинѳа и Каземъ-бэка заняла прочное положеніе. Этихъ двухъ ученыхъ нельзя считать вполне единомышленниками: Іакинѳъ считалъ уйгуровъ монголами, приближаясь нѣсколько въ этомъ пунктѣ къ взглядамъ Шмидта, Каземъ-бэкъ же смотрѣлъ на нихъ, какъ на тюрковъ, даже не упоминая въ своемъ трудѣ объ этой разницѣ своей во взглядахъ съ о. Іакинѳомъ.

Послѣ труда Каземъ-бэка въ сочиненіяхъ по уйгурскому вопросу содержится главнымъ образомъ количественное воспол-

нение и обогащение исторического материала, безъ особой обработки его. Такъ, въ 1847 г. Julien издалъ извлечение изъ сочиненія Ма-дуанъ-лвня, описаніе путешествія Ванъ-янь-дэ на западъ, переведенное уже раньше у Visdelou и Abel Rémusat; онъ снабдилъ его болѣе обстоятельными комментаріями сравнительно съ прежними переводами, но выводовъ никакихъ не сдѣлалъ.

Новую гипотезу о происхожденіи имени уйгуръ выдвинулъ въ 1849 г. Дорчжи Банзаровъ. «Профессоръ Каземъ-бэкъ», пишетъ онъ, «считаетъ ойратъ и уйгуръ за однозначительныя нарицательныя имена, которыми обозначались народы Средней Азии, допуская, что «уйгуръ», дѣйствительно, произведено отъ турецкаго «уймакъ» — пригнѣяться, приставать, какъ толкуетъ Абуль-гази (Ж. М. Н. Пр., 1841). По моему мнѣнію, дѣйствительно, есть сродство между этими именами, но только въ другомъ родѣ: «уйгуръ» происходитъ отъ «ой» — лѣсъ и «гуръ» — народъ и есть не что иное, какъ другая форма имени «ойратъ»¹⁾ или переводъ его. Исторія свидѣтельствуетъ, что уйгуры, переселившись изъ южной Монголіи на сѣверъ, обитали именно въ лѣсной Монголіи, т. е. на сѣверо-западѣ (о. Іакинъ, Записки о Монголіи, ч. III, стр. 136—137). Когда это поколѣніе составляло ханство, то ядро его обитало въ среднѣ Сѣверной Монголіи. Рашидъ-Эддинъ и Абуль-гази говорятъ, что уйгуры дѣлились на два отдѣла: одни жили по десяти рѣкамъ и назывались онъ (десять)-уйгуръ, а другіе — по девяти и назывались тогузъ (девять)-уйгуръ. Хотя Рашидъ-Эддинъ и приводитъ названіе десяти рѣкъ, на которыхъ жили уйгуры, но признать въ нихъ невозможно нынѣшнихъ названій; только въ Учъ-табилъ узнаемъ Гурбанъ-Тампръ, и въ Тулеръ нынѣшнюю Тоолу, впадающую въ Орхонъ; въ Утикэнъ узнаемъ У-ти-цзянь китайскихъ

1) Доказанное уже сродство языковъ тюркскаго и монгольскаго позволяетъ думать, что слово «ой», употребительное только у Монголовъ, принадлежало нѣкогда и тюркамъ, а «гуръ» также не только общее слово монголамъ и тюркамъ, но сохранилось донинѣ и въ маньчжурскомъ «гурунъ»-народъ. Поэтому, если бы уйгуры и были тюркскій народъ, какъ думаютъ многіе, то тогда наше словопроизводство не можетъ почтеться невозможнымъ.

историковъ, — гору, около которой, вѣроятно, протекала рѣка того же имени и на западной сторонѣ которой стоялъ Хара-Хурумъ, столица уйгурскихъ хановъ; это та самая гора, которая у монголовъ называется Утэгэ-хулавъ ᠤᠲᠡᠭᠡ ᠬᠤᠯᠠᠪ и при которой Угэтэй-ханъ скончался (Акинъ, Ист. 4 хаповъ, стр. 284—287). Тотъ же историкъ говоритъ, что десять рѣкъ назывались общимъ именемъ «Онъ-орхонъ» — десять Орхоновъ. Этихъ данныхъ уже достаточно, чтобы доказать, что онъ-уйгуры жили по бассейну нижняго Орхона, а девять-уйгуровъ жили, вѣроятно, по Селенгѣ. Можетъ быть, этотъ послѣдній отдѣлъ уйгуровъ (если они были тюркскаго племени) состоялъ изъ ойратовъ. Глава этихъ уйгуровъ девяти рѣкъ назывался чисто монгольскимъ именемъ голъ-эркинъ ᠭᠣᠯᠠ ᠡᠷᠬᠢᠨ ¹⁾, «начальникъ гола», «главный на рѣкахъ», а у десяти уйгуровъ — иль — ильтэрэръ, ильтебэръ. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ всѣхъ фактовъ, которые окончательно могли бы объяснить вопросъ объ этихъ народахъ, но должно замѣтить, что вопросъ этотъ могъ бы быть развитъ до занимательной ясности, если бы въ основаніе его положить мысль, что уйгуры и ойраты суть два лѣсныхъ народа тюркскаго и монгольскаго племени, составлявшіе (съ VIII столѣтія) одно политическое тѣло» ²⁾.

Мнѣніе это представляется намъ не болѣе, какъ остроумной догадкой и заслуживаетъ вниманія больше по личности автора, чѣмъ по существу дѣла. О немъ должно замѣтить слѣдующее:

1) Весь выводъ автора построенъ такъ: уйгуры жили въ лѣсной области, лѣсъ по монгольски ᠬᠤᠯ , народъ ᠡᠷᠬᠢᠨ , слѣд., «уйгуръ» значитъ лѣсной народъ. Но если уйгуры были тюрки, то какимъ образомъ у нихъ оказалось монгольское названіе? Банзаровъ объясняетъ это сродствомъ языковъ, но вѣдь слова ᠬᠤᠯ

1) У Джурджидовъ (по кит. Сю-дзиэнь) эргинъ означало «начальникъ гарнизона въ степной ордѣ (Visdelou, Suppl.)»

2) «Черная вѣра или шаманство у монголовъ» и другія статьи Дорджи Банзарова. Изд. подъ ред. Потанина. Сиб., 1891. Статья «Объ Ойратахъ и Уйгурахъ», стр. 86—87.

«ой» онъ самъ не находитъ въ турецкомъ языкѣ; слѣдовательно, вопросъ остается открытымъ.

2) «Уйгуръ есть не что иное, какъ другая форма имени ойратъ или переводъ его», пишетъ авторъ. Въ словопроизводствѣ Банзаровъ стоитъ совершенно на почвѣ одинаковой съ другими учеными, сторонниками иного мнѣнія. Они объясняютъ оба слова «уйгуръ» и «ойратъ», какъ имѣющія тождественный смыслъ «союзникъ», хотя и берутъ его съ различныхъ языковъ. Если мы признаемъ съ Банзаровымъ, что «уйгуръ» есть переводъ слова «ойратъ», то, очевидно, первое слово должно появиться поздиѣе второго, какъ ссздавшееся на почвѣ его. Откуда же это однако слѣдуетъ? Если китайское *хуй-хэ* 回紇 есть транскрипція слова уйгуръ, что признаетъ и самъ Банзаровъ (стр. 9), то послѣднее извѣстно еще со временъ Танской династїи, между тѣмъ самъ Банзаровъ, въ интересахъ котораго было бы начать возможно раньше исторїю имени ойратъ (стр. 83), возводитъ ее только ко временамъ Чингисовыхъ завоеваній. Рашидъ-эдинъ и Абуль-гази же оба сообщаютъ имена ойратъ и уйгуръ, не отдавая какому-либо изъ нихъ первенства во времени происхожденія.

3) Относительно національности уйгуровъ Банзаровъ не имѣетъ опредѣленнаго мнѣнія. Въ статьѣ «Пайцзэ или металлическія дощечки» онъ пишетъ: «Буквы взяты были монголами отъ племени уйгуръ (турецкаго или монгольскаго)» (стр. 48). На стр. 86, въ примѣчанїи, онъ говоритъ: «Поэтому, если бы уйгуры и были тюркскій народъ, какъ думаютъ многіе, то и тогда наше словопроизводство не можетъ похвастаться невозможнымъ». Повидимому, здѣсь онъ склоненъ думать, что уйгуры — монголы. Это подтверждаетъ и его сближеніе словъ «ой аратъ» 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 и «ой гуръ» 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍; между тѣмъ въ заключительной фразѣ статьи онъ прямо считаетъ уйгуровъ тюрками.

4) Наконецъ, послѣдняя фраза приведенной нами выдержки изъ его сочиненія: «Здѣсь не мѣсто»... и т. д. обличаетъ намъ въ авторѣ положительное незнакомство съ правильнымъ историческимъ методомъ. Онъ рекомендуетъ здѣсь строить изученіе

исторія этихъ народовъ на предвзятой теоріи; онъ предписываетъ выводъ раньше, чѣмъ извѣстны факты, и по сему такая мысль положительно должна быть отвергнута. Въ противоположность этому, мы совершенно соглашаемся съ Каземъ-бэкомъ, когда онъ говоритъ, что рѣшеніе вопроса объ уйгурахъ «требуетъ весьма подробнаго критическаго разсмотрѣнія всего, что китайскіе авторы въ разныя времена писали о Тчэссахъ, гоей-гуяхъ, уйгурахъ и хой-хорахъ или хуй-хэ». (Исслѣдованія объ уйгурахъ, стр. 43). Вообще же о трудѣ Банзарова должно сказать, что въ его статьѣ не видно обстоятельнаго изученія вопроса объ уйгурахъ. Это — остроумная догадка, основанная на сближеніи пяти-шести словъ; это набросокъ, чуждый строго исторической основы, который, можетъ быть, оказался бы несостоятельнымъ для самого автора, если бы онъ попробовалъ проверить и освѣтить его лучами исторіи. Впрочемъ онъ и не могъ сдѣлать этого: Дорджи не зналъ китайскаго языка, а по сему древнѣйшія свѣдѣнія объ уйгурахъ были ему недоступны.

Предъ нами лежитъ, наконецъ, самый большой и, безспорно, самый важный трудъ объ уйгурахъ — это Іакиншоово «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена» (2 т., 1851 г. Сиб.). Онъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе и собраніе матеріаловъ, которые служили уже раньше автору при составленіи исторической части «Записокъ о Монголіи», но здѣсь они являются въ гораздо болѣе строгой послѣдовательности и въ гораздо болѣе ясности. «О. Іакинъ», пишетъ въ своемъ трудѣ д-ръ Бретшнейдеръ, «даетъ самыя подробныя свѣдѣнія относительно исторіи хуй-хэ или уйгуровъ, взятыя изъ китайскихъ лѣтописей»¹⁾. И, дѣйствительно, только со времени появленія его труда оказалось возможнымъ для всѣхъ слѣдить за древними судьбами хуй-хэ, за ихъ кочеваніями, возвышеніемъ и упадкомъ, переходами то на западъ, то на востокъ, то на югъ степи, подпаденіями подъ власть то того то другого народа и т. д. Матеріалы для этого даетъ

1) Op. cit., p. 237.

не одна исторія хуй-хэ при Танской династїи, но вся сумма матеріаловъ: и исторія гао-гюйскихъ племенъ и исторія жу-жаней, ту-кюэцевъ и хякасовъ. Словомъ, если бы говорить о положительныхъ сторонахъ труда о. Іакпнеа, то можно бы написать книгу, едва ли меньшую его двухтомнаго труда, потому что съ 1851 года почти всё изслѣдованїя о кочевникахъ, вышедшихъ изъ Азіи и явившихся въ разные времена въ Европѣ, имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ именно упомянутое сочиненіе. Но мы обязаны коснуться и отрицательныхъ сторонъ труда, насколько намъ приходилось имѣть съ ними дѣло при занятїяхъ уйгурскимъ вопросомъ.

Прежде всего намъ кажется, что у о. Іакпнеа не было опредѣленнаго плана и прямо поставленной задачи при составленїи данныхъ переводовъ. Только этимъ можно объяснить тѣ важнѣйшіе пропуски, какіе мы находимъ въ его трудѣ. Излагается имъ исторія гао-гюйцевъ при сѣверной Вэйской династїи и исторія хуй-хэ при Танахъ. Въ послѣдней говорится, что названіе гао-гюй позднѣе измѣнено въ тѣ-лэ, что при Суйской династїи «племя Юань-гэ называлось Вэй-гэ», и т. п. Какъ же можно было при такомъ большомъ трудѣ не заглянуть въ лѣтописи Суйской династїи? Разсматривать періоды Вэйской и Танской династїи — и пропустить промежуточную Суйскую! Трудно даже предположить, чтобы о. Іакпнеъ при своей огромной эрудиціи не видѣлъ этихъ лѣтописей. Нѣтъ, онъ просто-на-просто не придалъ имъ никакого значенїя. Однако, какъ увидимъ ниже, данныя Суйской исторїи, при всей ихъ краткости, проливаютъ много новаго свѣта на этнографїю хуй-хэскихъ племенъ и устанавливаютъ прочную связь между показанїями Вэйскихъ и Танскихъ лѣтописей. Конечно, можно возразить на это, что не могъ о. Іакпнеъ одинъ удовлетворить всё, хотя бы и справедливыя требованїя. Онъ одинъ сдѣлалъ столько же, сколько почти всё миссіонеры, жившіе до него и при немъ на сѣверномъ пекинскомъ подворьѣ, взятые вмѣстѣ, но мы отгѣняемъ именно такой пропускъ, который при крайней количественной незначи-

тельности былъ бы существенно важенъ для выводовъ самого автора и который при этомъ по характеру матеріала совершенно однороденъ съ излагаемыми авторомъ свѣдѣніями.

Всматриваясь въ самый переводъ, мы не можемъ не отмѣтить у о. Іакинѣа нѣсколько приѣмовъ неправильныхъ, которые дѣлаютъ пользованіе его трудомъ для лицъ, лишенныхъ возможности, по незнанію китайскаго языка, сличать переводъ съ оригиналомъ, крайне затруднительнымъ и даже опаснымъ для научной работы. Во-первыхъ, онъ позволяетъ себѣ произвольное замѣщеніе китайскихъ названій вольнымъ переводомъ и даже допускаетъ крайне вредный приѣмъ — переводъ двухъ совершенно различныхъ словъ однимъ русскимъ терминомъ. Такъ, основнымъ племенемъ дома хуй-хэ 回紇 было племя юань-хэ 遠紇. Оно входило въ составъ гао-гюй при Вэйской династіи, въ тѣ-лэ при Суйской и въ хуй-хэ въ періодъ Тановъ. На стр. 373 о. Іакинѣа пишетъ: «Юань-гэ (т. е. Ойхорь)» и въ слѣдующей же фразѣ переводитъ слово юань-гэ — ойхорцы. На слѣдующей страницѣ онъ пишетъ: «Ойхоръ (въ кит. текстѣ юань-хэ), соединившись съ Пугу, Тунпо и Баѣгу, отложился, объявилъ себя Сыгинемъ и назвался Хой-хэ»; къ этому онъ сейчасъ же дѣлаетъ примѣчаніе: «Хой-хэ собственно есть ойхоръ». Такимъ образомъ и юань-хэ 遠紇 и хуй-хэ 回紇 онъ переводитъ по-русски словомъ «ойхоръ», хотя это два понятія совершенно различныхъ, именно: юань-хэ — отдѣльное племя, а хуй-хэ — союзъ, коалиція отдѣльныхъ племенъ и названіе правящаго ими, царствующаго дома. Неправильность такого приѣма очевидна. Если бы въ строго научномъ трудѣ, посвященномъ вопросу объ объединеніи Германіи мы начали безразлично употреблять слова «Пруссія» и «Германія», то легко себѣ представить, какая путаница историческихъ понятій и терминовъ получилась бы у насъ! Такая же точно путаница существуетъ въ переводѣ о. Іакинѣа, и разобраться въ ней человѣку, незнакому съ китайскимъ языкомъ, невозможно.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ о. Іакинѣа не вдумывался въ текстъ

и допускалъ противорѣчія; напр., на стр. 406, при разсказѣ о возмущеніи въ хуй-хэской ордѣ переводчикъ кое-гдѣ совсѣмъ не понялъ текста, какъ, напр., показываетъ выраженіе изъ рѣчи Ли-ми: «Во времена трудныхъ обстоятельствъ употребляли сей обрядъ и со всѣмъ тѣмъ подчиняли себѣ, кольми паче въ настоящее время». «Histoire de la Tartarie» Visdelou (p. 146) даетъ понять возможность иного, гораздо болѣе яснаго перевода. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ о. Іакинъ, переводя подстрочно, не дѣлаетъ поясненій и примѣчаній; для незнакомаго же съ китайскимъ текстомъ получается историческое противорѣчіе. Такъ, въ рѣчи хана годовъ правленія Чжэнь-юань (стр. 413) «Нынѣ», говоритъ ханъ, «къ счастью, я сдѣлался преемникомъ и отъ отца имѣю пропитаніе»:

也父於食仰絕繼得幸今

Отъ какого же отца (父 Фу) могъ имѣть пропитаніе ханъ, если его отецъ былъ уже давно убитъ? Виделу замѣтилъ это противорѣчіе и переводитъ: «l'Empire qui me nourrit» (p. 148), а, можетъ быть, ханъ называетъ отцомъ и Гѣгянгаса.

Но самое вредное для лицъ, незнакомыхъ близко съ трудами Іакина, чертою его переводовъ является, безъ сомнѣнія, проходящая сквозь все сочиненіе предвзятая идея о томъ, что уйгуры по своему происхожденію были монголы. Какія были основанія у знаменитаго сиолога для такого вывода, онъ нигдѣ не говоритъ опредѣленно, хотя положеніе о монгольскомъ происхожденіи среднеазиатскихъ кочевниковъ является у него во всѣхъ трудахъ краеугольнымъ камнемъ обобщеній по этнографіи, и явилось оно, внѣ всякаго сомнѣнія, слѣдствіемъ глубокаго изученія перемѣнъ въ судьбахъ племенъ восточно-азиатскаго нагорья. Всѣ наши поиски въ трудахъ ориенталистовъ, вызванные желаніемъ найти хотя какую-нибудь путеводную нить къ разъясненію этого взгляда о. Іакина, не дали никакихъ результатовъ. Замѣтно только какое-то странное проницательное отношеніе къ «увлеченію монголизмомъ» у сиолога — и больше ничего. Вдумываясь въ эту удивительную на первый взглядъ ошибку о.

Иакиноа, мы пришли къ заключенію, что вся система о. Бичурна построена на неправильномъ переводѣ двухъ іероглифовъ. Во всѣхъ же своихъ дальнѣйшихъ послыжахъ она представляется замѣчательно правильною и стройною. Можно, правда, указать на несостоятельность нѣкоторыхъ изъ его доказательствъ, но эти доказательства и для самого творца системы имѣютъ второстепенное значеніе. Невѣрно переведенные іероглифы суть 汗海 *хань-хай*. Въ словарѣ Палладія и Попова они значатъ: «Монгольская степь; сѣверная каменная степь, куда птицы летаютъ мѣнять перья, древн.» (т. 2, стр. 96). А о. Иакиноа разумѣетъ подъ *Хань-хай* озеро Байкалъ. Но допустите переводъ о. Иакиноа, и тогда вся его система становится ясною, какъ на ладони. Новѣйшія изслѣдованія вполне подтверждаютъ мысль, которая для о. Иакиноа была очевидною, что первоначальныя жилища и кочевья монгольскаго племени располагались вокругъ Байкала и по направленію къ верховьямъ Амура. Слѣдя по китайскимъ лѣтописямъ за мѣстами первоначальныхъ поселеній племени, родственныхъ съ гао-гюй и хуй-хэ, онъ долженъ былъ ихъ приурочить именно къ этимъ мѣстамъ. Про гу-ли-гань, напр., говорится: 骨利幹處瀚海北, т. е. «гу-ли-гань жило по сѣверную сторону Хань-хай», а о. Иакиноа переводитъ «Гу-ли-гань кочевало по сѣверную сторону Байкала» (стр. 439). Около этихъ же мѣстъ кочевали племена Ху-сѣ, У-ло-хунь, Ба-ѣ-гу. А если такъ, если уйгурскія племена занимали исконныя жилища монголовъ, то не очевидно ли, что они сами — монголы? Конечно, такъ. А если они монголы, то и единоплеменные имъ орды, занявшія земли болѣе южныя, — тоже монголы, а вслѣдъ затѣмъ и другія племена динь-линны¹⁾ и даже чи-ди²⁾, потомками которыхъ историки китайскіе признаютъ всѣхъ гао-гюйцевъ и хуй-хэ, неминуемо должны быть причислены къ монгольской же народности. Можно ли сказать хотя одно слово противъ такого правильнаго заключенія? Можно

1) Т. I, стр. 448.

2) Ib., стр. 248.

свести дѣло только къ вопросу о компетентности китайскихъ лѣтописей въ разрѣшеніи даннаго положенія, но вѣдь эти анналы являются единственнымъ источникомъ, и выбора здѣсь никакого быть не можетъ.

Совсѣмъ другая картина разселенія племень представится намъ, если мы упомянутое названіе 濶海 «хань-хай» переведемъ терминомъ «Гобя», разумѣя подъ нею восточную ли то или западную степь. Тогда всѣ племена, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, передвигаются въ гораздо болѣе южную полосу Средней Азіи. Знаменитые гу-ли-гань, вмѣсто сѣверныхъ частей нынѣшнихъ Забайкальской области и Иркутской губерніи, займутъ южныя полосы ихъ, гдѣ-то на границѣ Россіи съ Китаемъ, а болѣе сѣверную территорию придется отвести племенамъ «Гюнь-ма, иначе Би-ла и Ъ-ло-чжи, жившимъ на сѣверѣ близъ моря»¹⁾, гдѣ подъ моремъ разумѣется, конечно, Байкалъ. Тогда понятнымъ становится, какъ это племена да-хань и гюй, обитавшія еще сѣвернѣе, могли приходить въ столкновение съ хягасами, т. е. киргизами. По теоріи о. Іакинна, имъ приходилось «обитать гдѣ-то по Ленѣ и Енисею, отъ хягасовъ и Байкала далѣе на сѣверъ»²⁾, т. е. гдѣ-то въ тундрахъ, и съ какими же киргизами могли они тамъ сталкиваться? Здѣсь легко было бы винить китайцевъ въ несообразности и нелѣпости, но не легче и не вѣрнѣе ли обвинить въ ошибкѣ переводчика и толкователя, избавивъ китайскія лѣтописи отъ напрасныхъ нареканій? Мы предпочитаемъ послѣднее.

Съ перемѣщеніемъ всѣхъ уйгурскихъ племень въ болѣе южную полосу Средней Азіи область первоначальныхъ поселеній монгольской народности остается далеко внѣ сферы исторической жизни хуй-хэ. Монголы могли жить въ нынѣшней Забайкальской области, а также на востокъ и на западъ отъ Байкала и на островахъ его, почти не приходя въ соприкосновеніе съ сильными сосѣдями своими на югѣ. Послѣднимъ, занятымъ борьбою съ

1) Гб., стр. 442.

2) Ibidem.

Китаемъ, Тибетомъ и хягасами и собственными междоусобіями, не было времени думать о сѣверѣ, да и не было тамъ ничего привлекательнаго для кочевниковъ съ ихъ стадами. Бѣдное населеніе, лѣсистая угрюмая мѣстность, горы, перерѣзанныя сравнительно плодородными рѣчными долинами, — все это не давало простора значительнымъ по численности хуй-хэскимъ ордамъ, и мы, дѣйствительно, не знаемъ ни одного, хотя бы самаго краткаго, извѣстія о движеніи ихъ на сѣверъ дальше долинъ Селенги, Тоолы и Орхона. А пока монголы сидѣли въ сѣверныхъ прибайкальскихъ земляхъ, степь занимали тюрки, владѣя ею вплоть до XI вѣка, когда монголы выступили на всемірную арену и отѣснили далеко своихъ южныхъ сосѣдей. Такимъ образомъ весь вопросъ сводится къ опредѣленію термина 瀚海, но это вопросъ довольно трудный. Обыкновенно этотъ названіемъ обозначается сѣверо-восточная часть Монгольской Гоби. Впервые этотъ терминъ встрѣчается въ китайскихъ лѣтописяхъ подъ 119 годомъ по Р. Х. Тамъ рассказывается, что китайскій генералъ, нанеся поражение сюнь-пу преслѣдовалъ ихъ до Хань-хай. Комментарій Танской исторіи объясняетъ Хань-хай черезъ «сѣверное море». Рихтгофенъ (China, I, 24) правильно переводитъ эти два іероглифа черезъ «высохшее море». Онъ строитъ на этомъ теорію существованія огромнаго моря въ древнее время въ этихъ мѣстахъ, которое нынѣ превратилось въ пустыню. Китайскія лѣтописи V столѣтія означаютъ Хань-хай, какъ мѣстожительство жу-жаней, власть которыхъ въ этотъ періодъ простиралась на большую часть Монголіи. Двумя столѣтіями позднѣе Танская исторія утверждаетъ, что владѣнія ту-кюэцевъ доходили до сѣверной стороны Хань-хай, и мы читаемъ, что въ странѣ хуй-хэ въ 630 г. было учреждено Хань-хай-ду-ду-фу, т. е. Хань-хайское генералъ-губернаторство. Не взиралъ на то, что китайскій комментаторъ объясняетъ этотъ терминъ словами «сѣверное море», не видно однако изъ исторіи, что это названіе прилагается къ морю. Мингъ-п-тунъ-чжи (географія Минской династіи) въ главѣ о Лю-чэнь, расположенномъ между Турфанью и Пичаномъ,

утверждаетъ, что Хань-хай — не китайское слово, а названіе варварскихъ племенъ, живущихъ къ востоку отъ этой страны. Современные китайскія карты пустыню на востокъ отъ Хами называютъ Хань-хай.

Вотъ данныя, изъ которыхъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, что Хань-хай — степь, а не Байкальское озеро.

Несмотря на то, что вопросъ о монгольскомъ происхожденіи уйгуровъ является для о. Іакинаа положеніемъ безспорнымъ, но онъ все-таки старается обосновывать его на благопріятствующихъ ему фактахъ при обзорѣ исторіи племенъ. Впрочемъ это случается очень рѣдко, и намъ удалось найти только одно такое мѣсто, и выбрано оно, нужно сказать, ученымъ очень неудачно. Переводя отдѣлъ о хягасахъ, о. Іакинѣ встрѣтилъ такую фразу: «Письмо ихъ п языкъ совершенно сходны съ ойхорскимъ» (стр. 446); между тѣмъ цзянь-гунь, хягасы, хакасы или киргизы — племя, безспорно, тюркское; съ этимъ согласенъ и о. Вичуринъ. А если такъ, то и говорящіе съ нимъ однимъ языкомъ ойхоры — тоже тюрки! Какъ же примирить такое противорѣчіе общепринятому въ сочиненіи взгляду? Спидологъ пытается устранить его догадкою, идущею въ разрѣзъ съ буквальнымъ смысломъ текста, что встрѣчается у него крайне рѣдко, и догадка построена имъ на этотъ разъ совершенно неудачно¹⁾.

1) Считаю нужнымъ выписать здѣсь это объясненіе о. Іакинаа: «Хягасъ по первоначальному своему составу должно быть государство монголо-тюркское и состоитъ изъ двухъ народовъ: тюрковъ и монголовъ. Тюрки, иначе татары, есть коренные жители, а монголы суть ихъ повелители, извѣстные прежде подъ названіемъ хунновъ, а въ сію эпоху назывались они ойхорцами. Въ переговорахъ съ китайскимъ посольствомъ при дворѣ хягасовъ, вѣроятно, употребляли ойхорскій языкъ, какъ господствующаго народа, извѣстный китайцамъ: и потому посланникъ написалъ, что хягасы говорятъ ойхорскимъ языкомъ; въ самой же вещи хягасы говорили татарскимъ языкомъ, что доказываютъ слова: ай—иѣсяць, бэй—титулъ министра. Что касается до ойхорскаго письма, то оно, повидному, въ IX столѣтіи уже распространилось въ Монголіи, и, судя по названію, введено самими монголами въ неизвѣстное время, потому что дулгасцы, господствовавшіе въ Монголіи прежде ойхоровъ, также имѣли свое письмо» (Ів., т. I, стр. 446).

Въ своемъ объясненіи авторъ считаетъ вопросъ о монгольскомъ происхожденіи уйгуровъ уже рѣшеннымъ и ойхорскій языкъ считаетъ монгольскимъ, а въ то же время самъ ищетъ подтвержденія своему мнѣнію въ данномъ фактѣ. Но точное изслѣдованіе дѣла приводитъ къ противоположному съ о. Іакинѣомъ выводу. Во-первыхъ, нѣтъ никакихъ основаній заключать, что авторъ-китаецъ судилъ о хягасахъ по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя представлялись въ его распоряженіе хягасскими посольствами, являвшимися ко двору. У него были подъ руками или личныя наблюденія или записки очевидцевъ. Это ясно изъ слишкомъ точнаго характера сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Ясно, что говоря о языкѣ, онъ разумѣлъ языкъ разговорный, а не бумажный, книжный, дѣловой. Во-вторыхъ, хягасы и не могли употреблять въ сношеніяхъ съ Китаемъ ойхорскаго языка, потому что страницу спустя тотъ же лѣтописецъ пишетъ, что «послѣ завоеванія ойхорами государства хягасовъ» (т. е. именно тогда, когда монголы у нихъ стали повелителями тюрковъ) «хягасскія посольства уже не могли проникнуть въ Среднее государство» (стр. 449), и въ китайскихъ лѣтописяхъ мы свѣдѣній объ нихъ не находимъ. А для чего же хягасы, какъ самостоятельное государство, въ сношеніяхъ съ Китаемъ употребляли бы ойхорскій, а не свой языкъ? Ясно, что если хягасы были тюрки, то какъ и показываетъ прямой смыслъ приведенныхъ словъ китайской лѣтописи, говорившіе съ ними однимъ языкомъ ойхоры тоже были тюрки, а оружіе о. Іакинѣа обращается на него самого.

Въ виду всего вышесказаннаго переводъ о. Іакинѣа не можетъ считаться идеальнымъ и безукоризненнымъ. Правда, данныя имъ свѣдѣнія изъ Бэй-Вэйской исторіи въ его трудѣ впервые открылись европейскому міру, но отдѣлъ о хуй-ху изъ Танъ-шу почти за 100 лѣтъ до изданія «Собранія свѣдѣній о народахъ», былъ уже извѣстенъ въ переводѣ Виделу въ его «Histoire de la Tartarie». Можетъ показаться страннымъ, почему о. Іакинѣа взялъ для перевода старую Танскую исторію 舊唐書, а не новую 新唐書 *Син-танъ-шу*. Последняя гораздо вѣрнѣе, точ-

нѣе и полнѣе. Но разгадку даетъ «Supplément sur la Bibliothèque Orientale»: оказывается, что переводъ изъ Синь-танъ-шу давно сдѣланъ у Виделу, но почему-то оставался не у дѣлъ, и ни одинъ ученый не думалъ ставить его наравнѣ съ Іакинѳовымъ. Однако ему во многихъ отношеніяхъ нужно отдать преимущество предъ Іакинѳомъ, особенно за точную, отчетливую передачу собственныхъ именъ лицъ и мѣстностей и за отсутствіе всякихъ предвзятыхъ идей, которыя вліяли бы вредно на переводъ. Не нужно забывать также, что онъ полнѣе перевода о Іакинѳа, потому что взятъ изъ Синь-танъ-шу, и, какъ таковой, даетъ много новыхъ свѣдѣній, которыми должны были бы воспользоваться ученые, если бы отнеслись къ этому замѣчательному труду внимательнѣе. И страннѣе всего, что о Іакинѳѣ ни одинымъ словомъ нигдѣ не обмолвился о своемъ предшественникѣ-Visdelou, точно послѣдняго не существовало. Трудно предположить, чтобы о Бичуринъ не зналъ о существованіи этого труда. Противъ этого достаточно говорить его выборъ Цзю-танъ-шу, но въ переводѣ русскій синологъ идетъ совершенно самостоятельно и, видимо, даже не справляется съ взглядами французскаго коллеги. Оба перевода различны часто до противоположности.

Дальше слѣдуетъ трудъ В. В. Григорьева: «Восточный Туркестанъ» (Сиб., 1873). Во второмъ томѣ профессоръ даетъ компиляцію изъ всѣхъ предшествовавшихъ ему трудовъ, посвященныхъ вопросу объ уйгурахъ. В. В. Григорьевъ не сообщаетъ никакихъ новыхъ взглядовъ или выводовъ, ему лично принадлежащихъ. Нѣкоторымъ дополненіемъ извѣстныхъ раньше свѣдѣній являются здѣсь извлеченія изъ Ляоской исторіи, доставленныя автору китаистомъ Суровцевымъ (стр. 274—277), но и они по частямъ уже были извѣстны раньше. Крайне неудобною представляется въ «Восточномъ Туркестанѣ» система изложенія; авторъ слѣдовалъ методѣ Риттера въ этомъ отношеніи и потому разбросалъ данныя объ одномъ народѣ по разнымъ мѣстамъ книги, слѣдя за различными мѣстностями при переселеніяхъ и перекочевкахъ этого народа.

Впечатлѣніе нѣскольکو страннаго анахронизма производятъ два реферата Schott'a: «Zur Uigurenfrage», Abhandl. der königl. Acad. d. Wissensch. zu Berlin, 1873 и 1875 г. Онъ, вовсе не касаясь общаго хода исторіи вопроса объ уйгурахъ, въ первомъ рефератѣ возвращается къ давно погребенной борьбѣ Клапрота и Шмидта и подвергаетъ новому пересмотру переводъ Клапротомъ текста Абульгази. Шоттъ указываетъ въ переводѣ множество ошибокъ, о которыхъ мы, не зная языка Харезмскаго князя, не судимъ, обвиняетъ Клапрота въ поспѣшности, произволѣ и пр. Но всѣ эти замѣчанія не имѣютъ никакого вліянія на выводы самого Шотта. Совершенно игнорируя всю работу европейской и особенно русской мысли со временъ Абель Ремюза, онъ вновь повторлетъ данныя объ уйгурахъ при Тянь-шани, пытается найти начало племени уйгуръ въ II-y 伊吾, древнемъ названіи Хами, говоритъ о Чэ-ши 車師, Гу-ши 故師, Гаочань 高昌, какъ роднѣ уйгуровъ, и прочее.

Во второмъ рефератѣ авторъ сообщаетъ, что источниками ему служили главнымъ образомъ двѣ энциклопедіи: Тай-пинъ-хуай-юй-цзи 太平寰宇記 и Вэнь-сянь-тунъ-као 文獻通考. Страннымъ представляется такой выборъ источниковъ, краткихъ и неполныхъ, тогда, когда европейскими синологами разработаны уже двѣнадцатый исторіи въ отдѣлахъ объ инородцахъ Китая. Кромѣ того, Вэнь-сянь-тунъ-као уже давно давало матеріалы ученымъ. Еще Дегинъ первый обратилъ на нее вниманіе и пользовался ея богатствами, и Абель Ремюза отдалъ должное критическому уму ея автора. Что же касается до Тай-пинъ-хуай-юй-цзи, то это — маленькая энциклопедія, гдѣ всѣ свѣдѣнія о хуй-хэ и гао-гюйцахъ излагаются всего на трехъ листкахъ. Авторъ опять обращаетъ вниманіе на мѣста поселеній уйгуровъ при Тянь-шани и не обращаетъ вниманія на другія племена уйгурскія, не старается возстановить ихъ связь, хотя энциклопедія въ отдѣлѣ о тѣ-лэскихъ племенахъ и даетъ для этого достаточно матеріала.

Изъ всѣхъ послѣднихъ изслѣдователей уйгурскаго вопроса

мы въ правѣ предъявить всего болѣе требованій къ доктору Бретшнейдеру, какъ къ синологу, долго занимавшемуся исторіей и географіей Средней Азіи по восточнымъ и западнымъ источникамъ. Однако нельзя сказать, чтобы въ своемъ сочиненіи «*Mediaeval Researches*» (London, 1888) въ отдѣлѣ «*The Uigurs*» (v. II., pag. 236—263) онъ воспользовался очень обстоятельно китайскою бібліотекою по данному предмету, хотя онъ и снимаетъ отчасти отвѣтственность съ себя указаніемъ довольно ограниченной, прямо поставленной предъ собою задачи. Онъ хотѣлъ «сдѣлать для европейскихъ ученыхъ доступными нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія изъ исторіи и географіи Азіи, находящіяся въ древнихъ китайскихъ и монгольскихъ произведеніяхъ и относящіяся ко времени монгольскаго владычества въ Азіи» (т. 1, стр. 179). По отношенію къ уйгурамъ такую постановкою дѣла исключается совершенно, во-первыхъ, вся наиболѣе интересная часть исторіи этого народа, періодъ самостоятельнаго существованія ихъ и еще болѣе раннее время блужданія изъ-подъ главенства одного племени къ эгидѣ другого; во-вторыхъ, съ автора совершенно снимается отвѣтственность за такое или иное рѣшеніе вопросовъ о происхожденіи и этнографическомъ составѣ уйгуровъ. Авторъ въ правѣ былъ посему для всей исторіи до-монгольскаго періода пользоваться европейскими источниками, которые онъ и перечисляетъ. Видно, что онъ не сличалъ перевода о. Іакшина съ текстомъ Танской исторіи, потому что повторяетъ его ошибки. Что же касается до временъ Юаньской династіи, то и по отношенію къ этимъ годамъ новыхъ данныхъ объ уйгурахъ сообщается очень мало у этого автора по объему — несравненно менѣе обзора источниковъ для данного періода, обзора, помѣщеннаго въ «*Bibliographical notices*». Источниками для него служили Юань-ши, Юань-ши-лэй-бянь, Юань-чао-ми-ши (авторъ, по усвоенной на Западѣ ошибкѣ, пишетъ *pi-shi*), при чемъ первый трудъ занимаетъ главное мѣсто. Въ концѣ изложенія данныхъ китайскихъ лѣтописей авторъ приводитъ рядъ біографій уйгуровъ, прославившихся при Юаньской династіи, изъ Юань-ши; авторъ

не переводить ихъ, а только сообщаетъ основныя мысли каждой, замѣчая вообще, что «онѣ могутъ имѣть нѣкоторый интересъ» (р. 250). Этотъ указатель много облегчаетъ механическую работу собиранія матеріаловъ.

Уйгурскому вопросу посвященъ также трудъ академивка В. В. Радлова: «Das Kudatku Bilik» (Спб., 1891 г.). Во введеніи¹⁾ къ тексту рукописи авторъ на 93 страницахъ излагаетъ результаты всѣхъ своихъ долготѣтнихъ занятій даннымъ предметомъ и даетъ много новыхъ соображеній и выводовъ. Мы коснемся только его анализа данвыхъ китайскихъ источниковъ.

Прежде всего «Ueber den Namen Uigur». Подобно о. Іакинѣу, который два различныя слова и понятія юань-хэ и хуй-хэ переводитъ одинаково словомъ «ойхоръ», и В. В. Радловъ не различаетъ ихъ, а потому словомъ «Uigur» онъ переводитъ «ойхоръ» о. Іакинѣа съ тѣми же результатами. Посему авторъ говоритъ, что «die Uiguren zur Zeit der Dynastie der nördlichen Wei Kao-kü (гао-гюй) genannt wurden», и ниже: «Zur Zeit der Dynastie Sui werden die Uiguren Wei-ho (Вэй-хэ), manchmal auch Wu-ho (У-хэ) und Wu-hu (У-ху) genannt» (р. VII). Однако въ текстѣ сказано, что гао-гюйцами назывались хуй-хэ, а вэй-хэ, у-хэ и у-ху было именемъ отдѣльнаго племени юань-хэ, которое позднѣе въ соединеніи съ другими племенами, образовало союзъ племенъ, союзное государство, получившее имя хуй-хэ. Между тѣмъ въ «Histoire de la Tartarie» Visdelou говоритъ: «Les Ouei Tartares leur (Hoei-he, т. е. хуй-хэ) donnèrent le nom de Kao-tche» и ниже: «Quant aux Yuen-he», т. е. юань-хэ, «ils se nommoient encore Ou-hou et Ou-ho, ou bien Ou-he»²⁾. И о. Іакинѣъ говоритъ, что не хуй-хэ назывались у-ху и вэй-хэ, а юань-хэ.

Далѣе, стараясь уяснить себѣ названіе гао-гюй или гао-чэ 高車, прилагавшееся къ тюркскимъ племенамъ во времена

1) Извлеченіе изъ этого введенія въ русскомъ переводѣ помѣщено въ приложеніи № 2 къ LXXII т. Зап. Имп. Акад. Наукъ.

2) Suppl., Bibliothèque Orientale, v. IV, p. 128.

Вэйской династии, В. В. Радловъ строитъ рядъ гипотезъ. Въ началѣ онъ предполагаетъ, что его «можно было бы, пожалуй, считать переводомъ имени Канглы», но здѣсь же самъ опровергаетъ себя точнымъ показаніемъ, что племя Канглы, въ-первыхъ, жило гораздо западнѣе, во-вторыхъ, имѣетъ свое опредѣленное названіе въ китайскихъ лѣтописяхъ (Канъ-гюй). Въ слѣдующихъ строкахъ, уже отказываясь отъ желанія видѣть въ словѣ гао-гюй переводъ какого-либо тюркскаго слова, авторъ догадывается, что при томъ объясненіи имени гао-гюй, которое даютъ китайскіе историкъ («высокія телѣги»), мы наталкиваемся на образчикъ народной этимологіи или, вѣрнѣе, ученой этимологіи и на происшедшее отсюда преданіе. Въ словѣ гао-гюй 高車 онъ видитъ одинъ изъ примѣровъ того, что китайскіе авторы звуковую передачу иностранныхъ собственныхъ именъ выражаютъ такими іероглифами, которые дѣлаютъ понятнымъ для ихъ соотечественниковъ самый смыслъ имени. Такимъ образомъ по этой догадкѣ въ словѣ гао-гюй совмѣщается и транскрипція иностраннаго имени и осмысливаніе этого имени китайцами; послѣднее совершается совершенно произвольно, на почвѣ чисто случайнаго признака и не даетъ вовсе понятія о вѣрномъ значеніи иностраннаго слова. Авторъ останавливается на только что высказанной гипотезѣ и даетъ ей дальнѣйшій ходъ и развитіе. Собравъ вмѣстѣ всѣ названія уйгурскихъ племенъ, встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ Средняго государства, онъ строитъ слѣдующее обобщеніе.

«Эти различныя названія уйгуровъ китайцами распадаются на двѣ группы: 1) на имена съ гортаннымъ звукомъ: Као-кй, Нуй-хо, Нуй-ху, Нуй-хуй и 2) на имена съ гласнымъ звукомъ: Уй-хо (Wei-ho), У-хо (Wu-ho), У-ху (Wu-hu), Уй-нгу-гх (Wei-wu-gu). Всмотрѣваясь ближе въ эти ряды именъ, замѣтно съ перваго раза, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ искаженіями слова Uigur, явившимися вслѣдствіе трудности точной (lautlich) передачи этого слова китайскими знаками. Эти искаженія только тогда можно понять, когда мы выйдемъ въ законы транскрипціи иностранныхъ словъ китайскими іероглифами. Иностранныя слова

должны быть переданы въ такомъ случаѣ китайскими словами, а эти послѣднія состоятъ изъ одного слога, или, точнѣе, 1) изъ одной согласной; 2) изъ гласной съ конечною *нь* (*n*) или *нз* (*ng*); 3) изъ простой согласной и гласной; 4) изъ начальной согласной, гласной и конечной *нь* или *нз*; 5) изъ полнзвучныхъ согласныхъ *rh* (средней звукъ между *r* и *l*), *z*, *s* и *sch* безъ гласной. Китайцы опускаютъ обыкновенно при транскрипціи одну изъ находящихся въ среднѣ слова двухъ рядомъ стоящихъ согласныхъ, а также утаиваютъ передачу конечной согласной, которой не хватаетъ въ ихъ языкѣ. Всего лучше я могу это наблюдать въ китайской транскрипціи уйгурскихъ словъ уже упомянутого много разъ уйгурскаго словаря, напр., фраза udur käl транскрибирована 兀託謙 *у-то-цзянь*. Если же китайцы пожелаютъ транскрибировать слова точнѣе, они должны сдѣлать столько же слоговъ, сколько слово содержитъ согласныхъ, напр. киргизьки-ли-цзы-сы. Такимъ образомъ выше всякаго сомнѣнія, что слова U-hu, U-ho, Wei-hu и Wei-ho суть искаженія слова uigur, которое въ точной передачѣ звучитъ ui-gu-gh. А такъ какъ китайскія слова, содержащія въ себѣ гортанный звукъ, не могутъ выразить транскрипціи этого имени (въ которомъ гортаннаго звука нѣтъ), то они, вѣроятно, происходятъ отъ другой формы его, начинающейся съ гортанной. Лексиконъ Ковалевскаго (т. II, стр. 854, в) вмѣсто uigur пишетъ chui-gur, и мы поэтому въ правѣ принять, что или иностранцы племена (можетъ быть, тунгузы) сообщили китайцамъ въ самыя раннія времена форму chui-gur, или же послѣдняя представляетъ собою болѣе древнюю форму слова uigur, и что имена Као-кѹ, Нуй-хе, Нуй-ху и Нуй-хуй — искаженія формы chui-gur» (р. VIII).

По этому поводу необходимо замѣтить, что при анализѣ китайской фонетики авторъ руководится чисто европейскою точкою зрѣнія на языкъ и устанавливаетъ законы для нея, едва ли вполне обнимающіе вопросъ о транскрипціи китайскими іероглифами иностранныхъ именъ. Значеніе, придаваемое слогамъ и ихъ составнымъ частямъ, гласнымъ и согласнымъ, начальнымъ

и конечнымъ звукамъ, въ изложеніи В. В. Радлова усиливается въ ущербъ другой сторонѣ дѣла. Китайскій языкъ — корневой и односложный, и при передачѣ какихъ бы то ни было звуковъ въ немъ главную роль играютъ интонаціи или ударенія 音聲, а вовсе не гласные или согласные звуки, о которыхъ китайцы, не имѣя алфавита, не имѣютъ никакого понятія. При транскрипціи нѣкоторыхъ китайскихъ словъ европейское ухо часто даже не улавливаетъ начальнаго согласнаго звука, до того онъ неопредѣленно звучитъ въ рѣчи китайца. Оттого 烏 одни будутъ читать *у*, другіе — *оу*, а 俄 одни — *о*, другіе — *по*, и для китайца это не имѣетъ никакого значенія, если только вѣрно передана интонація звука. Но измѣните вы интонацію, и васъ никто не пойметъ. Для всякаго китайца измѣненіе интонаціи имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ измѣненіе отдѣльныхъ буквъ слова или слога (выражаясь приспособительно къ европейскимъ языкамъ) въ произношеніи іероглифовъ. На этомъ основаніи всѣ сѣверные китайцы понимаютъ другъ друга, хотя въ говорѣ ихъ существуетъ различіе (буквенное): одни называютъ чай 茶 *ча*, другіе *ца*, одни называютъ гору 山 *шань*, другіе *сань*. Разговаривающіе поймутъ одинъ другого, потому что произносятъ слово одною интонаціею (инь-шэнь). Но житель сѣверныхъ провинцій Китая уже совершенно перестаетъ понимать южанина, потому что въ рѣчи послѣдняго является новыя, неизвѣстныя первому интонаціи. Посему-то при анализѣ транскрипціи иностранныхъ именъ китайцами необходимо имѣть въ виду прежде всего подборъ интонацій, безъ тождества которыхъ и данныя для отождествленія именъ являются крайне шаткими. В. В. Радловъ этого вопроса не касается совершенно.

Далѣе, если мы будемъ говорить объ отдѣльныхъ буквахъ въ произношеніи іероглифовъ (такое выраженіе возможно только съ европейской точки зрѣнія, потому что для китайца чтеніе каждаго іероглифа представляетъ недѣлимую величину), то крупнѣйшую ошибку представляетъ сопоставленіе въ одномъ классѣ именъ гао-гюй и хуй-хэ, сближеніе звуковъ, выражаемыхъ

іероглифами *iao* 高 и *хуй* 回. Если въ нашихъ европейскихъ языкахъ буквы *i* и *x*, *y* и *ch* принадлежатъ къ одному разряду гортанныхъ и сближаются до того, что переходятъ одна въ другую и при произношеніи почти не различаются, то въ китайскомъ языкѣ ничего подобнаго нѣтъ: невозможно для китайца смѣшать *iao* и *hao*, *yui* и *хуй*, *ia* и *ха*, особенно, если они произносятся подъ различными тонаціями. Тѣмъ менѣе возможно сближеніе *iao* и *хуй*. И если даже для европейскаго уха весьма трудно признать въ *iao-юй* (и, можетъ быть, и *iao-ч*) звуковую передачу слова *ициг*, то для китайца подобная передача весьма затруднительна въ силу несовмѣстности звуковъ того и другого слова.

Необходимо, повидимому, обратить особенное вниманіе на имя юань-хэ 袁紇, изъ котораго уже позднѣе выродился звукъ вэй-хэ, у-хэ и у-ху. Игнорировать это названіе племени мы не имѣемъ никакаго права, если уже хотимъ послѣдовательно проводить сближеніе китайскихъ названій племенъ со словомъ «уйгуръ». Сначала нужно было бы помирить его съ некою величиною, найти въ немъ слово «уйгуръ», а потомъ уже переходить и къ позднѣйшимъ измѣненіямъ его, у-хэ и у-ху.

Однаково съ именемъ юань-хэ игнорируется также передача китайцами второго слога имени «уйгуръ». Откуда явилось такое сильное преобладаніе слога *хэ*? Юань-хэ, вэй-хэ, у-хэ, хуй-хэ, — все это мало гармонируетъ въ своемъ окончаніи съ грубымъ словомъ *гуръ*. Не особенно удовлетворительнымъ представляется объясненіе и систематическаго исчезновенія конечной буквы *р* въ словѣ уйгуръ до самыхъ временъ Юаньской династіи, хотя для выраженія ея имѣется достаточно средствъ въ китайскомъ языкѣ.

Представляется также довольно смѣлымъ сближеніе имени перваго разряда, т. е. имѣющихъ гортанную букву, съ монгольскимъ именемъ *chui-gur* 忽里, найденнымъ только въ монгольскомъ словарѣ Ковалевскаго, и прибавленная сюда же историческая догадка, что «или иностранныя племена (можетъ быть, тунгузы) сообщили китайцамъ эту форму въ самыя раннія вре-

мена, или же послѣдняя представляетъ собою болѣе древнюю форму слова *sigur*. Такое предположеніе легче высказать, чѣмъ обосновать, и во всемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи нѣтъ ни одного факта или соображенія въ пользу этихъ догадокъ.

Въ исторической части В. В. Радловъ попытался выяснитъ указываемую китайскими писателями этнографическую связь хуй-хэскихъ племенъ съ древними инородцами чи-ди 赤狄, по отсутствіе знанія китайскаго языка вызвало у него нѣкоторыя историческія и географическія недочеты.

Прежде всего ошибкою является искать отвѣта на вопросъ объ инородцахъ у Си-ма-цианя въ Шя-цзи 史記. Древнѣйшимъ источникомъ является лѣтопись Чунь-цю, ею и слѣдуетъ первѣе всего руководиться при помощи Цзо-чжуаня. В. В. Радловъ стоять въ этомъ случаѣ въ зависяности отъ о. Такиноа, хотя гораздо лучшимъ руководителемъ былъ бы Legge въ его «The Chinese classics». Необходимо отмѣтить недостатокъ прочной точки опоры въ разсужденіяхъ В. В. Радлова. Мало уяснивъ себѣ географическое положеніе древнихъ удѣльныхъ княжествъ Китая, онъ не можетъ понять и территорію инородцевъ, а удѣлы составляютъ въ данномъ вопросѣ единственный критерій достовѣрности. Затѣмъ онъ сляваетъ все инородческія племена въ одно и не распределяетъ ихъ даже по общимъ группамъ, означаемымъ и китайскими историками. Въ силу неясненности этихъ двухъ основныхъ элементовъ его изслѣдованіе и понять весьма трудно. Прежде всего онъ отступаетъ отъ общепринятой транскрипціи именъ двухъ удѣловъ: 秦 Цинь онъ пишетъ Ts'in, а 晉 Цзинь транскрибируетъ Tsin. Обыкновенно пишутъ наоборотъ. Это, конечно, формальность, но она влечетъ за собою другія ошибки. Удѣлъ Цинь 秦 лежалъ гораздо западнѣе государства Цзинь 晉, и инородцы, приходившіе въ соприкосновеніе съ тѣмъ и другимъ, совершенно отличны другъ отъ друга. Было бы весьма желательно помѣстить племена чи-ди гораздо западнѣе, но Чунь-цю отводитъ имъ мѣсто лишь въ Чжи-ли и Шань-си, и никогда въ Шэнь-си и Гань-су. Къ сѣверу отъ нихъ жили шань-жуны 山

戎 и дунь-жуны 東戎¹⁾. Посему одни и тѣ же инородческія племена едва ли могли приходиться въ соприкосновеніе съ удѣлами Цинь 秦 и Цзинь 晉; по крайней мѣрѣ чи-ди никогда не заходили западнѣе Цзиньской территоріи, а жуны, какъ, наур., гуань-жуны, имѣли большею частію дѣла съ удѣломъ Цинь 秦. Посему В. В. Радловъ, неправильно написавъ имя Вэнь-гуна (文公 Weng-kung, Вынь-гунъ), ошибочно считаетъ его Циньскимъ княземъ (秦 Ts'in, Цинь): онъ былъ правитель Цзиньскаго 晉 удѣла, какъ называетъ его и о. Іакинъ (т. I, стр. 6), и походы его мы должны приурочивать больше къ восточнымъ землямъ, нежели къ западнымъ, гдѣ былъ удѣлъ Цинь 秦. Что касается инородческихъ племенъ, жившихъ на территоріи двухъ сѣверо-западныхъ провинцій Китая, то говорить о родствѣ ихъ съ чи-ди нѣтъ никакихъ данныхъ. Правда, о. Іакинъ пишетъ, что въ періодъ Чжань-го «монгольское поколѣніе чи-ди занимало въ губ. Гань-су и Шань-си²⁾ земли и области Цюпъ-янь-фу и Суй-дэ-чжэу» (т. I, стр. 247), что послужило основаніемъ для всѣхъ разсужденій В. В. Радлова, но раньше, чѣмъ согласиться съ о. Іакинъомъ, нужно изслѣдовать компетентность Ши-цзи, на которую опирается нашъ синологъ. Въ данномъ случаѣ Сы-ма-цянъ, если не противорѣчитъ Чунь-цю, то значительно измѣняетъ его показанія, отводя чи-ди на западъ.

Переходя затѣмъ къ исторіи гао-гюйцевъ, В. В. Радловъ отводитъ имъ мѣста для поселенія на крайнемъ западѣ нагорья, отождествляя ихъ съ государствами Чэ-ши 車師. «Исторіи

1) Въ «Das Kudatku Bilik» (р. LVII) ошибочно переведено «die westliche Jung», что для не синологовъ является обстоятельствомъ, говорящимъ въ пользу общей мысли автора; однако 東戎 дунь-жуны — восточные, а не западные жуны.

2) О. Іакинъ называетъ Шань-си ту провинцію, которую теперь принято называть Шэнь-си. Не всякому извѣстно, что обѣ провинціи 山西 и 陝西 по-русски правильно транскрибируются словомъ Шань-си; но для отличія ихъ одной отъ другой русскіе синологи условно приняли неправильную транскрипцію второй провинціи, называя ее Шэнь-си вмѣсто Шань-си. О. Іакинъ первую называетъ Шань-си, а иногда по туземному произношенію Сань-си, вторую — Шань-си.

этихъ Чэ-ши», пишетъ онъ, «всѣ изслѣдователи постоянно посвящали особое вниманіе, такъ какъ на потомковъ ихъ указываютъ, какъ на послѣдніе остатки уйгуровъ»¹⁾. Однако не всѣ изслѣдователи согласны съ этимъ мнѣніемъ. Это былъ старый взглядъ, основывавшійся на показаніяхъ миссіонеровъ, а не на китайскихъ источникахъ. «No mention is made of Uigurs», пишетъ д-ръ Бретшиейдеръ, «living in Che-shi or Kao-chang in histories of the Han or the Tang. They are first noticed after their emigration from the north (ninth century) in Sung history». Мы же полагаемъ, что гао-гюйскія поколѣнія, и именно главное изъ этихъ племенъ — юань-хэ, во времена Вэйской династіи жило тамъ же, гдѣ указываетъ его кочевья и Танская исторія, т. е. по р. Тоолъ. У насъ нѣтъ данныхъ о переходѣ его на востокъ съ запада, а потому мы и оставляемъ его до Сунскихъ временъ на одномъ мѣстѣ.

Авторомъ высказано также мнѣніе о переменѣ имени хунь-ну на гао-гюй, встрѣчаемой у китайскихъ историковъ. «Die Ursache dieser Namenänderung ist leicht verständlich. Hiung-nu war eben kein Volksname, sonder der Name einer Dynastie, der nach Sitte der Chinesen, als Gemeinname des Volkes und des Staates, angewendet wurde. Als nun nach längerer Unterbrechung der Name der Dynastie vergessen war, geben ihnen die Chinesen den Volksnamen, den die nordöstlichen Turk-stämme führen, d. h. Kao-kü, der, wie oben gezeigt haben, gewiss eine Verstümmelung des Wortes Uigur oder Chuigur ist.» (р. LXI). Но такъ какъ выше мы тоже признали невозможнымъ видѣть въ гао-гюй или гао-чэ транскрипцію слова уйгуръ, то и съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ мы согласиться не можемъ. Да если бы и признать транскрипціей имени народа слово гао-гюй, то и тогда нѣтъ никакихъ основаній объяснять такъ переменѣ имени, потому что источники не дадутъ къ тому никакой опоры. Съ такою же достовѣрностью можно утверждать, что гао-гюй — имя главнаго поколѣнія, давшего свое имя прочимъ родамъ; что гао-гюй —

1) Къ вопросу объ уйгурахъ, стр. 85.

имя династии, о которой свѣдѣній до насъ не дошло; что гао-гюй собственное имя человека и, можетъ быть, героя, который сталъ извѣстенъ китайцамъ и далъ свое имя народу. Аналогичныхъ примѣровъ и того и другого и третьяго варианта мы можемъ найти въ китайской исторіи десятки, но это не даетъ еще права объяснять данный случай именно такъ, а не иначе, разъ источники не содержатъ къ тому никакихъ основаній. Лучше отказаться отъ отвѣта, чѣмъ отвѣчать безосновательно.

Промежуточное между гао-гюй и хуй-хэ имя тѣ-лэ, или чилэ, В. В. Радловъ оставляетъ безъ вниманія, потому что онъ не знаетъ данныхъ Суйской династии объ этихъ племенахъ. Что касается времени Танской династии, то онъ всецѣло идетъ за о. Іакинэомъ. Не знаемъ только, почему имя племени 隴 онъ транскрибируетъ *Hung* (хунъ) и почему онъ пишетъ: «Die Dynastie Hui-ho hiess auch U-ho und U-hu»? Имя хуй-хэ онъ считалъ раньше транскрипціей названія племени уйгуръ, а не династии, такъ что намъ видится здѣсь въ словѣ «Dynastie» противорѣчіе съ сказаннымъ ранѣе; на самомъ же дѣлѣ здѣсь положительная ошибка, потому что имена у-ху, у-хэ и, при Суйской династии, зэй-хэ носили не хуй-хэ, а одно изъ племенъ ихъ — юань-хэ.

Таковы ошибки и противорѣчія, замѣченныя нами въ трудѣ академика В. В. Радлова въ отношеніи къ китайскимъ источникамъ. Но уйгурскій вопросъ — настолько же вопросъ китайскій (въ отношеніи къ источникамъ), насколько и тюркскій. Последней стороны дѣла мы не осмѣливаемся касаться, считая себя не компетентными, и «Das Kudatku Bilik» В. В. Радлова съ этой точки зрѣнія для насъ неприкосновенна.

Встрѣчаемъ еще данныя по уйгурскому вопросу въ сочиненіи «Mahométisme en Chine et dans le Turkestan Oriental» — par Dabry de Thiersant (Paris, 1872). Историческія свѣдѣнія о хуй-хэ здѣсь общеизвѣстныя, и китайскими источниками авторъ пользовался мало. Что касается до магометанства, то авторъ больше касается его догмы и обрядовъ и судебъ его въ собственномъ Китаѣ, нежели пригодныхъ намъ сторонъ. Руководящею

нитью для автора была статья В. П. Васильева: «О магометанствѣ въ Китаѣ», которая почти цѣликомъ вошла въ сочиненіе.

Что касается до «Альбома Трудовъ Орхонской экспедиціи В. В. Радлова» (Спб., 1892), то въ немъ къ отдѣлу объ уйгурахъ, доступному нашему пониманію, отнесены два памятника: табл. XXXI и табл. XXXIV, № 1. Послѣдній представляетъ собою обломокъ, на которомъ мы пока не нашли даты и признаковъ для ея опредѣленія, а первый — большая китайская надпись на памятникѣ.

Вообщѣ должно сказать, что альбомъ «Трудовъ Орхонской экспедиціи» далъ намъ мало новыхъ данныхъ для разрѣшенія и выясненія уйгурскаго вопроса. Главная искомая величина, въ виду которой и отправлялась экспедиція Радлова, — мѣстоположеніе Каракорума — было опредѣлено не ею, а кабинетными изслѣдованіями французскаго академика Dévégia, предупредившаго въ печати нашего профессора В. П. Васильева. Открытый Ядринцевымъ и скопированный А. Гейкелемъ памятникъ Кюй-тэлэ, или, какъ его читаютъ, Кюй-тэгния, далъ возможность Dévégia, по Мэнъ-гу-ю-му-цзи, вычислить и точно опредѣлить положеніе уйгурскаго Каракорума¹⁾, и къ этому альбомъ не прибавилъ ничего новаго. Значеніе его еще болѣе умаляется выходомъ въ свѣтъ альбома путешествія профессора Гельсингфорскаго унверситета А. Гейкеля, который даетъ намъ тѣ же памятники и успѣлъ даже опубликовать переводъ главнѣйшаго изъ нихъ, ту-кюэскаго, въ «Восточномъ Обзорѣніи», 1891 г., № 13. Альбомъ «Трудовъ Орхонской экспедиціи» имѣетъ, вѣроятно, значеніе какъ собраніе памятниковъ неизвѣстныхъ письменъ, называемыхъ руническими и относимыхъ ко временамъ ту-кюэской династіи, но отдѣлъ уйгуровъ въ немъ крайне бѣденъ и новаго не даетъ ничего.

Наконецъ, исторію уйгуровъ излагаетъ и Е. Н. Parker въ своемъ трудѣ: «A thousand years of the Tartars», изданномъ въ

1) La Stèle funéraire de Kuéh T'eghia. T'ang-pao 通報, Archives, 1891, vol. II, № 3, p. 229—231.

1895 г., исключительно на основаніи китайскихъ источниковъ, которыхъ онъ, однако, нигдѣ не указываетъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, почти тѣ же, что и у о. Иакпона, но изложены они въ гораздо болѣе сжатомъ видѣ. Интересная особенность труда Паркера — это попытка возстановленія тюркскаго произношенія собственныхъ названій по китайской ихъ транскрипціи. Насколько удачна эта попытка, мы не беремся судить, не зная тюркскихъ нарѣчій.

Вотъ вся европейская литература, подлежащая нашему изслѣдованію. Если въ своемъ обзорѣ мы обращали вниманіе исключительно на ея отрицательныя стороны, то причину этого нужно искать единственно въ желаніи уяснить себѣ недостатки предшествующихъ изслѣдователей, чтобы самимъ не попадать въ подобное же положеніе, а вовсе не въ стремленіи къ похвалкѣ и къ уменьшенію заслугъ ученыхъ, отдававшихъ и отдающихъ свои лучшія силы удовлетворенію задачъ науки. Мы сказали сначала, что всякій изслѣдователь даннаго вопроса, на ряду съ ошибками, вносилъ множество цѣнныхъ данныхъ, часто новыхъ, открывавшихъ совершенно неизвѣстныя стороны дѣла.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ источникахъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, а потомъ по ходѣ всей нашей работы.

Главнымъ источникомъ служило намъ сочиненіе: «Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чэнъ» 古今圖書集成.

Въ категоріи 方輿彙編, въ классѣ бян-п-дянь 邊裔典 названнаго сочиненія находятся отдѣлы хуй-хэ-бу 回紇部, т. е. объ инородцахъ хуй-хэ. Въ классѣ этомъ вообще разсматриваются данныя объ инородцахъ и земляхъ, внѣ Китая лежащихъ. Всѣ они раздѣлены по странамъ свѣта, такъ что мы видимъ обзоръ восточныхъ, западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ странъ. Дѣленіе это, конечно, въ высшей степени неудобно и ненаучно, но оно традиціонно у китайцевъ и потому принято во всѣхъ ихъ этнографическихъ трудахъ. Ненаучно, говоряхъ, потому, что оно не полагаетъ должной границы между племенами и въ силу

неопредѣленности своего принципа смѣшиваетъ разнородныя и разъединяетъ одноплеменные народы. Въ силу этого же оно является и крайне неудобнымъ. Возможно ли, напримѣръ, поставить географическую и этнографическую границу между сѣверомъ и западомъ въ отношеніи къ Китаю? Однохарактерная, одноплеменная степь съ кочевымъ населеніемъ тянется на сѣверѣ и на западѣ и даетъ пропитаніе кочевникамъ. Племена бродяги и бродягутъ по ней, мѣняя свои кочевья, и очень легко переходятъ изъ сѣверныхъ въ западныя и наоборотъ. Потому-то и получается въ Гу-цзинь-ту-шу, что ту-фань 吐蕃, или тангуты, жившіе порою въ Ордосѣ, рассматриваются въ отдѣлѣ западныхъ странъ, а хуй-хэ, переселившіеся въ періодъ У-дай и при Сунской династіи въ провинцію Гань-су и въ Восточный Туркестанъ, признаются сѣверными инородцами. Однако Гу-цзинь-ту-шу, разъ признавши какое-либо племя сѣвернымъ, южнымъ, восточнымъ или западнымъ, уже не переводитъ его въ другой классъ, а разбираетъ всю его исторію въ одномъ мѣстѣ.

Въ указателѣ, предшествующемъ изложенію исторіи, перечисляются хуй-хэскія племена, которыя китайскими лѣтописями различныхъ династій признаются происходящими отъ одного корня. Заслуживаетъ изложеніе исторіи ихъ при династіяхъ Бэй-Вэй, Суй, Танъ, У-дай, Сунъ и Юань. Названія «исторіи» этотъ матеріалъ, конечно, не заслуживаетъ. Это просто выборки изъ династійныхъ лѣтописей, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ. Никакой другой системы, кромѣ хронологической, здѣсь нѣтъ. Выдержки — буквальные. Любезность авторовъ доходитъ до того, что они даже предупреждаютъ, гдѣ о рассматриваемомъ предметѣ или вопросѣ ничего не содержится 不載. Это имѣетъ громадное значеніе для всякаго, кто хотѣлъ бы просмотрѣть лично династійныя лѣтописи. Предметныхъ указателей къ послѣднимъ не приложено, посему можно тратить массу времени на поиски, хотя и не найти ничего тамъ, гдѣ, по предположенію, отыскать подходящий матеріалъ было бы возможно. Отъ этого-то и спасаетъ указаніе энциклопедіи 不載. Выдержки при-

водятся не только изъ отдѣловъ объ инородцахъ, но и изъ біографій императоровъ (бэнь-цзи) и изъ жизнеописаній знаменитыхъ людей (лѣ-чжуань), — словомъ, изъ самыхъ различныхъ источниковъ, гдѣ только встрѣчаются упоминанія о данномъ предметѣ. При этомъ тексты подлинныхъ сочиненій, очевидно, выбирались учеными составителями самые лучшіе, исправленные и проверенные, потому что во многихъ мѣстахъ въ нихъ встрѣчаются дополненія и вставки противъ пзвѣстныхъ намъ пзданій, имѣющихся въ бблiотекѣ СПБскаго Унивверситета. Напр., въ Бэй-ши имѣется тамъ драгоцѣнная вставка о племенахъ гао-гюйскихъ, въ Цю-Тауъ-шу также нѣсколько разъ попадаются дополненія, хотя и не имѣющія такого значенія. Изъ періода династїи Танъ всѣ свѣдѣнія въ Гу-цзпнь-ту-шу-цзи-чэнь излагаются по Синь-Танъ-шу, т. е. по Новой Танской исторїи, съ прибавленіями изъ Цю-Тауъ-шу, гдѣ въ ней встрѣчается разица. Такимъ же образомъ изложены періоды У-дай, или Пяти династїй, и Сунской династїи. Что касается до Юаньской династїи, то изъ нея приведено очень немного данныхъ, относящихся къ исторїи хуй-ху. Отождествленія хуй-ху 回鶻 съ вэй-ву-рѣ 畏兀兒 или 畏吾兒 транскрипціей слова уйгуръ въ Гу-цзпнь-ту-шу нѣтъ въ данномъ мѣстѣ, и вообще, несмотря на всѣ наши старанія, мы не нашли этого отождествленія въ нашей энциклопедїи. Къ удивленію и сожалѣнію нашему, остались также тщетны поиски какихъ-либо данныхъ объ уйгурской письменности и о религіи уйгуровъ, равно какъ не оказалось въ энциклопедїи и картъ различныхъ кочевыхъ владѣній. Но мы сочли не лишнимъ нѣкотораго интереса иллюстраціи этнографическихъ типовъ и представляемъ копїи съ нихъ въ приложенїи III. Мы не знаемъ, откуда они взяты составителями Гу-цзпнь-ту-шу, и какова историческая вѣрность снимковъ, но если бы послѣдняя отличалась высокою степенью, то иллюстраціи давали бы поводъ къ одному, довольно интересному, заключенію. Конечно, типъ динь-лина не больше какъ результатъ досужей фантазїи и невѣжества китайцевъ, но всмотритесь въ изображеніе инородца гу-ли-гань и при-

помните теорію о. Іакинѣа о его мѣстожителствѣ. Если это племя жило къ сѣверу отъ Байкала, сѣвернѣе нынѣшнихъ Олхонскихъ бурятъ и ихъ соплеменниковъ, то оно должно быть почти лѣснымъ народомъ, между тѣмъ на картикѣ мы видимъ настоящаго степняка, во всѣхъ его подробностяхъ. Сѣдло, короткія стремяна и вся посадка — все это чисто степное, кочевническое.

Мы однако не удовольствовались показаніями Гу-цзинь-ту-шу, а старались по возможности пользоваться всѣми китайскими источниками, какіе были намъ доступны. Но объ нихъ говорить много не приходится. Чунь-цю и династійныя исторіи — общеизвѣстны. Другіе, какъ Шань-хай-цзинь 山海經, Тай-пинь-хуай-юй-цзи 太平寰宇記, Ду-ши-фань-юй-цзи-ло 讀史方輿紀要, Мэнь-гу-ю-му-цзи 蒙古游牧記, въ подлинномъ китайскомъ текстѣ служили намъ для справокъ и дополненій, отрывочныхъ и незначительныхъ, посему библиографическія замѣтки объ этихъ сочиненіяхъ заняли бы гораздо больше мѣста, нежели почерпнутый изъ нихъ матеріалъ для работы, что вносило бы много лишняго матеріала въ него, не отвѣчающаго прямо на вопросъ объ уйгурахъ. Всѣ названныя сейчасъ китайскія сочиненія представляютъ собою сборники, или маленькія энциклопедіи, въ которыхъ порою, совершенно неожиданно, можно встрѣтить драгоцѣнныя указанія по нужнымъ вопросамъ. Намъ особенно полезнымъ оказалось своимъ археологическими свѣдѣніями Ду-ши-фань-юй-цзи-ло.

Таковъ обзоръ и перечень большей части источниковъ и пособій, которыми мы пользовались при настоящей работѣ. Дѣлая общую всѣмъ имъ характеристику, должно сказать слѣдующее. Въ литературѣ по данному вопросу масса цѣннаго матеріала, но вопросъ объ уйгурахъ еще далеко не разрѣшенъ, и возможныхъ вариантовъ его рѣшенія еще нельзя и предвидѣть. Причина сему заключается въ необыкновенной трудности рѣшенія его,

въ крайней сложности искомой величины, требующей для своего разбора множества самыхъ разнородныхъ дарованій и знаній. Какъ мы видѣли, племена уйгуровъ за періодъ ихъ существованія въ Средней Азій отождествляются учеными со всѣми жившими и живущими тамъ народами: монголами, тангутами, тюрками, при чемъ всѣ ученые ищутъ опоры въ китайскихъ источникахъ. И всѣ эти ученые имѣютъ для себя достаточныя основанія въ предѣлахъ знакомаго имъ, того или другого языка. Отсюда изслѣдователь, претендующій на самостоятельное и основательное рѣшеніе вопроса объ уйгурахъ долженъ непременно обладать знаніемъ всѣхъ языковъ, на которыхъ были изложены свѣдѣнія, или съ которыми отождествляли этотъ народъ. Извѣстно очень хорошо, насколько трудно полагаться на переводы источниковъ при разрѣшеніи историческихъ вопросовъ; всякій переводчикъ приноситъ въ свою работу слишкомъ много субъективной окраски, чтобы ему можно было безусловно вѣрить. Посему у изслѣдующаго уйгурскій вопросъ должны быть въ рукахъ, какъ готовыя средства, всѣ языки Передняго и Дальняго Востока. Но и этого мало. Еще важнѣе и нужнѣе при этомъ умѣнье прилагать эти лингвистическія знанія къ дѣлу по опредѣленному, строго научному методу. Прочитанные тексты представляютъ собою еще только голый матеріалъ, подлежащій изслѣдованію при свѣтѣ историческаго метода. Онъ требуетъ прежде всего строгой постепенности въ заключеніяхъ, вѣрности посылокъ, не допускаетъ поспѣшныхъ обобщеній и является врагомъ гипотезъ, претендующихъ на безусловную достовѣрность и непререкаемость. Но едва ли гдѣ можно найти больше примѣровъ нарушенія этихъ азбучныхъ правилъ исторической науки, чѣмъ въ литературѣ уйгурскаго вопроса. Заключение отъ пребыванія уйгуровъ въ XIII вѣкѣ въ Прятянь-шаньскомъ краѣ къ первобытнымъ жилищамъ ихъ въ этихъ же мѣстахъ — самое первое ошибочное заключеніе, совершенно не научное. Всѣ почти положенія Шмидта, Банзарова и Радлова могутъ быть причислены въ большей или меньшей степени къ родамъ поспѣш-

ныхъ обобщеній и заключеній, противорѣчащихъ наукѣ. Сюда же приходится причислить и о. Иакпоа въ тѣхъ его страницахъ, гдѣ переводъ и изложеніе фактическихъ данныхъ смѣшались обобщеніями о монголизмѣ среднеазиатскихъ кочевниковъ.

То же должно сказать и о филологѣ. Чтобы рѣшить, отъ какого корня идетъ то или другое племя, съ какими народами находится оно въ болѣе или менѣе близкой родственной связи, обращаются къ языку и въ немъ стараются отыскать отвѣта на вопросъ. Это мысль глубоко вѣриал, но настоящаго приложения ея къ вопросу объ уйгурахъ почти еще не начиналось, ибо приемы изученія были пока чисто виѣшніе. Сравнительное изученіе языковъ племенъ, о которыхъ идетъ рѣчь, ограничивалось доселѣ только разборомъ отдѣльныхъ словъ, взятыхъ почти безъ всякой связи съ языкомъ, изъ котораго они заимствованы, и при томъ на почвѣ самыхъ смѣшанныхъ и туманныхъ этнографическихъ понятій и представленій. Берется въ расчетъ только виѣшнее, фонетическое сходство словъ одного съ другимъ, и на основаніи этого сходства рѣшается вопросъ о происхожденіи народа. Возьмите, напр., трактатъ объ уйгурахъ, какъ лѣсномъ народѣ, сближенія уйгуровъ съ тангутами, венграми, наблюденіе Клапрота надъ уйгуромъ-тюркою изъ Турѣани, разборъ Радловымъ китайскихъ именъ и пр. Не доказываютъ ли они нашего положенія? Слова, выхваченныя отдѣльно изъ языка, къ которому они принадлежатъ, отрѣшенные отъ почвы, на которой они образовались, были мертвымъ матеріаломъ, надъ которымъ изощрилось остроуміе изслѣдователей; въ нихъ не было устойчивости противъ произвола; они шли послушно подъ всякую систему, во всякую комбинацію, придуманную досужей фантазіей. Этимологическія сравненія поэтому мало принесли пользы для исторической этнографіи среднеазиатскихъ племенъ, хотя число изслѣдованій о происхожденіи (*de origine*) различныхъ племенъ и можетъ быть названо значительнымъ. Слова, можно сказать вмѣстѣ съ однимъ изъ историковъ XVIII вѣка, въ данномъ случаѣ поднимаютъ на этимологическую дыбу, подвергаютъ всевоз-

можнымъ пстязавіямъ и вымучиваютъ отъ нихъ желаемое показаніе, заставляя произносить тотъ звукъ, котораго отъ нихъ добиваются.

При помощи такихъ этимологическихъ сближеній можно было доказать какое угодно происхожденіе всякаго народа, породнить его съ кѣмъ угодно. Стояло только подыскать въ словаряхъ достаточное количество словъ, особенно же мѣстныхъ и личныхъ именъ, которыя у сравниваемыхъ народовъ произносились болѣе или менѣе одинаково, и которыхъ значеніе могло быть сколько-нибудь сближено между собою, и на основаніи ихъ можно было доказывать родственность ихъ происхожденія.

Аналогичный фактъ представляютъ собою въ исторической литературѣ филологическія изысканія о происхожденіи варяговъ — Руси. И откуда только не выводили ихъ, съ кѣмъ не породнили! Отъ всѣхъ европейскихъ народовъ, отъ хозаръ, персовъ, финновъ. . . . А кому извѣстны всѣ ученые видоизмѣненія слова «пресвитеръ Іоаннъ», царство котораго, на основаніи филологіи, изслѣдователи переводили изъ одной части свѣта въ другую, отождествляя мѣстическое лицо съ самыми различными историческими лицами до далай-ламы включительно. Не принося особенной пользы, эти фантастическія сближенія только затемняли вопросъ, только загромождали дорогу всякому новому изслѣдователю, принужденному, прежде чѣмъ приступить за работу, осилить эту массу прежнихъ изслѣдованій, изъ которыхъ каждое, кромѣ притязаній на непогрѣшимость выводовъ, гордилось обыкновенно открытіемъ новыхъ данныхъ, указаніемъ на новые матеріалы для разрѣшенія вопроса. Немудрено, что увлеченіе подобными этимологическими сравненіями уступаетъ мѣсто не только равнодушію къ нимъ, но и недовѣрію, оправдываемому дѣйствительными злоупотребленіями этимъ способомъ.

Страшно иногда употребить въ дѣло и дѣйствительно плодотворныя сближенія именно потому, что подорвана вѣра въ законность и пользу подобныхъ сближеній, въ цѣнность вообще всѣхъ выводовъ, основанныхъ только на нихъ однихъ.

Несравненно важнѣе для рѣшенія такого существеннаго историческаго вопроса, какъ вопросъ о происхожденіи извѣстнаго народа, самостоятельное развитіе тѣхъ наукъ, которыя, повидимому, менѣе всего заботятся о томъ, чтобы доставить исторіи матеріалы для его разрѣшенія, — самостоятельная разработка права, языкознанія, исторіи вѣрованій и естествовѣдѣнія. Отказываясь отъ участія въ рѣшенія собственно историческихъ вопросовъ, не подозревая въ большей части случаевъ самой возможности этого участія, преслѣдуя свои спеціальныя цѣли и задачи, самостоятельная разработка этихъ наукъ оказываетъ нынѣ огромное вліяніе на самую историографію и способствуетъ самымъ неожиданнымъ образомъ къ разрѣшенію самостоятельныхъ отдѣльныхъ вопросовъ. Начиная изслѣдованіемъ частныхъ вопросовъ, входящихъ непосредственно въ область ихъ науки, изучая отдѣльныя явленія, идя путемъ, такъ сказать, монографическимъ, и наука права, и языкознаніе, и естествовѣдѣніе приходятъ однако же почти одновременно къ сознанію необходимости сравнительнаго изученія, безъ котораго часто невозможно объясненіе отдѣльныхъ явленій. Изученіе законодательствъ отдѣльныхъ племенъ и народовъ съ цѣлью понять и объяснить каждое изъ нихъ въ самомъ себѣ приводитъ невольно къ указанію на сходство и особенности законодательствъ различныхъ народовъ. Изслѣдователь юридическихъ памятниковъ одного народа, вовсе не желающій выходить изъ круга своей спеціальности, часто вопреки своей волѣ бываетъ вынужденъ обращаться къ изученію права у другихъ народовъ, — до такой степени поразительно бываетъ ихъ сходство. И здѣсь, какъ въ этимологическихъ сближеніяхъ, первый приѣмъ для объясненія бываетъ чисто внѣшній. Гдѣ замѣчается сходство, тамъ предполагается или заимствованіе или же одинаковость происхожденія.

Путемъ сравнительнаго изученія законодательства открылись многія заимствованія одного народа у другого, вліяніе одного племени на другое, а также обнаружилось племенное родство между нѣкоторыми племенами, или же это родство, казавшееся

только вѣроятнымъ прежде, получило теперь, чрезъ сличеніе юридическихъ понятій и юридическаго быта, новое доказательство и подтвержденіе. Внимательное изученіе обычнаго права, которое у всѣхъ народовъ предшествуетъ письменному законодательству, и въ которомъ всего яснѣе обнаруживаются характеристическія особенности народнаго духа, приводило ученыхъ часто къ открытію такихъ аналогій, которыя по необходимости заставляли предполагать непосредственную связь между племенами, а иногда даже являлись неопровержимымъ доказательствомъ единства происхожденія племенъ, не подтверждавшагося никакими другими указаніями и даже казавшагося по всѣмъ другимъ соображеніямъ невозможнымъ. Конечно, примѣненіе всѣхъ этихъ положеній къ изученію среднеазиатскихъ племенъ представляетъ собою лишь *prim desiderium*. Ни одинъ специально образованный юристъ доселѣ не посвящалъ своихъ досуговъ изученію обычнаго права среднеазиатскихъ кочевниковъ. Что же мы можемъ говорить о различіи обычаевъ у монголовъ и тюрковъ, или у тюрковъ-кочевниковъ и осѣдлыхъ, и какія у насъ подъ руками пособія для того, чтобы ориентироваться въ отрывочныхъ показаніяхъ и данныхъ китайскихъ лѣтописей, дающихъ намъ нѣкоторые факты изъ обычнаго права хуй-хэ-скихъ племенъ? А между тѣмъ очевидно, что правильное изученіе юридическаго быта даже нынѣшнихъ племенъ, не говоря уже о разработкѣ юридическихъ памятниковъ, можетъ много помочь выясненію ихъ происхожденія и племеннаго родства.

Столько же, если еще не больше, чѣмъ юридическія науки, можетъ оказать прямыхъ услугъ разработкѣ и рѣшенію нашего вопроса лингвистика, сравнительное языкознаніе. Съ одной стороны, она перерабатываетъ для своихъ цѣлей матеріалъ собственно историческій; съ другой, она проникаетъ своими изслѣдованіями въ ту область, куда не можетъ идти самый смѣлый изъ историческихъ изслѣдователей, — въ темную таинственную область древнѣйшей эпохи человѣчества и отдѣльныхъ его отраслей, въ эпоху, предшествовавшую началу исторической жизни,

хотя и имѣвшую сильное вліяніе на ходъ и направленіе этой жизни, — однимъ словомъ, въ ту эпоху, которую обозначаютъ именованіемъ доисторической. Если уже переработка историческаго матеріала филологами и лингвистами имѣетъ такую важность для историка, то въ отношеніи древнѣйшихъ, доисторическихъ эпохъ онъ находится въ полной зависимости отъ успѣховъ сравнительнаго языкознанія, и ему остается только пользоваться результатами, добытыми на чужой для него почвѣ, приемами, ему неизвѣстными и недоступными. Успѣхи сравнительнаго языкознанія раздвигаютъ предѣлы исторической науки, приобрѣтаютъ для нея новую огромную область. Die Geschichte ist lang und alt, aber die Vorgeschichte ist noch länger! Для исторіи языкъ, какъ матеріалъ изслѣдованія, и сравнительное языкознаніе, какъ наука, являются почти тѣмъ же самымъ, чѣмъ для наукъ естественно-историческихъ міръ остатковъ растительнаго и животнаго царствъ, хранящихся въ древнѣйшихъ геологическихъ формаціяхъ, и палеонтологія, занимающаяся исключительно изслѣдованіемъ этихъ древнѣйшихъ остатковъ органической жизни, часто не имѣющихъ ничего общаго съ современною флорой и фауной. Въ языкѣ современныхъ среднеазиатскихъ племенъ должны искать поэтому лингвисты положительный или отрицательный отвѣтъ о родствѣ ихъ съ древними ди 狄 и жунами 戍, рѣшеніе загадки объ ихъ первобытной роднѣ и о происхожденіи. Правда, даже и о возможности выполненія подобной задачи во всемъ ея объемѣ мы можемъ судить пока только гадательно, но то, что оказалось уже по плечу соединеннымъ успіямъ ученыхъ по отношенію къ другимъ племенамъ и народамъ, почему бы было невозможно въ будущемъ для ориенталистовъ?

Громадное значеніе для рѣшенія нашего вопроса имѣетъ подобное же участіе со стороны изслѣдователей религіозныхъ вѣрованій, исторіи литературы и исторіи искусствъ. Даже скромныя, мелочныя, повидимому, чисто археологическія изслѣдованія приносятъ свою долю въ общую сумму данныхъ. А между тѣмъ въ изложенной нами литературѣ даннаго вопроса мы не имѣемъ

ни одного спеціального дослідження по названимъ отдѣламъ. Всѣ музеи блещуть отсутствіемъ коллекцій по археологiи Средней Азiи, а пишущееся представляеть собою сырой матеріалъ, ожидающій исследователя.

Вотъ почему вопросъ объ уйгурахъ остается доселѣ открытымъ. Одни сухія, формальныя данныя китайскихъ лѣтописей и мусульманскихъ историковъ никогда не дадутъ намъ живого и полного историческаго очерка уйгуровъ. Ихъ необходимо освѣтить методами европейскаго мышленія, подвергнуть анализу и обобщеніямъ, добавитъ всѣми новыми данными, отысканными вслѣдствіе примѣненія неизвѣстныхъ восточнымъ народамъ приемовъ къ совершенно иному матеріалу, и только тогда, когда ясно станетъ читателю умственный и нравственный кругозоръ уйгуровъ въ его историческомъ развитіи, когда будутъ представлены всѣ стороны народнаго самосознанія уйгуровъ, тогда авторъ можетъ назвать свой трудъ «исторіею уйгуровъ».

Но если, по нашему сознанию, въ такомъ положеніи находится дѣло разработки уйгурскаго вопроса, то что же можетъ представлять собою нашъ слабый трудъ, авторъ котораго не обладаетъ вовсе нужными для разрѣшенія данной задачи силами, способностями и средствами въ должной мѣрѣ? Не будетъ, кажется, смѣлостью сравнить нашу работу надъ этимъ вопросомъ съ тушеніемъ пожара, гдѣ въ первый моментъ команда старается захватить въ свои руки всю область огня, локализовать пожаръ и прекратить его, спасая все, что можно. Пока пламя пылаетъ, командѣ помогаетъ и публика и любители и погорѣвшіе. Но вотъ пожаръ стихъ; остается окончить его тушеніе, и вотъ на эту-то скучную и безынтересную работу обречены одни пожарные. Всякая груда мусору, всякая курящаяся головня и тлѣющая искра представляеть здѣсь опасность возобновленія пожара, и тогда, вмѣсто достиженія цѣли, возникнетъ новая, еще болѣе трудная работа. Когда мы взяли за изученіе уйгурскаго вопроса, то намъ думалось имѣть дѣло съ большимъ пожаромъ, къ самому разгару его приложить свои силы

и принести свою лепту въ общую работу. Окончивъ работу, мы увидѣли свою ошибку. Масса огня была уже затушена лицами, ранѣе насъ посвятившими себя этому дѣлу. Намъ досталась скучная работа отыскивать еще тлѣющія груды мусора и гасить еще курившіяся головни и искры: давать отвѣты на мелкіе частныя вопросы и выяснять еще оставшіяся темными стороны дѣла, указывая при этомъ на недочеты прежнихъ изслѣдователей. Насколько мы были полезны въ данномъ случаѣ дѣлу, не знаемъ, но сами чувствуемъ глубокое сожалѣніе о недостаткѣ помѣнившихся въ нашемъ распоряженіи средствъ, о незнакомствѣ съ тюркскими языками. Во избѣжаніе какихъ-либо смѣшныхъ и комичныхъ недостатковъ, которыми кишатъ работы изслѣдователей, руководящихся переводами, а не оригиналами источниковъ, мы рѣшили совершенно игнорировать показанія историковъ передней Азіи и построить свою работу всецѣло на китайскихъ источникахъ. Исключеніемъ является для насъ только показаніе Рашидъ-эддина и Абульгази о мѣстахъ первыхъ поселеній уйгуровъ, которое мы понимаемъ согласно съ Березинымъ, Банзаровымъ и о. Іакинѣомъ. Эготъ взглядъ служить намъ руководящею нитью и опорой противъ всѣхъ изслѣдователей, начинавшихъ исторію уйгуровъ съ описанія древнѣйшихъ временъ Притянь-шаньскаго края, съ разсмотрѣнія исторіи Чэ-ши, Гао-чана и пр. Опираясь на показанія китайской исторіи о чи-ди и динь-липахъ, какъ родоначальникахъ гао-гюйцевъ, мы слѣдимъ за ихъ судьбами, насколько это возможно, и открываемъ нѣкоторыя указанія на постепенный переходъ ихъ изъ юго-восточнаго угла восточно-азиатскаго нагорья частію къ Ордосу и Гань-су, частію на сѣверъ степи въ бассейнъ Селенги и Толы. Перечень племенъ гао-гюйскихъ, доселѣ неизвѣстный въ европейской литературѣ, убѣждаетъ насъ въ вѣрности показанія Рашидъ-эддина, а данныя о передвиженіи гао-гюйцевъ то на югъ то на сѣверъ степи и, наконецъ, отгѣсненіе ихъ на западъ даютъ основаніе къ заключенію о раннемъ знакомствѣ ихъ и со странами Притянь-шаньскими. Анналы Суйской династіи о тѣ-лэскихъ

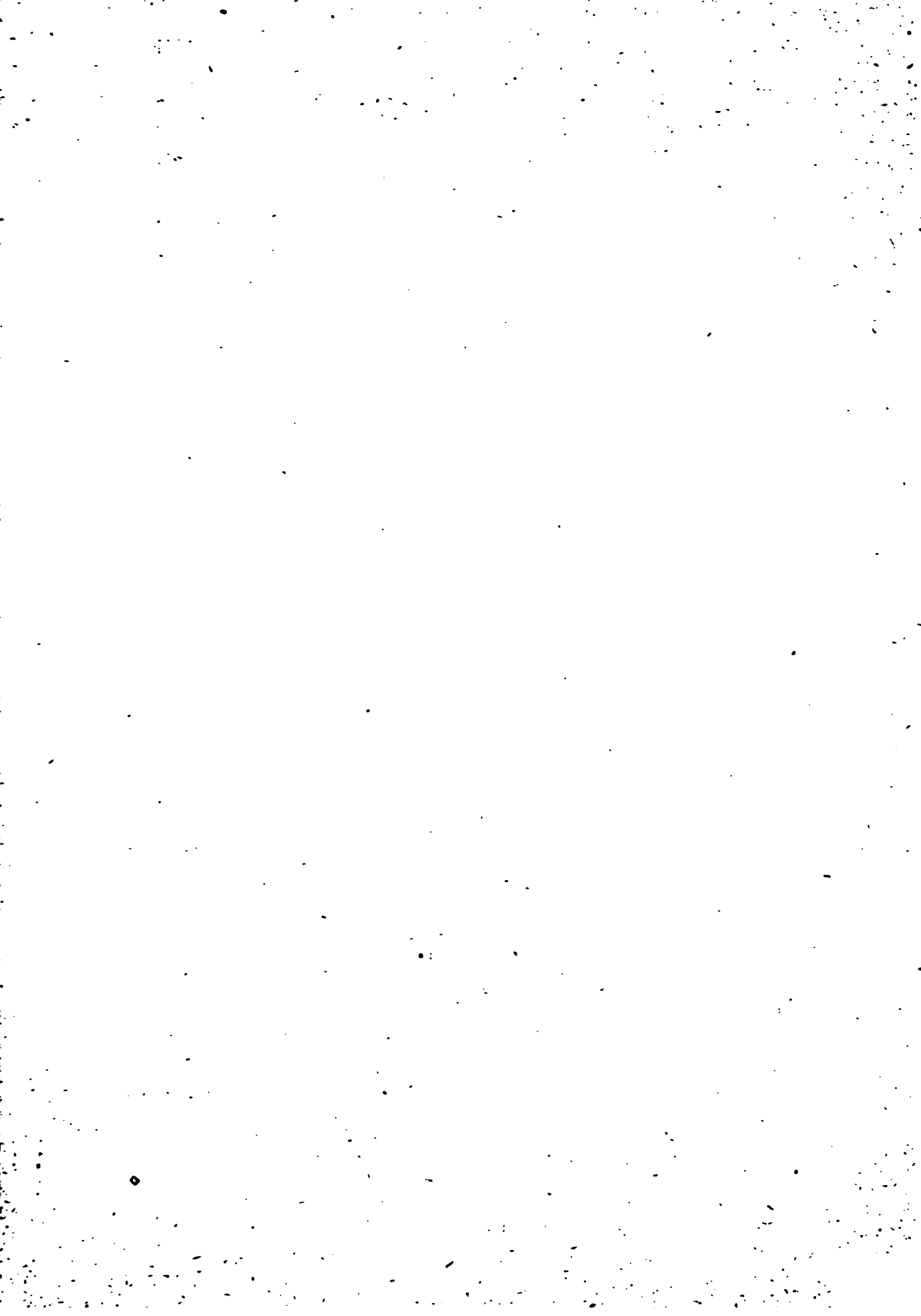
племенахъ, обнаруживая полное тождество ихъ съ гао-гюйскими, показываютъ намъ весьма широкое расселеніе этихъ родовъ по нагорью Средней Азии, а лѣтописи Танскаго дома уже обстоятельно описываютъ судьбы этихъ племенъ почти за 200-лѣтній періодъ. Прежде еще, чѣмъ попала власть въ руки племени юань-хэ, назвавшагося позднѣе хуй-хэ, главенство надъ всѣми племенами принадлежало племени сѣ-янь-го. Мы разсматриваемъ исторію его владычества подробно, во-первыхъ, потому, что племя это и по Суйской и по Танской исторіи находилось въ ближайшемъ родствѣ съ хуй-хэ, во-вторыхъ, потому, что подъ его владычествомъ ближайшимъ образомъ созрѣло могущество хуй-хэ и, въ-третьихъ, потому, что исторію хуй-хэ начинается такъ нашъ руководитель Гу-цзипь-ту-шу-цзип-чэнъ. Паденіе дома хуй-ху и переселеніе его подданныхъ на югъ въ Гань-су и на западъ по обѣ стороны Тянь-шаня довольно ясными представляются изъ перечисленія множества ихъ посольствъ къ Сунскому дому, хотя эти данныя и не даютъ никакихъ почти свѣдѣній о внутренней жизни государствъ. Аниалы Ляоской династіи почти всѣ переведены по отдѣлу, касающемуся уйгуровъ, д-ромъ Бретшнейдеромъ, такъ что изъ нихъ мы помещаемъ только данныя о мусульманствѣ у уйгуровъ и о возможности замѣтванія у послѣднихъ магометанской вѣры киданями.

Что касается до Юаньской династіи, то мы были лишены возможности прийтись за ея обработку. Но мы во всякомъ случаѣ были бы поставлены въ крайнее затрудненіе при разработкѣ ея и доселѣ не уяснили себѣ принципиальныхъ вопросовъ. Если уйгуры, какъ пришлый элементъ, смѣшались съ жителями Восточнаго Туркестана и Тянь-шань-бэй-лу, если еще при Сунской династіи мы видимъ ихъ разсѣянными по всѣмъ этимъ мѣстностямъ, то что же разумѣть подъ уйгурами этой страны при Юаньской династіи? Обыкновенно усвояютъ такое названіе странѣ Гаочанъ, но это, конечно, не научно. Клапротъ считалъ уйгуромъ турфанца, у котораго выплывалъ слова, а судя по біографіямъ уйгуровъ, перечисляемымъ у Бретшнейдера (т. I, р. 250—

251), равно какъ и по словарю именъ изъ Юань-ши, приложенному къ нашей работѣ, подъ уйгурами разумѣлись всѣ жители Восточнаго Туркестана — тюрки, можетъ быть, даже въ общемъ, нарицательномъ смыслѣ, имѣя при этомъ частныя племенные имена. Поэтому мы весьма ошиблись бы, если бы хотѣли по біографіямъ лицъ, названныхъ Бретшнейдеромъ уйгурами, составить понятіе о роли уйгуровъ въ Чингисовой и Юаньской монархіи, что мы и хотѣли сдѣлать. Въ этихъ біографіяхъ мы встрѣтили исторію туземныхъ мѣстностей, разсматривать которую безъ отношенія къ предыдущимъ временамъ невозможно. Такимъ образомъ и намъ пришлось бы вновь начать работу съ Ханьской династіи и исторіи Чэ-ши.

Если бы воспользоваться дословно или въ болѣе или менѣе подробномъ переложеніи всѣмъ матеріаломъ, пзвѣстнымъ въ европейской литературѣ по уйгурскому вопросу, то трудъ нашъ былъ бы гораздо больше по объему. Но намъ не хотѣлось этого. Посему изъ китайскихъ источниковъ мы дѣлали дословный переводъ только мѣстъ, неизвѣстныхъ въ европейской литературѣ, новыхъ данныхъ, хотя порою мелочныхъ, а европейской литературой пользовались для уясненія себѣ хода событій, отсылая цитатами къ авторамъ, передававшимъ факты подробно. Освѣщеніе исторіи, уясненіе связи событій и разборъ темныхъ мѣстъ — вотъ какія требованія предъявляли мы къ себѣ, когда имѣли дѣло съ европейской литературой.

Въ историческомъ очеркѣ мы строго держимся транскрипціи кытайскихъ названій племенъ, не замѣняя ихъ общимъ и часто сбывающимся съ толку именемъ «уйгуры». Постепенный переходъ ихъ въ уйгуровъ становится очевиденъ послѣ разбора всей ихъ исторіи, но въ разныя времена послѣдней они носили разныя названія, которыя мы и удерживаемъ во избѣжаніе недоразумѣній.

Глава I.

Чи-ди 赤狄 и Динъ-линъ 釘靈.

Китайская исторія временъ Бэй-Вэйской 北魏 династии (386—558) древнѣйшими извѣстными родоначальниками племени гао-гюйскихъ 高車 считаетъ Чи-ди 赤狄, т. е. красныхъ ди. Что это за племя, и какія данныя сообщаютъ о немъ китайскіе источники? Происхождение его послѣдовательно возводится къ самымъ сѣдымъ временамъ китайской древности, къ періоду доисторическому, куда еще не смѣетъ почти права и основаній проникать историческая критика за отсутствіемъ подъ ногами твердой почвы. За данными, передаваемыми китайскими писателями относительно тѣхъ давнихъ временъ, можно признать скорѣе значеніе попытки человѣческаго ума уяснить себѣ всѣ явившіеся этнографическіе вопросы, въ нихъ можно видѣть скорѣе пытливое стремленіе проникнуть въ глубь вѣковъ и найти тамъ причину настоящаго, чѣмъ положительные отвѣты на вопросы. Лишенные правильнаго метода, такія объясненія китайскихъ писателей не достигаютъ, конечно, своей цѣли въ научномъ смыслѣ и представляютъ собою, какъ охранились до насъ, смѣсь дѣйствительнаго и фантастическаго, правдоподобнаго и невѣроятнаго. Фактъ существованія иеродцевъ въ степяхъ Средней Азии сталъ извѣстенъ китайцамъ съ самыхъ раннихъ временъ. Постоянно возникавшія столкновения на границахъ познакомили между собою сосѣдей и естественнымъ образомъ возбудили у осѣдлыхъ жителей вопросъ

о происхожденіи ихъ сосѣдей. Отвѣтъ на него долженъ былъ создаться на почвѣ той же китайской жизни, и виновниками существованія инородцевъ явились тѣ же праотцы, что и Кятая. Вотъ какъ объясняетъ древнѣйшую исторію инородцевъ *Чи-ди* сочиненіе *Шань-хай-цзинъ* 山海經 съ своимъ комментаріемъ.

«Въ огромной пустынѣ на сѣверо-западъ отъ Китая, тлущейся безбрежною равниной, той самой, которая служитъ мѣстомъ заката солнца и луны, находится гора *Жунъ-фу-шань* 融父山. Въ нее впадаетъ рѣка *Шунь-шуй* 順水. Другіе говорятъ, что гора называется такъ же, какъ и рѣка, — *Шунь-шань*, и что рѣка не входитъ въ нее, а вытекаетъ изъ нея. Такъ вотъ въ этихъ-то мѣстахъ (опредѣлить которыя точно очень трудно) живутъ люди, называемые *Цюань-жунами* 犬戎, т. е. собаки-жуны. Происхожденіе ихъ объясняется слѣдующимъ образомъ. Императоръ *Хуанъ-ди* 黃帝 (2697-2597 до Р. Х.) произвелъ *Мяо-луна* 苗龍, *Мяо-лунъ* произвелъ *Жунъ-у* 融吾, *Жунъ-у* произвелъ *Бяо-мина* 弄明, *Бяо-минъ* произвелъ *Бай-цзачя* 白犬, т. е. бѣлую собаку¹⁾. Собакъ было двое: самецъ и самка, и онъ-то произвелъ на свѣтъ *Цюань-жуновъ*, т. е. собакъ-жуновъ. Они питались мясомъ и были красными четвероногими 赤獸».

Что означаетъ вся эта цитата, разъяснить очень трудно, но здѣсь, очевидно, кроется первоначальный смыслъ имени *Чи-ди*, красные дѣла, потому что китайскіе ученые сопоставляютъ эту

1) Ученый *И-синъ* 懿行, комментировавшій книгу *Шань-хай-цзинъ*, замѣчаетъ, что имя *Бяо-минъ* пишется различно. Въ поясненіяхъ Ханьской имперіи, въ главѣ о Хуннахъ (*Хань-шу Сюань-му-чжуань*) встрѣчается *Бяо-минъ* 弄明; въ *Чжэнъ-и* 正義, комментаріяхъ къ главѣ о Чжоускомъ удѣлѣ въ трудѣ *Ся-ма-цзяня* (*Ши-цзи-чжоу-бэнь-цзи*) значится *Бинъ-минъ* 井明, и «бинъ» иногда искажается въ *бяо* 十. Последнее сочиненіе измѣняетъ весь строй фразы о происхожденіи *Цюань-жуновъ*: *Хуанъ-ди*, пишетъ оно, произвелъ *Мяо*, *Мяо* произвелъ *Луна*, *Луна* произвелъ *Жуна*, *Жунъ* произвелъ *У*, *У* произвелъ *Бинъ-мина*, *Бинъ-минъ* произвелъ *Бо*, *Бо* произвелъ *Цюаня*, т. е. собаку; ихъ было двѣ, и отъ нихъ-то произошли *Цюань-жуны*.

фразу съ цитатою въ *Шо-вэнь* 說文, древнѣйшемъ лексиконѣ китайскомъ, гдѣ слово *Чи-ди* 赤狄 объясняется такъ:

Чи-ди суть древнѣйшіе потомки собакъ, отсюда и іероглифъ *ди* 狄 имѣетъ ключъ, означающій собаку¹⁾.

Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ разграниченіе историческаго элемента отъ легендарнаго представляется весьма затруднительнымъ. Видно однако, что поселеніе сѣверныхъ пустынь интересовало жителей Средняго государства, и что послѣдніе пытались даже установить родъ этнографической связи между различными племенами сѣвера. Однако сопоставленіе *Цюань-жунговъ* и *Чи-ди* встрѣчаегь себѣ значительныя затрудненія и вызываетъ недоумѣнія; въ эпоху историческую, по сообщенію китайскихъ лѣтописей, эти два народа занимали совершенно различныя территоріи и не приходили уже къ соприкосновенію между собою. Сохранилось ли у китайцевъ въ упомянутомъ разказѣ преданіе о первоначальномъ единствѣ этихъ инородцевъ, или онъ представляетъ собою плодъ досужей фантазіи, — рѣшить нельзя, но невозможно также совершенно не видѣть лежащей въ основаніи его нѣкоторой доли историческаго элемента.

Что касается инородцевъ *Ди* 狄, то въ позднѣйшую эпоху *Чунь-цю* 春秋 (722-480 до Р. Х.) они составляютъ уже величпну положительную и могутъ быть предметомъ изученія. *Сыма-цзянь* и *Ду-ю*, изъ которыхъ послѣдній основывается, вѣроятно, на *Ши-цзи* 史記, помѣщаютъ нѣкоторыя изъ этихъ племенъ на западъ отъ *Хуангъ-хэ*, но, какъ показываетъ свидѣтельство Конфуція и *Цзо-чжуани*, они все отыскиваются на востокъ отъ рѣки и тянутся по сѣверной границѣ различныхъ государствъ до нынѣшняго *Шань-дуна*. Во времена *Хуангъ-гуна* (711-694), мы читаемъ только о *ди*, 伯 или 狄, но позднѣе являются два большія подраздѣленія ихъ: *Чи-ди* 赤狄 и *Бай-ди* 白狄. *Чи-ди* не упоминаются уже послѣ третьяго года *Чэнгъ-гуна* (588), а уничтоженіе различныхъ племенъ ихъ записано въ исторіи; *Бай-ди* же

1) *Шань-хай-цзинь*. Цз. 17. л. 3. Срав. *Гу-цзинь-ту-шу-цзи-чжа*. *Бянь-и-дзя*. *Сюнь-ну-бу-хуй-као-и*. Цз. 123 л. 1. *Си-жунь-бу-као-и*. л. 1.

тянутся через весь периодъ Чунь-цю, и одно изъ ихъ племя продолжаетъ даже до периода Чжань-го 戰國 (480—250), когда его князь принялъ титулъ короля и соперничалъ съ другими за обладаніе Чжоускими 周 землями. Изъ Чи-ди извѣстно, кажется, шесть племя:

1) Дунь-шань-гао-ло-ши 東山臯落氏, мѣстопребываніемъ котораго служили нынѣшніе уѣзды Юань-цюй-сянь и Цзянь-сянь, въ округѣ Цзянь-чжоу, въ пров. Шань-си.

2) Цзянь-цзю-жу 畱谷如, мѣстонахожденіе котораго неизвѣстно.

3) Лу-ши 路氏, который оставилъ свое имя въ округѣ Лу-чэнъ, въ департ. Лу-ань-фу, въ провинціи Шань-си.

4) Цзя-ши 甲氏 занималъ нынѣшній округъ Цзи-цзэ-сянь въ департ. Гуань-нинь-фу въ пров. Чжи-ли.

5) Лю-сюй 留吁 въ нынѣшнемъ округѣ Тунь-лю-сянь, департ. Лу-ань-фу въ Шань-си.

6) До-чэнъ 鐸辰 гдѣ-то въ томъ же департаментѣ.

Представимъ краткій очеркъ дашыхъ объ инородцахъ Ди и потомъ Чи-ди, содержащихся въ Чунь-цю и въ Цзо-чжуани, чтобы лучше понять мѣста ихъ поселеній.

Инородцы Ди появляются впервые въ 32 году Чжуань-гуна (662 г.) нападающими на маленькое государство Сянъ¹⁾ 邢, которое, кажется, не было способно бороться съ нимъ. Цици 齊 пришли на помощь удѣлу Синь, но въ первый годъ Си-гуна (659 г.) они перенесли свой главный городъ въ то положеніе, гдѣ они могли быть болѣе на дорогѣ Ди, и войска удѣловъ Ци, Сунъ 宋 и Цао 曹 были введены въ новую столицу Нь-бэй 邢北 въ нынѣшнемъ депар. Дунь-чань-фу въ Шань-дунь. Около этого же времени Ди напали на болѣе значительный удѣлъ Вэй 魏 и нанесли ему сильное пораженіе. Во 2-й годъ Минь-гуна (660) они овладѣли его столицей, жители которой убѣжали за Хуань-хэ.

1) Въ уѣздѣ Синь-тай-сянь, деп. Шунь-дэ-фу, пров. Чжи-ли.

Такимъ образомъ Ди вели свои дѣла съ успѣхомъ противъ удѣловъ *Синъ* и *Вэй*, когда пришли въ соприкосновеніе съ государствомъ, имѣвшимъ со временемъ уничтожить ихъ независимость. Во 2-й годъ *Минь-гуна* князь удѣла *Цзинь* 晉 послалъ своего старшаго сына противъ ихъ клана *Гао-ло-ши*. Позднѣе послѣдовала другая экспедиція, во время которой въ 7-й годъ *Си-гуна* генераль этого удѣла нанесъ поражение одной части Ди. Однако отъ этого успѣха побѣдителямъ не было выгоды. Когда нужно было воспользоваться побѣдой, то Цзиньскій военачальникъ объявилъ, что онъ желалъ только напугать инопородцевъ, а вовсе не поднимать противъ себя всѣ ихъ племена. Вслѣдствіе этого въ слѣдующемъ году Ди мстятъ за набѣгъ Цзиньцевъ тѣмъ же. Въ 10-й годъ *Си-гуна* Ди проникли уже въ Чжоускія владѣнія и уничтожили удѣлъ *Вэнь* 溫 въ южной части пров. *Шань-си* 山西, правитель котораго убѣжалъ въ *Вэй* 衛.

Съ этого времени въ разные года мы видимъ удѣлы *Вэй*, *Чжэнь* 鄭 и *Цзинь* терпящими отъ инопородческихъ набѣговъ. Въ 18-й годъ *Си-гуна* (642) въ удѣлѣ Ци произошли замѣшательства вслѣдствіе смерти князя, и Ди пришли на помощь сторонникамъ его младшихъ сыновей. Два года спустя Ди заключили клятвенный договоръ въ столицѣ удѣла *Синь*.

Въ 24-мъ году (636) они напали на удѣлъ *Чжэнь*, князь котораго былъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ изъ-за распри съ своимъ братомъ и, въ силу этого, принялъ предложенную Ди помощь. Онъ женился на дочери одного изъ ихъ начальниковъ и сдѣлалъ ее княгиней; она впрочемъ, по словамъ летописи, скоро оказалась недостойною такой чести.

Въ 31 годъ *Си-гуна* (629) мы находимъ Ди снова въ борьбѣ съ удѣломъ *Вэй*, который вынужденъ былъ перемѣнить столицу. Годъ спустя онъ однако оказался въ состояніи отплатить инопорочцамъ за нападеніе вторженіемъ въ ихъ поселенія, при чемъ былъ заключенъ договоръ, и Ди оставили въ покоѣ удѣлъ *Вэй* до 13-го года *Вэнь-гуна* (614). Между тѣмъ они продолжали свои нападенія на Цисцевъ и приходили для вторженій въ удѣлы *Лу* и *Сунь*,

несмотря на поражение, которое они получили отъ Цзиньцевъ въ послѣдній годъ *Си-чуня*. Удѣлъ Лу также нанесъ поражение отрядамъ инородцевъ Ди въ 12-й годъ правленія *Вэнь-чуня* (613). Во времена *Сюань-чуня* и позднѣе мы не находимъ уже въ исторіи общаго упоминанія объ инородцахъ Ди, а читаемъ имена *Чи-ди* 赤伯, т. е. красныхъ Ди, и *Бай-ди* 白狄, бѣлыхъ ди. Изъ нѣкоторыхъ намековъ, встрѣчающихся въ *Цзо-чжуани* можно понять, что въ это время уже возникло соперничество среди самихъ инородцевъ. *Чи-ди* пытались утвердить свое главенство надъ племенами, котораго *Бай-ди* не хотѣли признать, и они остались поэтому безъ поддержки въ борьбѣ съ удѣломъ *Цзинь*, съ которымъ они никакимъ образомъ не могли равняться силами. Большое инородческое государство объединило въ это время свои разбросанныя силы, и это произвело краткую, болѣе замѣтную эпоху изъ временъ существованія *Чи-ди*. Въ 4-й и 7-й годы *Сюань-чуня* они вторглись въ удѣлъ *Цзинь* и встрѣтили очень мало сопротивленія. *Цзиньцы* съ намѣреніемъ отступили предъ ними, чтобы завлечь ихъ дальше. Но въ 15-ый годъ *Сюань-чуня*, въ 6-й лунѣ въ день черноватаго зайца *Цзиньское* войско уничтожило кланъ *Лу-ши* 路氏, принадлежавшій къ инородцамъ *Чи-ди*, и увело съ собою ихъ правителя Лускаго *Цзы-инг-эръ* 子嬰兒, а въ слѣдующемъ году весною въ первой лунѣ другая армія подобнымъ же образомъ расправилась съ родами *Цзя* 甲 и *Лю-сюй* 雷吁. Въ 3-мъ году *Чэнь-чуня* осенью *Цзиньскій* военачальникъ *Цэ-кэ* 谷克 вмѣстѣ съ Вэйскимъ полководцемъ *Сунь-лян-фу* 孫良夫 повоевали *Цзян-цзю-жу* 菑咎如, одинъ изъ родовъ *Чи-ди*, съ которымъ они поступили, вѣроятно, такъ же, какъ и раньше съ другими кланами, т. е. подвергли ихъ уничтоженію или подчинили своей власти. По крайней мѣрѣ дальше мы не имѣемъ упоминанія о *Чи-ди*, такъ что ихъ самостоятельное существованіе нужно считать оконченнымъ. Всюду, гдѣ позднѣе встрѣчается имя ди, рѣчь идетъ о бѣлыхъ ди (*Бай-ди*).

Итакъ, судя по этому очерку исторіи *Чи-ди*, это племя занимало горныя мѣста провинцій Чжи-ли и Шань-си. Возбуждаетъ

интересъ и требуетъ значительной доли вниманія, можетъ быть, весьма важный вопросъ о различіи самыхъ китайскихъ источниковъ въ опредѣленіи территоріи, занимаемой племенами *Си-ма-цзянь* хотя ставитъ *Чи-ди* въ соприкосновеніе съ тѣми же удѣлами, что и *Чунь-цю*, но во всякомъ случаѣ расширяетъ ихъ земли на западъ до нынѣшней провинціи *Шэнь-си*. А ргіогі, какъ мы уже сказали, преимущество лежитъ на сторонѣ *Чунь-цю*, какъ древнѣйшаго источника, но какія данныя были у *Си-ма-цзяня* дѣлать свои заключенія, неизвѣстно. Вопросъ объ источникахъ, которые послужили для составленія *Ши-цзи*, слишкомъ сложенъ и труденъ. О. Іакинъ пользовался сочиненіемъ *Си-ма-цзяня*, но данныя его крайне разбросаны и не уяснены. Такъ на стр. 248 у него сказано¹⁾, что *Чи-ди* въ періодъ весны и осени (т. е. *Чунь-цю*) занимали земля въ губ. *Сань-си* (т. е. *Шань-си*) въ области *Лу ань-фу*, а выше (стр. 6) — что цзиньскій князь *Вэнь-чунъ* встрѣтилъ ихъ въ *Шэнь-си*, что происходило также въ періодъ *Чунь-цю* (636 г. до Р. Х.). Не знаемъ также, на какихъ основаніяхъ О. Іакинъ утверждаетъ, что въ періодъ *Чжань-ю* (съ 480 года) «*Чи-ди* занимали въ губ. *Шань-си* и *Гань-су* земли и области *Цинъ-янъ-фу* и округа *Суй-дэ-чжоу* (стр. 247). Это показаніе, если оно вѣрно, даетъ возможность предполагать, что *Чи-ди* постепенно передвигались къ западу, можетъ быть, будучи оттѣсняемы китайцами, и уходили въ степную полосу, гдѣ позднѣе мы находимъ *Гао-юйскія* племена. Но это не больше какъ догадка, подтвержденіе которой крайне желательно.

Какого племени были *Чи-ди*? О. Іакинъ называетъ ихъ монголами²⁾, В. В. Радловъ причисляетъ къ тюркскимъ племенамъ; можетъ быть, кто-либо найдетъ возможнымъ считать ихъ и тунгусами. Все зависитъ отъ общаго взгляда на древнюю этнографію Средней Азіи. Самыя же данныя исторіи *Чи-ди* не содержатъ въ себѣ никакихъ основаній для такого или иного заключенія. Всего болѣе вѣроятною представляется намъ теорія о тюрк-

1) Собраніе свид. о народахъ, т. I, стр. 248.

2) Ibid., т. I, стр. 248.

скомъ происхожденіи *Чи-ди*; родство ихъ съ Хунну и общія соображенія о преобладаніи тюркскаго элемента на восточно-азиатскомъ нагорьи въ древности много говорятъ въ ея пользу.

Показанія *Шань-хай-цзинъ* даютъ возможность понять, что у китайцевъ представленіе о сѣверныхъ инородцахъ всегда связывалось съ тѣмъ неопредѣленнымъ степнымъ пространствомъ (*да-хуанъ* 大荒), которое вконецъ вѣковъ являлось для населенія Китая вмѣстительствомъ всего чудеснаго. И разъ народная фантазія отнесла туда какихъ-то звѣроподобныхъ потомковъ *Хуанъ-ди*, она уже не могла остановиться и должна была идти по тому же пути дальше, пока дѣйствительное знаніе не разсѣяло этихъ химеръ. Второю стадією въ развитіи этнографическаго знакомства китайцевъ съ племенами *гао-юйскими*, поздне получившими имя *хуй-хэскими*, составляютъ ихъ свѣдѣнія о *Динъ-минахъ*, предкахъ уйгуровъ и потомкахъ *Чи-ди* по *Бэй-Вэйской* исторіи¹⁾. Доселѣ это имя оставалось во тьмѣ и не подвергалось вовсе изслѣдованіямъ, однако болѣе обстоятельное знакомство съ нимъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на постепенное развитіе китайской этнографіи. Древнѣйшія свѣдѣнія о нихъ встрѣчаются въ той же древней книгѣ *Шань-хай-цзинъ* 山海經. Она отводитъ *Динъ-минамъ* (у П. С. Попова назв. 丁零, т. е. 釘靈) территорію на знаменитомъ сѣверномъ морѣ 明北海之內.

«Тамъ, пишетъ авторъ, есть государство *Динъ-минъ*. У жителей къ низу отъ колѣнъ на ногахъ растетъ шерсть и вмѣсто ступней лошадиныя копыта. Они бѣгаютъ прекрасно.» Комментарій къ этимъ даннымъ поясняетъ, что *Динъ-мины* на ходу сами себя подгоняютъ и на своихъ копытахъ пробѣгаютъ въ день до 300 ли²⁾.

Таковы древнѣйшія свѣдѣнія, циркулирующія доселѣ въ невѣжественныхъ народныхъ массахъ Китая. Если мы въ параллель съ этимъ вспомнимъ геродотовыхъ антропофаговъ, меланхленовъ и

1) *Гу-цзинъ-шу-шу-цзи-чэнъ. Бинь-и-дэнь* пз. 126. *Хуй-хэ-бу-хуй-као-эр.*, т. 1.

2) *Шань-хай-цзинъ. Глава Хай-хэй-цзинъ.*

жителей Гиперборейскаго моря, то станетъ ясно, что и европейцы платили дань своему времени и создавали себѣ образы чужеземцевъ не лучшіе, чѣмъ изображеніе *Динз-лина*. Но нельзя думать, что эти свѣдѣнія остались и до послѣдняго времени въ Китаѣ единственными. Открытіе западныхъ и сѣверныхъ странъ во времена *Ханьской* династїи не осталось безъ вліянія на развитіе этнографическихъ свѣдѣній китайцевъ, и потому въ *Сань-ю-жи* 三國志, т. е. исторїи періода трехъ государствъ, мы встрѣчаемъ объ этихъ инородцахъ *Динз-линз* 丁令 уже данныя иного характера. Въ отдѣлѣ объ инородцахъ *Мань* и *И* 蠻夷傳主 сообщается, что государство *Динз-линз* 丁令國 лежитъ на сѣверъ отъ *Канз-юй* и имѣетъ отборнаго войска 60.000 человекъ. Жители занимаются скотоводствомъ, а изъ земли ихъ вывозятъ шкурки мышей, а также шкурки животныхъ *бай-гунь-цзы* и *цинз-гунь-цзы*¹⁾.

Отъ страны ихъ до ставки хуннускаго *шань-юя* на рѣкѣ *Ань-си-шуй* 安習水 считается 7.000 лп; на югъ, до шести государствъ *Цз-ши* 車師六國 — 5.000 лп; на юго-западъ до кангюйскихъ границъ 3000 лп, на западъ до ставки кангюйскаго вана 8000 лп. Нѣкоторые считаютъ этихъ *динз-линовъ* хуннускими сѣверными динз-линями. Однако это ошибочно. Сѣверные *Динз-лины* живутъ къ западу отъ *у-суней*, они похожи на этихъ, но другого происхожденія. На сѣверъ отъ Хунну находятся еще государства:

- 1) *Хунь-юй* 渾窳國
- 2) *Цюй-шэ* 屈射國
- 3) *Динз-линз* 丁令國
- 4) *Гэ-гунь* 隔昆國
- 5) *Синь-ли* 新黎國

1) 白昆子 и 青昆子. Что это за породы, мнѣ неизвѣстно, но не нужно забывать, что добыча шкурокъ тарбагановъ или полевыхъ мышей доселѣ играетъ не послѣднюю роль въ экономической жизни населенія монгольской степи.

На югъ отъ славнаго сѣвернаго моря 明北海 живеть еще третье поколѣнiе *Динъ-линовъ*, различное съ обитающими на западъ отъ у-суней. У-суньскiе старики рассказываютъ, что у послѣднихъ, сѣверныхъ *Динъ-линовъ* существуетъ *Ма-синъ-ю* 馬脛國, т. е. царство людей съ конскими ногами. Обитатели его имѣють голоса, похожiе на крикъ дикихъ гусей. Отъ коленъ къ верху у нихъ тѣло человѣческое, а къ низу растеть лошадиная шерсть и лошадиныя копыта; они не ѣздятъ верхомъ, а бѣгаютъ со скоростью лошади. Очень храбры и сильно сражаются.

По *Санъ-цай-ту* 三才圖, *Динъ-лины* живутъ на морѣ. До *Инь-тянь-фу* 應天府 изъ ихъ земли лошадь бѣжитъ 2 года ¹⁾.

Въ этой выдержкѣ изъ *Санъ-ю-чжи* мы уже различаемъ наглядно сказочный элементъ отъ дѣйствительности. Показанiя *Шанъ-хай-цзиня* цѣлкомъ вносятся сюда, но сознание самихъ писателей не мѣрится съ неправдоподобными фактами, и чудеснымъ обитателямъ отводится еще болѣе далекая, совершенно неизвѣстная территорiя сѣвера, куда не пропикала еще нога китаецца. Такой фактъ повторяется въ исторiи всѣхъ народовъ и временъ, когда по мѣрѣ развитiя географическихъ знанiй мѣста дѣйствiй полу-мифическихъ личностей въ позднѣйшихъ сказанiяхъ отодвигаются все дальше и дальше въ невѣдомыя страны. Такъ было у Грековъ, перенесшихъ арену подвиговъ своихъ героев съ нашего Кавказа на Индiйскiй, гдѣ легенда нашла даже пещеру, въ которой Геркулесъ постигъ Прометея; такъ было съ крѣпостями Александра Македонскаго: ихъ вначалѣ указывали въ горахъ Паропамиза, потомъ вслѣдствiе знакомства съ послѣдними перенесли на Уралъ и Алтай и наконецъ окончили усвоениемъ ему постройки великой китайской стѣны. Такъ было съ легендою о царѣ-пресвитерѣ Иоаннѣ, царство котораго отодвигали постепенно изъ передней Азiи до страны Тэндухъ, а

1) *Гу-цзинъ-ту-шу. Бянь-и-дзи*, цз. 139. *Бэй-фанъ-гэй-сянь-чжу-ю-бу-као-и*. № 15. Сравнить *Тай-пинъ-гуай-юй-ли*, цз. 185, л. 14.

когда не пашли и здѣсь, то перебросили въ невѣдомыя страны южнаго Египта. То же повторяется и въ китайской исторіи на разсматриваемомъ примѣрѣ. *Сань-го-чжи* уже знаетъ о какомъ то государствѣ *Динь-линовъ*, можетъ такъ или иначе опредѣлить даже его географическое положеніе, знаетъ о естественныхъ произведеніяхъ ихъ страны, о численности жителей и войска и уже не соглашается съ фактомъ существованія лошадиныхъ коней у людей извѣстныхъ ему странъ. Такихъ субъектовъ и ему приходится загонять въ страны гиперборейскія.

Однако какія же фактическія данныя заключаются въ *Сань-го-чжи* по вопросу о *Динь-линахъ*? Остается совершенно непонятнымъ, какая можетъ быть связь между *Чи-ди* и *Динь-линами*? Для территориальной связи нѣтъ ни тѣни основаній, для племенной—тоже. По исторіи Троецарствія положительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что въ его періодъ китайцы уже знаютъ о народахъ, находящихся на сѣверѣ степи, и пытаются уже ввести разграниченіе даже между одноименными племенами и народами. Одни *Динь-лины* живутъ на сѣверѣ отъ *Кань-юй*, государства съ неопредѣленною территоріей, занимавшаго степи на западъ и востокъ отъ Аральскаго моря; другіе обитаютъ западнѣе у-суней. Если отъ страны послѣднихъ до *Кань-юй* на востокъ 5000 ли¹⁾, а поселенія *Динь-линовъ* еще западнѣе у-суней, то понятно, что они должны были жить въ степяхъ Средней Азіи, на позднѣйшихъ кочевьяхъ гао-гюйскихъ и хуй-хэскихъ племенъ. Но точно опредѣлить положеніе ихъ стойбищъ все-таки невозможно. Приуроченіе къ нимъ уйгурскихъ племенъ имѣетъ за собою уже несравненно больше основаній, сравнительно съ *Чи-ди*; даже самое имя *Динь-линъ* звучитъ въ позднѣйшемъ *Ди-ли 狄 歷*²⁾.

Что касается до усвоенія *Динь-линами* чисто лошадиныхъ свойствъ, то нужно знать, что взглядъ на инородцевъ, какъ на существа низшія челоуѣка—общераспространенъ въ Китаѣ доселѣ. «Древніе китайцы», пишетъ С. М. Георгіевскій, «употре-

1) *Гу-цзинь-ту-шу. Бянь-и-дэнь*. цз. 58. *Усунь бу*, л. 1.

2) *Гу-цзинь-ту-шу, цзюэнь, хуй-хэ-бу-као-и*. л. 1. *Іакинъ*. Ів., стр. 248.

бляли для названія многихъ инородческихъ племенъ собственнаго Китая такіе іероглифы, въ составъ которыхъ входятъ іероглифы, значащіе либо «собака» 犬, либо «шакалъ» 豸, либо «длинные перья птицъ» 羽 и «крылья птицъ» 隹, либо «червь» 巴, либо «свернувшаяся кольцами змѣя» 虫. Въ чемъ бы ни заключалась причина такого іероглифическаго обозначенія (въ тотемизмѣ ли, въ религиозныхъ ли культахъ инородцевъ, въ формѣ ли одежды послѣднихъ, въ характерѣ ли фауны занимаемыхъ ими территорій, въ пренебрежительномъ ли отношеніи побѣдителей-китайцевъ къ племенамъ, побѣждаемымъ и стоявшимъ на низкой ступени цивилизаціи), во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что взглядъ древняго китайскаго народа на инородцевъ, какъ на животныхъ, облеченныхъ въ человѣческія формы, явился однимъ изъ основаній (ихъ, конечно, много) вѣры въ возможность для звѣрей, птицъ и пресмыкающихся усваивать себѣ и фигуру и манеры человѣка»¹⁾. — Крайне удивила насъ одна фраза въ томъ же трудѣ С. М. Георгіевскаго: «Опѣкоемъ *Динз-линз-вэй* 丁令威 рассказываютъ, что онъ превратился въ журавля, а потомъ черезъ 1000 лѣтъ опять принялъ видъ человѣка»²⁾. Что это значить, и чѣмъ можно объяснить тожество именъ *Динз-линз*, не знаемъ. Незвѣстно также, откуда Е. Н. Parker заимствуетъ свѣдѣніе, что *Динз-линз* во времена *Сянз-бійцевъ* сражались на сторонѣ китайцевъ³⁾.

Глава II.

Гао-гюй 高車.

Древнѣйшія свѣдѣнія о гао-гюйскихъ 高車 поколѣніяхъ мы находимъ въ исторіи династіи *Вэй-Вэй*. Они были потомками

1) С.-М. Георгіевскій. Многоческія воззрѣнія и мнѣя китайцевъ. Спб. 1892. стр. 59.

2) Ibidem, стр. 56.

3) A Thousand years of the Tartars.

Чи-ди, говорится тамъ; вначалѣ назывались *Ди-ли* 狄歷 (у Паркера Tchirek или Terek) въ сѣверныхъ странахъ считались за *Чи-лэ* 敕勒, а весь Китай именуется ихъ гао-гюйскими Динь-ливами. Родственные хуннамъ по женской линіи, гао-гюйцы возводили родословную нѣкоторыхъ ихъ своихъ фамилій къ хуннускому дому, считая древнѣйшими родами, происходившими отъ внука по дочери изъ дома Хунну:

- 1) *Ди* 狄
- 2) *Юань-хэ* 袁紇
- 3) *Ху-люй* 斛律
- 4) *Цзъ-би* 解批
- 5) *Ху-гу* 護骨
- 6) *И-ци-цзинь* 異奇斤¹⁾.

Изъ гао-гюйскаго же рода 族 лѣтописи передаютъ намъ еще имена двѣнадцати фамилій 姓, какъ прозвищъ родоначальниковъ, отъ которыхъ съ теченіемъ времени произошли отдѣльные кланы.

Вотъ ихъ имена:

- 1) *Ли-фу-ли* 泣伏利
- 2) *Ту-лу* 吐盧
- 3) *И-чжань* 乙旃 .
- 4) *Да-лянь* 大連
- 5) *Ку-хэ* 窟賀
- 6) *Да-бо-гань* 達薄干
- 7) *А-лунь* 阿崙
- 8) *Мо-юнь* 莫允
- 9) *Сы-фынь* 俟分
- 10) *Фу-фу-ло* 副伏羅
- 11) *Ци-юань* 乞袁
- 12) *Ю-шу-нэй* 右叔沛

Каково собственно было взаимоотношеніе между этими родами или кланами и ранѣе перечисленными, мы не знаемъ. И тѣ и другіе по-китайски носятъ названіе 氏 *ши* — родъ, фамилія,

1) *Гу-цзинь-ту-шу* II, 8. цз. 125. — *Хуй-хэ-бу-хуй-као-и* г. 1.

акъ совокупность потомковъ, происходящихъ отъ одного общаго родоначальника¹⁾). Но безспорно, что первыя шесть названій представляютъ собою имена племенъ, изъ которыхъ *Юань-хэ* 袁紇 играетъ и позднѣе, въ теченіе всей исторіи уйгуровъ, первенствующую роль²⁾).

Первоначальнаго мѣстожителства всѣхъ этихъ племенъ, родовъ или поколѣній Вэйская исторія не указываетъ, но сообщаетъ, что въ позднѣйшія уже времена они переселились на сѣверъ степи и заняли мѣста въ нѣсколькихъ стахъ ли на сѣверо-западъ отъ *Лу-хунь-хай* 鹿渾海³⁾. Отсюда можно понять, что раньше они жили гдѣ-то около *Лу-хунь-хай*, т. е. на границѣ провинціи *Шань-си*. Какое переселеніе разумѣется здѣсь, мы не знаемъ, но не тутъ ли разгадка различныхъ территорій *Чи-ди* и *Динь-линовъ*, изъ которыхъ первые жили на югѣ, вторые на сѣверѣ степи? Какъ бы то ни было, но необходимо помнить, что китайскія лѣтописи считаютъ сѣверныя племена выходцами съюга, и что связь между южанами и сѣверянами степи являлась необходимымъ и естественнымъ слѣдствіемъ ихъ ранней совместной жизни. Показаніе же *Ду-ши-фань-юй-цзи-ло* имѣетъ за собою значеніе первостепенной важности, какъ указаніе опредѣленнаго пункта, гдѣ жилъ главный аймакъ *Юань-хэ*.

По переселеніи на сѣверъ степи роды гао-гюйцевъ разсѣлись здѣсь и, постепенно усплывшись, входили въ частыя столк-

1) *Гу-цзинь-ту-шу* т. 3. Іак. 251.

2) Неизвѣстно чѣмъ объясняемый пропускъ этого перечня племенъ въ переводѣ О. Іакина сдѣлалъ невозможнымъ для позднѣйшихъ изслѣдователей не синологовъ отмѣтить единство уйгурскихъ племенъ, являющихся составными частями различныхъ по названію государствъ въ разныя времена, но это единство, какъ увидимъ, безспорно можно прослѣдить по китайскимъ лѣтописямъ.

3) Пб. т. 2. О мѣстности *Лу-хунь-хай* въ сочиненіи *Ду-ши-фань-юй-цзи-ло* мы находимъ слѣдующія извѣстія: «На сѣверѣ степи находится долина *Лу-хунь-ту*. По *Бэй-ши*, она составляетъ долину моря *Лу-хунь-хай* и искони служила мѣстожителствомъ гао-гюйскому аймаку *Юань-хэ*, находясь на сѣверо-западъ отъ города *Пинь-чэнъ* 本高車袁紇部所居直平城西北 (въ 5 ли къ востоку отъ *Ду-тунь-фу*; см. Іак., Зап. о Монг., т. II, стр. 78). Къ востоку отсюда лежала рѣка *Жо-ло-шуй*.

новения съ своими сосѣдями. Съ одной стороны они нападали на всеспльныхъ тогда *Жу-жаней*, которымъ удалось покорить изъ нихъ поколѣвіе Фу-фу-ло¹⁾, съ другой грабили земли Срединной имперіи, къ чему политическія обстоятельства Китая представляли тогда много благоприятствующихъ условий.

Конецъ четвертаго и начало пятаго вѣковъ въ исторіи сѣвернаго Китая характеризуется полнымъ преобладаніемъ инородцевъ надъ Срединною имперіей. Туземная китайская династія *Цзинь* 晉, ослабленная постоянною борьбою съ безпрестанно возникающими на сѣверѣ новыми и новыми инородческими владѣтельными домами, переноситъ наконецъ свою столицу въ *Цзянь-ю* 建業 (Нанкинъ) и уступаетъ сѣверную часть своихъ земель дому Тоба, который въ 386 г. принимаетъ названіе *Вэй* 魏. Быстро усилившись при первомъ императорѣ *Дао-у-ди* 道武帝 (386—409), новая династія основала свою столицу въ городѣ *Дай* 代 (*Да-тунъ-фу*) и распространила свою власть на всю восточную и южную Монголію, войдя въ сосѣдство съ домою *Жу-жаней*, владычествовавшимъ надъ землями къ сѣверу отъ степи. Скоро начались столкновения между двумя могущественными сосѣдями, и въ исторіи этой борьбы мы впервые встречаемся съ племенемъ гао-гюйцевъ. Были ли въ началѣ правленія *Дао-у-ди* гао-гюйскія племена самостоятельными или же они признавали главенство дома *Жу-жаней*, мы достоверно не знаемъ, но склонны думать, что вѣрнѣе — первое. Тобаскій *Тай-цзу* борется съ ними нѣсколькими годами раньше, нежели *Жу-жаньскій* *Шэ-лунь*, откуда уже можно видѣть, что племена гао-гюйскія были врагами и того и другого. Необходимо, конечно, принимать при этомъ во вниманіе многочисленность и разнообразіе гао-гюйскихъ племенъ, изъ которыхъ одни могли быть подчинены *Жу-жанямъ*, другіе — оставаться самостоятельными. Во всякомъ случаѣ уже въ 4-й годъ правленія *Дао-у-ди* (390 г.) мы видимъ его въ походѣ противъ гао-гюйцевъ. Онъ напалъ на

1) *Гу-цзинь* . . . Гл. л. 3. Іак., стр. 251.

нихъ и нанесъ имъ пораженіе въ 1-й весенней лунѣ¹⁾. Этотъ походъ не окончился. Въ слѣдующемъ же году (391) въ 3-й весенней лунѣ императоръ *Дао-у-ди* отправился на западъ отъ р. *Жо-ло-шуй*, добрался до стоянки гао-гюйцевъ у *Лу-хунь-хай*, напалъ на аймакъ *Юань-хэ* и нанесъ ему сильное пораженіе. Отряды легкой китайской конницы не остановились на этомъ, но ушли за кочевниками на 100 слишкомъ ли въ глубь степи и нанесли новое пораженіе гао-гюйцамъ. Здѣсь было захвачено много плѣнныхъ и 200000 слишкомъ головъ скота: лошадей, овецъ и коровъ. Въ 10-й лунѣ того же года, зимою, императорскія войска напали на гао-гюйскій аймакъ *Доу-чэнь 豆陳* и нанесли ему сильное пораженіе у горы *Лань-шань 狼山*²⁾.

Мы не знаемъ, былъ ли этотъ походъ предпринятъ специально противъ гао-гюйцевъ или противъ жу-жаней, ибо въ томъ же 391 году видимъ Вэйскій домъ въ успешной борьбѣ съ послѣдними³⁾. Вѣрнѣе думать, что война велась съ кочевниками вообще. Императорскія войска били послѣднихъ, не разбирая племенъ и родовъ, и заходили съ этою цѣлью въ глубь степи настолько, насколько позволяли имъ силы, запасы провіанта и другія условія. Но возможно, что Вэйскій домъ хотѣлъ дѣйствительно сломить могущество жу-жаней и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы вмѣшиваться въ ихъ дѣла⁴⁾. Про гао-гюйскія племена можно сказать, что имъ доставалось при этой борьбѣ въ чужомъ пиру похмелье. Ихъ били Вэйцы по пути въ жу-жаньскія кочевья, ихъ же притѣсняли и жу-жане, спасаясь отъ преслѣдованія императорскихъ войскъ. Такъ въ 9-й годъ правленія *Дао-у-ди* (394 г.) жу-жаньскій *Шэлюнь*, спасаясь отъ преслѣдованія вэйскаго полководца *Хо-ту*, удался за песчаную степь на сѣверъ, напалъ на гао-гюйцевъ и далеко прошелъ въ ихъ земли. Слѣдующимъ образомъ покоривъ все гао-гюйскіе аймаки, онъ сдѣлался силь-

1) Гу-цзинь . . . 16. л. 1.

2) Гв. л. 1.

3) Гак. Собр. св. о нар., т. 1, стр. 206.

4) См. Гак., стр. 207—209.

нымъ и страшнымъ и поселился при рѣкѣ *Жо-ю*¹⁾, т. е. на мѣстѣ прежнихъ гао-гюйскихъ кочевьевъ.

Исторія Тобаскаго дома слишкомъ слабо разработана, чтобы можно было выяснитъ обстоятельно причины такихъ или иныхъ отношеній его съ сосѣдями. Источники сообщаютъ намъ только факты, умалчивая объ ихъ причинной связи.

Восемь лѣтъ спустя послѣ пораженія гао-гюйцевъ у *Лань-шань* мы видимъ *Дао-у-ди* опять въ походѣ противъ того же народа. На этотъ разъ экспедиція велась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Императоръ видимо хотѣлъ окончательно разсчитаться съ кочевниками въ ихъ стойбищахъ и собралъ для этой цѣли огромныя силы. Во 2-й годъ правленія *Тянь-синъ* (399) въ 1-й весенней лунѣ подъ знаками цкл. 庚午 *Дао-у-ди* двинулъ на гао-гюйцевъ три армій различными дорогами. Одна часть войска подъ предводительствомъ *да-цзянъ-цзюня Чанъ-шань-ванъ-цзуня* изъ трехъ корпусовъ направилась по восточной дорогѣ къ *Чанъ-чуань* 長川; другая, имѣя во главѣ *чжэнь-бэй-цзянъ-цзюня Гао-лянъ-ванъ-ю-чжэнь*, изъ семи корпусовъ слѣдовала по западной дорогѣ по направленію къ *Ню-чуань* 牛川. Императоръ же, предводительствуя лично третьею арміею, направился по средней дорогѣ. Всѣ три арміи по заранѣе намѣченному плану соединились во второй лунѣ 1-го числа въ мѣстности на сѣверо-востокъ отъ *Цзяо-жань-шуй* 駝鬃水 и нанесли 30 гао-гюйскимъ аймакамъ страшное пораженіе. Было захвачено въ плѣнъ 70.000 человекъ, 300.000 лошадей и больше 1.400.000 головъ коровъ и барановъ. Въ то же самое время четвертая императорская армія подъ предводительствомъ *бяо-ци-да-цзянъ-цзюня Вэй-ванъ-и* изъ 30.000 легкой конницы прошла на сѣверо-западъ въ глубь степи на 1000 лп, напала на семь гао-гюйскихъ аймаковъ и разсѣяла ихъ окончательно. Трофеямъ и здѣсь не было числа: больше 20.000 человекъ плѣнныхъ, 50.000 головъ лошадей и 200.000 барановъ достались въ руки

1) Иак. т. I, стр. 208.

побѣдителямъ. Устрашенные такими грозными побѣдами, гаогюйцы въ числѣ 200.000 сдались на волю побѣдителей и приняли ихъ подданство. Императорскія войска направились къ горамъ *Ню-шань* 牛山 и *Бо-шань* 薄山, на югъ отъ мѣстности *Ню-чуань* 牛川 и здѣсь устроили празднества въ ознаменованіе одержанныхъ побѣдъ. Была вырѣзана на камнѣ надпись, свидѣтельствующая о совершившихся славныхъ событіяхъ, и розданы награды всѣмъ отличившимся чинамъ, каждому по заслугамъ. Здѣсь же была устроена парадная охота съ облавами. Плѣнные гаогюйцы окружили площадь въ 700 слѣшкомъ ли и захватили всѣхъ звѣрей, оказавшихся въ серединѣ.

Въ этой же лунѣ подъ знаками *庚戌* *чжэнз-лу-цзянз-цзюнь* *Юй-ю* 庚岳 разбилъ *Чжанз-чжао* 張超 при *Бо-хай* 勃海. *Чжанз-чжао* убѣжалъ въ степи и былъ убитъ тамъ своими сообщниками. Послѣ этого императоръ двинулся съ своими войсками и плѣнными къ своей столицѣ *平城* *Пинг-чэнз*, а всѣхъ плѣнныхъ гаогюйцевъ привели въ *Лу-юань*¹⁾.

Рядъ такихъ блестящихъ побѣдъ надъ кочевниками не могъ пройти безслѣдно. Степняки почувствовали силу новой династїи и немедленно поспѣшили воспользоваться всѣми выгодами союза съ нею. Начинается рядъ посольствъ ихъ ко двору съ подарками. Тобасцы принимаютъ ихъ, раздаютъ ихъ вельможамъ свои титулы и такимъ образомъ насаждаютъ, хотя номинально только, свое управленіе у гаогюйцевъ. Въ 3-ій годъ правленія *Тянь-синз* въ 11 лунѣ (400) гаогюйцы въ числѣ 900 слѣшкомъ душъ

1) *鹿苑* — мѣстность оленьяго императорскаго парка, отъ котораго на югъ находится *Тай-инь* 臺陰, на сѣверъ *Чанз-чэнз* 長城; съ востока его охватывала мѣстность *Бай-дэнз* 白登, ему подвѣдомственная, на западъ шли горы. Это было обычное мѣсто парадныхъ императорскихъ охотъ и облавъ. Вѣйская исторія описываетъ этотъ паркъ довольно подробно. Онъ шириною и въ окружности въ нѣсколько ли. Здѣсь вырыты каналы и шлюзы, текутъ рѣчки и ручьи. Вода бѣжитъ по тремъ каналамъ вокругъ дворца, проходя также и внутрь его. Во дворцѣ строится родникъ *Хум-янз-чи*. Въ третьей лунѣ императоръ лично прїѣзжалъ сюда изъ своей сѣверной резиденціи *Дай* 伐 (*Лу-цзинз-му-му* *Ив. г. 2*).

переселились въ степи на земли Собственнаго Китая и отправили посольство для представленія дани ко двору подъ предводительствомъ *чжи-ли-тэ-мо-фу Чи-ли-цзянь 敕力捷*. Приняты они были ласково. Начальникъ ихъ получилъ титулъ *ян-вэй-цзян-цзюня* въ вѣдомствѣ *Си-ма-цань-цзюнь 司馬參軍*, а переселившимся кочевникамъ роздано въ награду 20.000 мѣръ хлѣба¹⁾. Первый опытъ удался, а за нимъ послѣдовали и другіе. На слѣдующій же годъ въ 1-й лунѣ (401 г.) гао-гюйцы подъ предводительствомъ *цзъ-би-мо-фу Фань-доу-цзянь 幡豆建* опять пришли для принятія подданства въ числѣ 30 аймаковъ, и такъ же точно начальнику ихъ данъ былъ титулъ *вэй-юань-цзян-цзюнь* вѣдомства *Си-ма-цань-цзюнь*, а простыхъ подданныхъ наградили платьемъ и наполнили ихъ житницы хлѣбомъ на годъ²⁾.

На ряду съ этимъ Вэйскій домъ не оставлялъ безъ вниманія и положенія дѣлъ на сѣверѣ степи, гдѣ жу-жаньскій *Шэ-лунь* подчинилъ себѣ гао-гюйскія поколѣнія и устанавливалъ для нихъ законы. Агентомъ Тобаскаго дома противъ жу-жаней явился нѣкій глава аймака по имени *Бэй-хоу-ли 倍侯利*. Скорбя о порабощенности своихъ земляковъ и соотечественниковъ, онъ задумалъ свергнуть его Шэ-луня и началъ распространять съ этой цѣлью среди нихъ слѣдующія мысли: «Шэ-лунь свѣжими войсками очень бѣденъ, лошадей у него также мало. Въ виду этого можно воспользоваться обстоятельствами, отрѣзать его отъ коренныхъ его жу-жаньскихъ владѣній, и за сямъ напасть и на него и на его земли». Планъ былъ смѣлый, но гао-гюйцы отнеслись къ нему съ пренебреженіемъ. Они жили, по словамъ историка, не думая о будущемъ, разоидясь съ женами по своимъ домамъ и спали непробуднымъ сномъ, не вставая. Шэ-лунь воспользовался безпечностью гао-гюйцевъ. Онъ собралъ своихъ разсѣявшихся 1000 человекъ в однужды утромъ совершенно неожиданно напалъ на гао-гюйцевъ и произвелъ среди нихъ

1) Гу-цзинъ Гб. 1. 2.

2) Гб. 1. 2.

страшное избиение. Успѣли спастись бѣгствомъ лишь 12—13 человекъ и въ томъ числѣ Бэй-хоу-ли. Послѣдній воспользовался враждою Вэйскаго дома съ жу-жаньцами и обратился за помощью въ Срединныя земли. Тамъ онъ былъ принятъ очень дружелюбно, и императоръ далъ ему званіе *мэн-ду-гун* 孟都公. Въ лицѣ этого гао-гюйца мы видимъ первый примѣръ того, насколько императорскій дворъ интересовался привлеченіемъ на свою сторону кочевниковъ и поощрялъ ихъ труды на пользу Китая. Лѣтописецъ читаетъ цѣлый панегирикъ по его адресу. *Бэй-хоу-ли*, пишетъ онъ, былъ умный, храбрый и правдивый человекъ. Съ оружіемъ въ рукахъ онъ врывался въ ряды неприятелей и производилъ въ нихъ страшныя опустошенія; своими достоинствами онъ рѣзко выдѣлялся изъ всѣхъ людей сѣверныхъ странъ. О немъ мальчики съ плачемъ говорили: «Ну, пришелъ самъ *Бэй-хоу-ли*» (значитъ, будетъ расправа), а женщины, складывая импровизаціи и пѣсни, распѣвали: «Хотимъ себѣ хорошаго мужа, какъ *Бэй-хоу-ли*». Всѣ поступали согласно его волѣ, а онъ самъ прекрасно зналъ 50 родовъ гаданій на растеніяхъ и на стебляхъ вонючей пуповки, умѣлъ различать добро и зло и посему построилъ себѣ прочное счастье. Онъ былъ щедро награжденъ богатствами, а его младшему брату *Хэ-тань* 曷堂 повелѣно было служить при дворѣ. По смерти *Бэй-хоу-ли* императоръ скорбѣлъ о немъ, устроилъ ему погребеніе на государственный счетъ, и въ похвальному посмертному титулу онъ былъ названъ *Чжунъ-чжуанъ-ванъ* 忠壯王, т. е. вѣрный и сильный князь¹⁾.

Подобная характеристика одного изъ гао-гюйскихъ старшинъ показываетъ намъ, что во времена Вэйской династіи гао-гюйцы были хорошо извѣстны при дворѣ, принимались на службу, и ихъ умѣли цѣнить тамъ, какъ людей нужныхъ въ борьбѣ съ другими враждебными тобасцамъ кочевникамъ. Но отсюда было бы ошибкою заключать объ общихъ мирныхъ отношеніяхъ Вэйцевъ съ гао-гюйскими племенами. Въ слѣдую-

1) П. 1. 8.

щихъ же строкахъ за панегирикомъ *Бэй-лоу-ли* лѣтописи передаютъ намъ, что въ 6-й годъ правленія *Тянь-синъ* (403) зимою въ 10-й лунѣ было предписано *цзянъ-цзюню II-вэй* 伊 謂 съ 20000 коннымъ войскомъ отправиться на сѣверъ и напасть на гао-гюйцевъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ дѣйствительно напалъ на племена *Юань-хэ* 袁 紇 и *У-нинь* 烏 頻 и нанесъ имъ спльное поражение¹⁾.

Вообще царствованіе Тобаскаго *Тай-цзу* характеризуется упроченіемъ власти его династїи въ сѣверныхъ странахъ. Всѣ ипородческіе аймаки были подчинены и получили управителей отъ Вэйскаго дома. Только гао-гюйцы, несмотря на всѣ успїя императора, не подчинялись ему и за это получили отъ историка названіе народа «грубаго и взбалмошнаго». Они не желали присылать постоянныхъ посольствъ съ даянью и продолжали жить самостоятельно²⁾.

Правленіе *Тай-цзуна Минъ-юань-ди* 明 元 帝 (409—424) полно внутреннихъ неурядицъ и волненій. Правительству не было времени обращать вниманія на сѣверныя границы, а потому и пзвѣстїи объ ипородцахъ за это время сохранилось мало, имѣющіяся же — всѣ говорятъ о жу-жаняхъ, не упомывая о гао-гюйцахъ. Въ послѣдній годъ своего царствованія императоръ укрѣпилъ сѣверную границу своихъ владѣній валомъ въ 2000 ли длиною, который тянулся отъ города *Чи-чэна* 赤 城 до *У-юаня* 吾 原 на *Инь-шань*³⁾. Съ восшествіемъ на престолъ преемника *Минъ-юань-ди*, *Тай-у-ди* 太 武 帝, пначе называемаго *Ши-цзу*, военныя дѣйствія вэйцевъ противъ сѣверныхъ кочевниковъ возобновились. Послѣ нѣсколькихъ походовъ *Тай-у-ди* на жу-жаней, во время которыхъ гао-гюйцы, пользуясь удобствами своего положенія, помогали вэйцамъ и убивали людей жу-жаньскаго предводителя *Да-таня* 大 檀⁴⁾, при чемъ до 300.000 пзъ нихъ поко-

1) *Иб.*

2) *Иб.*

3) *Fries. Abriss der Geschichte China's, стр. 147.*

4) *Иак., стр. 214.*

рилось, мы видимъ ничѣмъ не объяснимый походъ *Тай-у-ди* на гао-гюйцевъ. Вся вообще война съ сѣверными кочевниками была вызвана въ данномъ случаѣ стратегическими соображеніями. Императору донесли, что сосѣдній съ нимъ домъ *Сунъ* обнародовалъ о своемъ намѣреніи напасть на *Хэ-нань*. *Тай-у-ди* видѣлъ, что если прежде похода на югъ не уничтожить жу-жаней, то надобно будетъ принять непріятеля съ лица и съ тыла, и въ виду этого предпринялъ походъ на Да-тая. Гао-гюйцы косвенно помогали ему, нападая въ свою очередь на Да-тая, но тѣмъ не менѣе, возвратившись на югъ степи изъ похода на жу-жаней, императоръ открываетъ новый походъ на гао-гюйцевъ. Въ 430 году¹⁾, услышавъ, что гао-гюйскіе восточные аймаки, находившіеся въ *И-ни-но* 已尼陂 собрались и ушли за 1000 лишкомъ ли отъ правительственныхъ войскъ, *Тай-у-ди* предписалъ *цзо-пу-шэ* 左僕射 *Ань-юаню* 安原 наказать ихъ. Президентъ палаты финансовъ (*сы-шу*) *Чанъ-сунъ-хань* 長孫翰 и *шанъ-шу* *Линъ-лю-цзэ* 令劉潔 отговаривали его отъ этого, но императоръ не послушался и отправилъ *Ань-юаня* съ другими вновь подчинить возмущившихся гао-гюйцевъ, давъ имъ всего 10.000 конницы. Едва императорская армія дошла до *И-ни-но*, какъ гао-гюйцы, увидѣвъ ея силу, тотчасъ же въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ изъявили покорность. У нихъ взято было больше 100.000 головъ лошадей, быковъ и барановъ, а затѣмъ покоренные переселились на югъ степи. Здѣсь они кочевали, разыскивая удобныя пастбища, и сильно размножались. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ они ознакомились мало-помалу съ китайскою культурой, узнали употребленіе риса и ежегодно начали представлять дань Вэйскому дому. Завязались скоро

1) Вэй-шу *Тай-у-ди* бэнь-цзи относитъ этотъ походъ къ 424 году, но и въ *жу-жань* бэнь-цзи и въ *мао-шуй* бэнь-цзи онъ помѣченъ 430 годомъ, что и вѣрно. Если мы отнесемъ походъ на гао-гюйцевъ къ 424 г., т. е. къ первому году правленія *Тай-у-ди*, то не останется времени для первыхъ его походовъ на жу-жаней. Можетъ быть, ошибка *Тай-у-ди* бэнь-цзи произошла отъ того, что и въ раннихъ походахъ на жу-жаней и въ данной экспедиціи на гао-гюйцевъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ одинъ и тотъ же *Чанъ-сунъ-хань*?

и торговля сношения, и летописи отмѣчаютъ фактъ дешеваго вывоза изъ гао-гюйскихъ земель лошадей, быковъ, барановъ, войлоковъ и кожъ¹⁾).

Мирныя отношенія съ сѣверными кочевниками позволили *Тай-у-ди* перенести театр военныхъ дѣйствій на югъ, къ предѣламъ Сунскаго государства, въ войнѣ съ которымъ и проходилъ конецъ его царствованія. Миръ съ сѣверомъ, видимо, былъ очень проченъ, потому что кочевники не пользуются даже затрудненіями императора на югѣ и оставляютъ его владѣнія въ покоѣ. При преемникѣ *Тай-у-ди*, *Вэнь-чэнъ-ди* 文成帝, дружелюбныя отношенія Тобаскаго дома къ гао-гюйцамъ еще болѣе упрочились. Записанъ въ исторіи фактъ самаго тѣснаго участія императора въ народной жизни гао-гюйцевъ, оплачиваемый со стороны послѣднихъ полными симпатіями къ Вэйскому дому. Въ годы правленія *Тай-анъ* (455 — 460) пять гао-гюйскихъ аймаковъ собрались для жертвоприношенія небу въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человекъ. Они прибыли на лошадяхъ и, убивъ жертвенныхъ животныхъ, устроили игры: кружились, гуляли, пѣли пѣсни и веселились сильно. Летопись замѣчаетъ, что этотъ обычай у нихъ ведется отъ предковъ, и всѣ другія торжественныя собранія никогда не могутъ превзойти это по великолѣпію. Императоръ лично на своей колесницѣ прибылъ на собраніе, и не было никого здѣсь, не радовавшагося и не веселившагося²⁾).

При преемникѣ *Вэнь-чэнъ-ди*, *Сянь-вэнь-ди* 獻文帝 (466 — 471) и въ первые годы правленія *Сяо-вэнь-ди* 孝文帝 (471 — 500) отношенія Тобаскаго дома къ сѣверу играли весьма незначительную роль. Центр тяжести китайской исторіи падаетъ въ это время на распри сѣверной династіи съ Сунскимъ и Цяскимъ домами, завладѣвшими южной частью Китая. Въ степяхъ же мы видимъ въ это время свои междоусобія между жу-жанами и гао-гюйцами. Причиной ихъ отчасти служила

1) Пь., л. 8.

2) Пь.

вражда жу-жаней къ Вэйскому дому, которую не раздѣляли, по-видимому, гао-гюйцы, поддерживавшіе мирныя сношенія съ Китаемъ. Можетъ быть, здѣсь дѣйствовало давнее желаніе гао-гюйцевъ освободиться отъ зависимости жу-жаней, ибо во главѣ недовольныхъ мы видимъ предводителя рода Фу-фу-ло, издавна подвластнаго жу-жанямъ. Во времена *Сяо-вэнь-ди* среди жу-жаней возникли междоусобицы, и управлявшій ими раньше родъ распался. Во главѣ ихъ стоялъ въ это время *Доу-лунь* 豆 崙. Гао-гюйцами управлялъ въ это время *А-фу-чжи-ло* 阿伏至羅 со своимъ двоюроднымъ братомъ *Цюнь-ци* 窮奇, и число ихъ подданныхъ простиралось до 100.000 юртъ. Въ 11-й годъ правленія *Тай-хэ Доу-лунь* задумалъ напасть на границы Вэйскаго государства. *А-фу-чжи-ло* не согласился, но *Доу-лунь* одинъ предпринялъ походъ противъ Средней имперіи. Тогда *А-фу-чжи-ло*, можетъ быть, для того, чтобы показать свою солидарность съ *Доу-лунемъ* и тѣмъ снискать благоволеніе Вэйскаго дома, а, можетъ быть, пользуясь отсутствіемъ жу-жаньскихъ войскъ и руководимый единственно желаніемъ самостоятельности, поднялъ своихъ гао-гюйцевъ и перекочевалъ съ ними на западъ степи, отложившись отъ *Доу-луня*. По прибытіи на сѣверо-западъ отъ прежняго аймака¹⁾, онъ объявилъ себя независимымъ. Вельможи дали ему названіе *Хоу-лоу-фу-лэ* 候 婁 匍 勒, что на языкѣ дома Вэй значитъ «Сынъ великаго неба»; *Цюнь-ци* же получилъ имя *Хоу-бэй* 候 倍, что на языкѣ дома Вэй значитъ «наслѣдный государь». Два правителя эти жили между собою въ большомъ согласіи; они раздѣлили между собою аймакъ, и *А-фу-чжи-ло* жилъ на сѣверѣ, а *Цюнь-ци* на югѣ²⁾. Понятное дѣло, что жу-жань не могли помприться добровольно

1) Фразу 前 部 мы переводимъ «прежній аймакъ», а не «передній аймакъ», какъ у Іакина, стр. 252. Мы думаемъ, что здѣсь означается мѣстопо-ложеніе новаго кочевья, сравнительно съ прежнимъ. Редакцію «передній аймакъ» нельзя принять, потому что раньше ни передняго ни задняго аймаковъ мы не встрѣчали.

2) *Гу-цзинь*... Ів, 4, 3.

съ подобнымъ самоуправствомъ своихъ подданныхъ, и *Доу-лунь* вмѣстѣ съ своимъ дядемъ *На-гай* 那蓋 отправились въ погоню за бѣглецами двумя дорогами. *Доу-лунь* пошелъ по сѣверную сторону горъ *Цзюнь-цзи-шань* 溪稽山 на западъ, а *На-гай* удалился отъ горъ *Цзинь-шань* 金山. *А-фу-чжи-ло* разбилъ *Доу-луня*, и послѣдній ушелъ на востокъ, гдѣ былъ скоро убитъ. Такимъ образомъ *А-фу-чжи-ло* удержалъ свою самостоятельность. *На-гай* же, хотя и одерживалъ верхъ въ битвахъ надъ гао-гюйцами, но скоро занялся вопросомъ о верховномъ главенствѣ надъ жу-жанями и оставилъ гао-гюйцевъ въ покоѣ¹⁾.

Что это за переселеніе природческихъ ордъ, и какое его вліяніе на дальнѣйшую исторію ихъ? Обѣ орды, безъ сомнѣнія, двинулись изъ юго-восточной части степи, но, вѣроятно, въ разные мѣста. *А-фу-чжи-ло*, по нашему мнѣнію, ушелъ къ Байкальскому бассейну, въ плодородныя равнины Толы, Орхона и Селенги, а *Цюнь-ци* на западъ нагорья, къ Восточному Туркестану, при чемъ гдѣ-то около Алтая (*Цзинь-шань*) ему пришлось выдержать рядъ битвъ съ *На-гаемъ*. Начиная съ этого переселенія исторія гао-гюйскихъ племенъ связывается съ географіею западной части степи такъ же, какъ и восточной, какъ это было раньше. Съ первыхъ же страницъ теперь замелькаютъ передъ нами племена городовъ, поселковъ, горъ и рѣкъ *Тянь-шань-нань-лу* и *Тянь-шань-бэй-лу*, и намъ остается только различать исторію пришельцевъ отъ исторіи мѣстныхъ жителей. Въ этомъ переселеніи намъ видится главный узелъ, связывающій исторію гао-гюйскихъ племенъ съ Восточнымъ Туркестаномъ. Широкаго развитія связь эта достигаетъ однако гораздо позднѣе; теперь же китайскія лѣтописи въ своихъ отрывочныхъ данныхъ, не упуская изъ вида и аймака *А-фу-чжи-ло* и племенъ западныхъ, не даютъ цѣлостнаго понятія ни о томъ ни о другомъ. Но, повторяемъ, съ этого момента начинается именно та охватывающая все среднеазиатское нагорье исторія гао-гюйцевъ, которая

1) Пб. цз. 128 *Жу-жань-бу-као* л. 10. Іакниевъ 221.

приводить ихъ въ столкновение съ самыми различными племенами востока, запада, юга и сѣвера степи и характеризуетъ существованіе этого народа, какъ состоящее изъ самыхъ разнообразныхъ сплетеній и столкновеній. Она возбуждаетъ массу этнографическихъ вопросовъ о родствѣ племенъ, но всѣ они остаются пока безъ отвѣта.

Какъ самостоятельный правитель, *А-фу-чжи-ло* употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы привлечь на свою сторону симпатіи Вэйскаго двора и имѣть въ китайскихъ государяхъ союзниковъ противъ жу-жаней. Въ 14-й годъ правленія *Тай-хэ* (490 г.) *А-фу-чжи-ло* отправилъ въ столицу *Шань-ху-юэ-чжэ* для представленія въ дань двухъ стрѣлъ и поручилъ ему донести слѣдующее: «Жу-жани — злонамѣренные вассалы Сына неба; я отсовѣтывалъ ихъ князю нападать на Среднюю имперію, но онъ не послушалъ меня, потому я отложившись пришелъ сюда и самъ объявилъ себя владѣтелемъ. Я долженъ въ удовольствіе Сыну неба оружіемъ упичтожить жу-жаней». Подобное донесеніе звучитъ совершенно инымъ тономъ, нежели прежнія. Видно, побѣда надъ *Доу-лунемъ* дала силы гао-гюйцамъ, и они уже помышляютъ не объ оборонѣ только отъ жу-жаней, но о защитѣ отъ нихъ просятъ Вэйскій дворъ, какъ бывало прежде, а сами подумываютъ объ отмщеніи прежнихъ обидъ, сами желаютъ нанастъ на своихъ прежнихъ повелителей. Но тобасцы вовсе не были расположены потворствовать гао-гюйцамъ. Имъ одинаково вредно было возстановлять противъ себя гао-гюйцевъ или жу-жаней, а потому они и не даютъ санкціи задуманному походу. *Сянь-вэнь-ди* не повѣрилъ словамъ *А-фу-чжи-ло* и отправилъ посланника *Юй-ти* 于提 въ орду посмотреть положеніе дѣлъ. Неизвѣстно, какіе были результаты миссіи *Юй-ти*, но при возвращеніи его *А-фу-чжи-ло* и *Цюнз-ци* отправили съ нимъ ко двору своего посланника *Бо-гая* съ данью, состоявшею изъ мѣстныхъ произведеній. Въ отвѣтъ на это посольство Вэйцы командировали новое. Указано было отправить съ *Юй-ти* къ гао-гюйцамъ *юань-вай-сань-ци-ши-ланъ* *Кэ-чзу-хунъ*, *Чанъ-шэнъ-фу* и снабдить каждого

福 преслѣдовалъ его съ цѣлью наказать за непокорность, нагналъ, нанесъ большое поражение и возвратился назадъ¹⁾.

Тогда высочайшимъ указомъ *нинъ-бэй-цзянъ-цзюнь Цзянъ-янъ-ванъ-цзи* 江陽王繼 былъ назначенъ *ду-ду* и командированъ на сѣверъ для приведения въ порядокъ дѣлъ въ странѣ. Новый главноначальствующій повелѣлъ совершенно вначе дѣла съ кочевниками. Оставивъ въ сторонѣ армию, онъ устроилъ надзоръ за поведеніемъ гао-гюйцевъ. Нѣсколько времени спустя, ознакомившись съ ихъ образомъ жизни, онъ сдѣлалъ донесеніе объ нихъ ко двору слѣдующаго характера: «Гао-гюйцы», писалъ онъ, «глупые поселенцы въ данныхъ мѣстахъ, не знающіе ни силы ни величія законовъ; они легкомысленно относятся къ условіямъ общественной жизни, не исполняютъ казенныхъ повинностей и бродятъ, то убѣгая, то возвращаясь назадъ и обдумывая свои злыя и жестокія предпріятія». Вместе съ такою характеристикой гао-гюйцевъ *Цзянъ-янъ-ванъ-цзи* изложилъ свои взгляды и на политику, которой нужно придерживаться съ кочевниками. «Если ихъ преслѣдовать и избивать, употребляя мѣры строгости, то нужно опасаться, что вслѣдъ затѣмъ немедленно произойдетъ новое возмущеніе. Нужно командировать для умротворенія ихъ такого посла, который, не отталкивая ихъ симпатій, умротворилъ бы ихъ; пусть онъ казнитъ одного человѣка, если окажется надобность, а остальнымъ внушаетъ въ то же время, чтобы они оставались спокойными. Если окажутся среди преж-

имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи 14 департаментовъ 府, 17 округовъ 州 и 96 уѣздовъ 縣. Первый изъ департаментовъ носилъ названіе *Цзянъ-нинъ-фу* 江寧府, иначе *Цзянъ-канъ* 建康. По показанію главы *юй-гунъ* 禹貢 въ *Шу-цзинъ*, онъ составлялъ территорію *Линъ-чжоу* 揚州. Во времена уѣзда *Чу* 楚 при *Вэй-ванъ* 威王 эта мѣстность составляла лучшія земли князя. Здѣсь добывали золото, а потому она и получила названіе *Цзинъ-линъ*, т. е. страза золотыхъ холмовъ. Позднѣе во времена уѣзда *У* 吳 сюда перенесли столицу и назвали ее *Цзянъ-я* 建業. — Указанный источникъ представляетъ собою одну изъ самыхъ популярныхъ китайскихъ географій, которую изучаютъ въ школахъ дѣти средняго возраста.

1) *Гу-цзинъ*... Гв., т. 4.

нихъ мятежниковъ раскаявшіеся и желающіе подчиниться нашимъ повинностямъ, то таковыхъ нужно немедленно отправлять къ войскамъ съ приказомъ слѣдовать неразлучно за нашей арміей, а возмугившихся при первой возможности переселять на новыя мѣста и тамъ постепенно приводить ихъ къ покорности». Возможность подобной полѣтики *divide et impera*, засвидѣтельствованная лицомъ, близко знакомымъ съ условіями жизни гао-гюйцевъ, должна была быть встрѣчена за Стѣною съ радостью. Китайское правительство никогда не бросалось въ рискованныя экспедиціи въ степяхъ и предпринимало ихъ только въ случаѣ крайней нужды. Мѣры, проектированныя *Цзянгъ-янъ-ванъ-цзи*, обѣщали прежде всего экономію въ расходахъ, а затѣмъ — миръ. Этихъ двухъ основаній было достаточно для полнаго ихъ принятія въ высшихъ сферахъ. II, дѣйствительно, императоръ одобрилъ планы *ду-ду*, а обсуждавшіе ихъ чиновники (*чу-вэй-ши-чэнъ*) представили такую оцѣнку дѣятельности ихъ автора: «*Цзянгъ-янъ-ванъ-цзи*», сказали они, «идетъ вѣрною стопою; онъ дѣйствительно правдивый и умный человекъ».

Получивъ такую санкцію своихъ мѣропріятій, *Цзянгъ-янъ-ванъ-цзи* не замедлилъ приложить ихъ къ дѣлу. Онъ отправилъ человека къ *Хэ-шу-чжэ* благодарить послѣдняго за труды. *Хэ-шу-чжэ* вошелъ было уже въ жу-жаньскія земли, чтобы искать тамъ убѣжища, но, увидя подобные приемы, раскаялся и вмѣстѣ со всѣми своими подданными принялъ подданство Китая. Въ это же время императоръ *Сяо-вэнъ-ди* лично отправился въ **業** (владѣніе, лежавшее въ сѣверной Хэ-нань), и это событіе тоже почему-то повліяло на гао-гюйцевъ, и они поспѣшили засвидѣтельствовать вновь изъявленіе своей покорности. Тогда весь сѣверъ уже былъ очищенъ отъ повстанцевъ, и власть Вэйскаго дома утверждена повсюду. Мятежные же гао-гюйцы еще разъ подтвердили свою вѣрность Китаю и просили отпустить имъ прежнюю вину. Императоръ *Гао-цзу* съ радостью далъ имъ указъ, въ которомъ внялъ ихъ просьбамъ¹⁾.

1) П., г. 4.

Что это за гао-гюйцы, гдѣ они жили, когда именно произошли упомянутыя событія, и какая дальнѣйшая судьба этихъ поколѣній, подданныхъ *Хэ-шу-чжэ*, — все это остается неизвѣстнымъ.

Назначеніе нанкинскаго губернатора главнокомандующимъ арміи, дѣйствовавшей противъ нихъ, вмѣстѣ съ непонятнымъ вліяніемъ на перемѣну ихъ политики переселенія императора въ *Хэ-нань* даетъ возможность отводить орды *Хэ-шу-чжэ* довольно далеко на югъ за Великую стѣну, въ Собственный Китай. Но какъ они туда попали, непонятно. Очевидно, это былъ какой-то особый отъ поколѣнія *Фу-фу-лоскаго А-фу-чжи-ло* отрядъ; иначе, какъ бы былъ у нихъ новый предводитель, какой-то *Хэ-шу-чжэ*, если *А-фу-чжи-ло* самъ еще жилъ и дѣйствовалъ въ это время? Не принадлежали ли онѣ къ поколѣнію, подвластному *Цюнь-ци*? Для этого тоже нѣтъ данныхъ.

Дальше лѣтописи вновь переносятъ насъ къ извѣстнымъ уже гао-гюйскимъ родамъ.

Въ 1-й годъ правленія *Юнь-нинъ* императора *Сюань-у-ди* 宣武帝 въ 7 лунѣ (507 г.) гао-гюйцы прислали посольство ко двору съ данью. Вслѣдъ за симъ начинаются раздоры и безпорядки среди самыхъ гао-гюйцевъ. Выступаютъ новыя поколѣнія. Исторія гао-гюйцевъ все тѣснѣе и тѣснѣе связывается съ исторіею западныхъ ииородцевъ, населявшихъ земли притяньшаньскія. Довольно сильный западный народецъ *В-да* 𐰉𐰺𐰽¹⁾ напалъ на южный кланъ пришельцевъ гао-гюйцевъ и, убивъ ихъ предводителя *Цюнь-ци*, захватилъ въ плѣнъ его сыновей и внуковъ, какъ-то *Ми-со-ту* 彌俄突 и другихъ. Народъ, подвластный

1) См. *Іакинъ*, т. 2, ч. III, стр. 177. Въ первомъ томѣ, стр. 253, о. *Іакинъ* переводитъ названіе этого народа *И-дань*, каковое ему усвоено было уже при династіяхъ *Суй* и *Танъ*, гораздо позднѣе. Такое преждевременное измѣненіе имени, разъ въ текстѣ стоятъ іероглифы *В-да*, безъ всякой оговорки со стороны о. *Іакина*, неосторожно. Начинаящаго изучать исторію среднеазиатскихъ народовъ оно ставитъ въ тупикъ и лишаетъ возможности разыскать отдѣлъ объ этомъ народѣ, называемомъ всюду въ китайскихъ источникахъ *В-да* 𐰉𐰺𐰽 𐰇. См. *Гу-чжи-ли-шу-чжи-чжэ*. *Бли-и-дань*. Цз. 67.

прежде *Цюнз-ци*, разбѣлся: иные подались дому *Вэй*, другіе жу-жанямъ. Тогда императорскій дворъ предписалъ отправить полководца *Мэнз-вэй* 孟威 принять покорившихся и поселить ихъ при крѣпости *Гао-пинг-чжэнъ* 高平鎮¹⁾.

Въ удѣлѣ *А-фу-чжи-ло* также происходили неурядицы. Старшій сынъ его *Чжэнз* 蒸 вмѣстѣ съ одною изъ второстепенныхъ жень *А-фу-чжи-ло* задумалъ произвести возмущеніе противъ правителя - отца. *А-фу-чжи-ло* во время узналъ о заговорѣ и казнилъ сына со всѣми его сообщниками²⁾.

Такимъ образомъ оцъ удержался правителемъ, но скоро его смѣнилъ на тронѣ *Ба-ли-янъ* 跋利延, хотя мы и не знаемъ, какимъ образомъ: умеръ ли *А-фу-чжи-ло* или былъ онъ свергнутъ? Новый правитель не долго оставался на своемъ мѣстѣ. Годъ спустя тотъ же народецъ *ь-да* рѣшилъ воспользоваться имѣвшимися въ его рукахъ претендентами на гао-гюйскій престолъ и объявилъ войну гао-гюйцамъ, желая поставить надъ ними *Ми-во-ту*. *Ба-ли-янъ* былъ убитъ, и *Ми-во-ту* занялъ его мѣсто. Сдѣлавшись государемъ, *Ми-во-ту* отправилъ посланника ко двору съ данью; потомъ еще отправилъ въ даръ плитку золота, плитку серебра, два посоха золотыхъ, семь лошадей и десять верблюдовъ. Въ отвѣтъ на это посольство Вэйскій дворъ командировалъ *Му-юнз-таня* 慕容坦 отвезти къ *Ми-во-ту* 60 кусковъ разныхъ шелковыхъ тканей. *Сюань-ву-ди* въ указѣ сказалъ: «Занявъ страну за отдаленными песками, ты вполне обнаружилъ преданность. Видя твое усердіе къ престолу, симъ объявляю тебѣ царское мое благоволеніе. *Жу-жань*, *ь-да* и *ту-чу-хунь* 吐谷渾³⁾ имѣли сообщеніе между собою только по дорогѣ черезъ *гао-чанз* 高昌, единственную точку ихъ соединенія. Нынѣ *гао-чанз* покорился, и отправленъ посланникъ для принятія его въ

1) Городъ въ нын. *Гань-су*, въ департаментѣ *Пинь-лян-фу*. См. Іак., т. II, прил. стр. 19.

2) *Гу-кэнь-жу-му*. Ів., т. 4.

3) *Ту-чу-хунь* описываются въ китайской исторіи какъ принадлежащіе къ тибетскому племени 西羌種. China Review. 1886 — 87. Т. XV, р. 187.

ваше вѣдѣніе. Проходъ жу-жанямъ пресѣченъ, и непріязненные дѣйствія не могутъ быть производимы. Разсѣянныя небольшія толпы иногда дѣлають нападенія и задерживаютъ царскихъ гонцовъ. Это преступленіе виѣ прощенія¹⁾.

Интересно сопоставленіе этого документа съ одновременно посланными грамотами къ жу-жанямъ. Вэйскій дворъ, чувствуя свою силу и слабость жу-жаней, говоритъ съ ними советъ инымъ тономъ. Онъ требуетъ безусловно подчиненныхъ, вассальныхъ отношеній и держится очень гордо предъ всѣми запiskiваніями и посольствами жу-жаней. Кончается же дѣло тѣмъ, что онъ отправляетъ ихъ государя *Фу-ту* 伏圖 на западъ повоювать гаогюйцевъ²⁾. Такимъ образомъ выясняется все вѣроломство политики Вэйскаго двора. Они натравливали на жу-жаней гаогюйцевъ, высказывая якобы послѣднимъ полное свое благоволеніе, и въ то же время продавали жу-жанямъ свое покровительство цѣною похода на гаогюйцевъ. Впрочемъ, какъ выясняется въ ихъ дальнѣйшей исторіи, у нихъ вовсе не было опредѣленнаго плана дѣйствій. Пользуясь враждою кочевниковъ, китаицы принимали помощь и подданство и жу-жаней и гаогюйцевъ безъ различія, руководясь единственно желаніемъ разбить и обезсилить ихъ обоихъ. Въ данномъ столкновеніи счастье склонилось сначала на сторону жу-жаней. Ма-во-гу далъ битву пришедшему *Фу-ту* на сѣверной сторонѣ озера *Пу-лэй-хай* 蒲類海 и разбитый бѣжалъ болѣе 300 ли на западъ. Но дальше обстоятельства осложняются, и въ продолжающихся междоусобіяхъ начинаетъ принимать участіе большая часть населенія пыншней *Тянь-шань-бэй-лу*. Масса самостоятельныхъ маленькихъ владѣній имѣла тогда свои особые счеты съ Вэйскимъ домомъ и между собою и не сочла возможнымъ остаться безучастною къ происходившему на ихъ глазахъ состязанію двухъ сильнѣйшихъ кочевыхъ государствъ. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ свѣдѣній выяснитъ всю картину жизни страны въ данный періодъ мы не можемъ. *Фу-ту* вначалѣ,

1) *Лу-цзинь*..... Ів. л. 4; Іак. стр. 253.

2) *Іакинъ*, стр. 222.

видимо, былъ сторонникомъ Вэйскаго дома и послѣ побѣды, одержанной надъ *Ми-во-ту*, онъ расположился въ *И-у* 伊吾 на сѣверныхъ высотахъ, т. е. гдѣ-то въ сѣверной части Хамійскаго оазиса. Въ это самое время гао-чанскій 高昌 правитель *Цюи-изя* 麹嘉 докладомъ просилъ Вэйскій дворъ переселить его въ предѣлы Китая. Императоръ *Сюань-у-ди* отправилъ уже знакомаго намъ полководца *Мэнз-вэй* принять его и привести въ *И-у*, гдѣ было отведено имъ мѣсто для поселенія. Жу-жани, увидя войска полководца *Мэнз-вэй*, пришли въ страхъ и отступили. Этотъ поступокъ представляется страннымъ: войска *Фу-ту* бѣгутъ отъ своихъ же союзниковъ - китайцевъ. Вѣроятно, здѣсь имѣло большое значеніе вмѣшательство Гао-чана, но роль правителя этого маленькаго государства доселѣ остается невыясненною. Какъ бы то ни было, но *Ми-во-ту*, получивъ извѣстіе, что жу-жани въ ужасѣ бѣгутъ, догналъ ихъ и совершенно разбилъ. *Фу-ту* былъ схваченъ и убитъ на сѣверной сторонѣ озера *Пу-лэй-хай*; волосы у него были отрѣзаны и выданы *Мэнз-вэй*. Засимъ *Ми-во-ту* отправилъ ко двору съ посланникомъ пять превосходныхъ лошадей, золото, серебро, соболей и разныя мѣстныя произведенія. Это было въ третій годъ правленія *Юнъ-пинз*, зимою въ 10-й лунѣ (510 г.). Въ отвѣтъ на посольство указано было отправить князя *Юй-лянз* 于亮 и въ соотвѣтствіе показать ему полный наборъ музыкальныхъ орудій, 80 музыкантовъ, 10 кусковъ нунцовыхъ и 60 кусковъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ тканей. *Ми-во-ту* отправилъ ко двору посланника съ данью изъ мѣстныхъ произведеній¹⁾.

Такимъ образомъ получилась самая неожиданная развязка изъ всей предпринятой Вэйскимъ домомъ политики. Разобраться въ этихъ фактахъ не легко. Если Вэйцы командировали *Фу-ту* напасть на гао-гюйцевъ, то почему же при приближеніи китайскаго войска съ *Мэнз-вэй* во главѣ жу-жани бросились бѣжать и дали такимъ образомъ полную возможность гао-гюйцамъ на-

1) Пб. л. 4; Иак., стр. 253 — 254.

нести себѣ пораженіе? Почему вслѣдъ за тѣмъ они такъ покровительствуютъ гао-гюйцамъ? Они, видимо, играли въ данномъ случаѣ двойную игру, и она удалась имъ совершенно. Какъ бы то ни было, послѣдствіемъ пораженія, нанесеннаго жу-жанямъ, было усиленіе гао-гюйцевъ. Имъ подчиняется упомянутый гаочанскій правитель *Цюй-изя*, и они получаютъ возможность распоряжаться даже массами туземцевъ, переселяя, напримѣръ, жителей изъ западнаго *Чэ-ши* въ Харашарь¹⁾.

При императорѣ *Сяо-минъ-ди* 孝明帝 (516 — 528), въ первый годъ правленія *Шэнь-гуй*, лѣтомъ въ 4-й лунѣ гао-гюйцы прислали посла ко двору для представленія дани²⁾. Вѣроятно, они пытались прочтѣе заручиться расположеніемъ императорскаго двора, потому что враждебныя дѣйствія гао-гюйцевъ и жу-жаней не прекратились на вышесказанномъ. Преемникомъ убитаго *Фу-ту* явился у жу-жаней сынъ его *Чоу-ну* 纒奴, человекъ «рослый, крѣпкій и искусный въ войнѣ». Онъ не замедлилъ отомстить за смерть отца, и въ началѣ царствованія императора *Сяо-минъ-ди* напалъ на гао-гюйцевъ. *Ми-во-ту* далъ ему сраженіе, но проигралъ его и попался въ плѣнъ. *Чоу-ну* привязалъ его обѣими ногами къ спицѣмъ клячи и убилъ тряскою, покрылъ головной черепъ его лакомъ и употреблялъ вмѣсто сосуда для патья³⁾.

Народъ *Ми-во-тусва* аймака ушелъ тогда къ *ь-да* и поставилъ надъ собою правителемъ младшаго брата убитаго *И-фу* 伊訶. Въ 3-й годъ правленія *Чжэнь-гуанъ* онъ нанесъ сильное пораженіе жу-жанямъ и отправилъ ко двору посланника съ поздравительнымъ листомъ. Въ отвѣтъ на это былъ командированъ оттуда нѣкто *Гу-изъ*, и *И-фу* дали слѣдующіе титулы: *чжэнь-*

1) Иакновъ, ч. III, стр. 152.

2) *Гу-изъ-жу-шу*, л. 5.

3) Этотъ обычай — общій у кочевниковъ. То же сдѣлалъ съ русскимъ княземъ Святославомъ печенѣжскій князь. Въ китайскомъ языкѣ существуетъ специальный терминъ 彈骨 *дань-гу* — клятва древнихъ варваровъ (*дунь-ху* 東胡), при которой они пили вино изъ человеческого черепа. Пал. I, 108.

си-цзянъ-цзюнь, си-хай-цзюнь, кай-го-цунъ, гао-юй-ванъ. И-фу снова разбилъ жу-жаней, и жу-жаньскій государь По-ло-мынь 婆羅門 бѣжалъ въ Лянъ-чжоу. О Чоу-ну мы знаемъ, что онъ былъ разбитъ раньше какимъ-то А-фу-чжи-ло въ 520 г. и потомъ убитъ матерью¹⁾.

Въ правленіе Чжэнъ-гуанъ (522 г.) И-фу отправилъ ко двору посланника съ данью и при семъ случаѣ просилъ дать ему колясочку, покрытую киповареннымъ лакомъ, шлею съ двойнымъ покрываломъ и тюфякомъ, одинъ зонтикъ и одинъ вѣеръ, темныхъ парасолей съ искривленнымъ древкомъ, пять вѣеровъ подь краснымъ лакомъ, литавру и трубу или рогъ. Все это было указано дать. И-фу велъ войну съ жу-жанями и возвратился разбитый. Этимъ воспользовался младшій его братъ Юэ-цзюй 越居, который убилъ И-фу и самъ вступилъ на престолъ²⁾. Въ правленіе Тянь-нинъ при императорѣ Сяо-цзинъ-ди (534—537) гао-гюйскій Юэ-цзюй опять былъ разбитъ жу-жанями, а сынъ И-фу, по имени Би-ши 比適, убилъ Юэ-цзюя и самъ вступилъ на престолъ. Въ 3-й годъ правленія Синъ-хэ (540 г.) Би-ши былъ разбитъ жу-жанями. Цюй-бинъ 去賓, сынъ Юэ-цзюя, бѣжалъ отъ жу-жаней къ восточному дому Вэй. Ци-сянь-у 齊獻武, желая привлечь отдаленныхъ иностранцевъ, представилъ государю, чтобы облечь Цюй-биня въ достоинство гао-гюйскаго государя и дать ему титулы. Въ томъ же году А-чжи-ло 阿至羅, правитель государства Фу-фу-ло, и сынъ Юэ-цзюя Цюй-бинъ пришли для выраженія вѣрнопоподданнческихъ чувствъ и были сдѣланы гао-гюйскими ванами. Но Цюй-бинъ вскорѣ заболѣлъ и умеръ³⁾.

На этомъ оканчиваются показанія китайской исторіи о гао-гюй. Отрывочность данныхъ оказалась и въ концѣ, которымъ

1) Иакниоъ, ч. III, 154. Интересно это имя А-фу-чжи-ло. Но фу-фу-лоскій ли это основатель сѣвернаго гао-гюйскаго улуса? Мы ничего не знаемъ ни о его смерти, ни о его сверженіи, хотя преемниковъ его уже видѣли.

2) Гу-цзинъ-ту-шу, т. 5. Іак. 255.

3) Іб., т. 5.

является не какое-либо изменение въ судьбахъ народа, не переломъ въ его жизни, а просто смерть какого-то незначительнаго князька, подобныхъ которому существовали сотни, живя и умирая безслѣдно.

Окидывая общимъ взглядомъ всѣ данныя о гао-гюйцахъ, относящіяся ко временамъ сѣверной Вэйской династїи, мы должны указать на ихъ крайнюю неопредѣленность. Едва самъ усилившійся упрочиться на престолѣ, Тобаскїй домъ не могъ удѣлять много вниманія изученію своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Этому много способствовало географическое положеніе кочевьевъ гао-гюйскихъ племенъ. До передвиженія на западъ при *А-фу-чжи-ло* они жили въ восточной части *Гоби*, перекочевывая то къ Селенгѣ и Орхону, то на югъ къ провинціи *Гань-су*. Все это пространство — чистая степь, которая не давала возможности китаичамъ ближе ознакомиться съ гао-гюйцами; послѣдніе убѣгали при приближеніи китаичевъ и не вступали съ ними въ никакія сношенія, кромѣ присылки посольствъ. Со времени перехода въ западную часть степи, къ Восточному Туркестану, гао-гюйцы вступаютъ постепенно въ тѣсныя сношенія съ мѣстными жителями и мало-по-малу сливаются съ ними.

Были ли пришедшіе гао-гюйцы одноплеменны или родственны туземцамъ? Да. Про нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ племенъ сама же Вэйская исторія говоритъ, что они общаго происхожденія, напримѣръ, про *ь-да*. Но еще больше за то же говоритъ та прїязнь, съ которою встрѣтили мѣстные жители гао-гюйцевъ. *И-у*, *гао-чанъ*, *ь-да* и другія племена и мѣстности входятъ съ ними въ сношенія, подчиняются имъ крайне легко, вступаютъ съ ними въ союзъ для борьбы съ жу-жаниями и совершенно не питаютъ къ нимъ враждебныхъ чувствъ, какъ къ чужеземнымъ завоевателямъ. Однако нельзя не отмѣтить одного возраженія противъ высказаннаго положенія. Китайская лѣтопись говоритъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, *ь-да* были отраслью гао-гюйскаго племени 亦曰高車之別種, и въ то же время сообщаетъ, что языкъ

ихъ совершенно отличенъ отъ языковъ и жу-жаней и гао-гюйцевъ и всѣхъ сѣверныхъ варваровъ¹⁾.

Какъ это можетъ быть? Какого же племени могутъ быть эти *ь-да*, если они не говорятъ на языкѣ средне-азіатцевъ? Если бы мы даже стали на точку зрѣнія отца Іакинна и согласились признать всѣхъ гао-гюйцевъ монгольскими племенами, то и тогда не вышли бы изъ затрудненія. Оказалось бы, что *ь-да* не принадлежатъ ни къ монгольскому ни къ тюркскому племени. Отношенія Вэйскаго дома къ гао-гюйцамъ въ данный періодъ состояли въ сущности въ связи и знакомствѣ съ личностями правителей кочевниковъ. До народа китайскому правительству не было дѣла, посему и свѣдѣній объ немъ исторія сохранила очень мало. Но нельзя не повторить отмѣченнаго уже факта, что въ это время впервые перечисляются гао-гюйскія племена и для нѣкоторыхъ изъ нихъ указывается мѣстожительство. Это должно служить исходнымъ пунктомъ въ изслѣдованіяхъ о племенахъ, разсѣянныхъ по огромному пространству нагорья, указывая связь древнѣйшей исторіи народцевъ съ послѣдующей.

Глава III.

Тъ-лэ 鐵勒.

Въ періодъ Суйской династіи 隋 (589—618) мы находимъ свѣдѣнія о тѣхъ же гао-гюйцахъ подъ названіемъ *ть-лэ* 鐵勒. Уже въ періодъ Вэйскаго дома мы видѣли, что на сѣверѣ гао-гюйцевъ называли *чи-лэ* 敕勒, во времена же Суйской династіи это названіе измѣнилось въ *ть-лэ*²⁾. *Ть-лэ* были

1) *Гу-илинь-ту-шу. Бинь-и-дянь*, изд. 67. *Ъ-да-бу-хуй-као*, л. 1. 其語與蠕蠕高車諸胡不同. О Іакиннѣ іероглифы 諸胡 «всѣ сѣверные варвары» произвольно переводитъ словомъ «тюрки». Основаній, какъ всегда, онъ не выясняетъ. (Свѣд. о народ., т. II, ч. III, стр. 178).

2) Е. Н. Parker читаетъ его *Сберек* или *Terek* и пишетъ: «Предками терековъ были гао-гюйцы, и отсюда вполне ясно, что уйгуры первоначально были небольшими племенами *Terek*». См. *A thousand years of the Tartars*. Далѣе онъ считаетъ слово *terek* (*ть-лэ*) простымъ измѣненіемъ слова *динь-линь*.

потомками *сюн-ну*, и родовъ ихъ было очень много. *Суй-шу* 隋書 отводитъ огромную территорію для тѣ-лэскихъ племенъ, называя послѣднихъ по именамъ и указывая въ общихъ чертахъ районы ихъ кочевьевъ. Тѣ-лэскія племена живутъ непрерывною цѣпью къ востоку отъ западнаго моря, *Си-хай* 西海, т. е. Каспія, по горнымъ ущельямъ и уходятъ далеко въ восточную часть нагорья Средней Азіи. Извѣстны слѣдующія ихъ племена:

На сѣверъ отъ рѣки *Ду-ло-хэ* 獨洛河, т. е. отъ рѣки Толы, живутъ аймаки:

- 1) *Пу-гу* 僕骨
- 2) *Тунг-ло* 同羅
- 3) *Вэй-хэ* 韋紇, плп, по Doolittle, 韋訖
- 4) *Ба-пъ-гу* 拔也古
- 5) *Фу-ло* 覆羅 (вѣроятно, *Фу-фу-ло* Вэйской исторіи).

Существовали также названія:

- 1) *Сы-цзинь* 俟斤
- 2) *Мэнь-чэнь* 蒙陳
- 3) *Ту-жу-хэ* 吐如紇¹⁾
- 4) *Сы-цзи* 斯結
- 5) *Хунь* 渾
- 6) *Ху-сэ* 斛訖 и другія.

Всѣ эти роды могутъ выставить отборнаго войска 20.000 человекъ.

На западъ отъ *И-у* (Хами) 伊吾, къ сѣверу отъ *Янь-ци* 焉耆 (Харашарь), обокъ съ *Бай-шань* 白山 (звено Тянь-шаня въ 120 ли отъ Хами на сѣверъ, покрытое вѣчными снѣгами) живутъ:

1) Doolittle въ A vocabulary and handbook of the Chinese language, Vol. II, p. 205 дѣлаетъ попытку чтенія названій тѣ-лэскихъ племенъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ — ошибочно. Эти два племени онъ называетъ *Мэнь-чэнь-ту* 蒙陳吐 и *Ху-хэ-хунь* 如紇渾, но въ послѣднемъ названіи несомнѣнная погрѣшность, такъ какъ *Хунь* 渾 былъ отдѣльнымъ племенемъ.

- 1) Ци-би 契弊
- 2) Ло-чжи 落職
- 3) И-чжи 乙唎
- 4) Су-но 蘇婆
- 5) На-хэ 那曷
- 6) У-ху 烏護
- 7) Ы-чжи-юй 也唎於
- 8) Ни-ху 尼護 и другія.

Они выставляют отборного войска 20.000 человекъ.

На юго-западъ отъ Алгая 金山 живутъ:

- 1) Сь-ань-то 薛延陀
- 2) Чжи-лэ 唎勒
- 3) Эрз-ши-нань 兒十盤
- 4) Да-чи 達契 (по Doolittle, Юань-чи) и другія;

они могутъ доставить болѣе 10.000 отборного войска.

На сѣверъ отъ государства Кань-го (Согдіана) 康國, обокъ съ рѣкою А-дэ-шуй 阿得水 (по Doolittle, А-тэнь, или Волга) живутъ:

- 1) Хэ-чжи-хэ 訶唎曷 (у Doolittle Хэ-чжи 訶唎)
- 2) Цэ-бо 截撥 (у Doolittle Хэ-цэнь 曷截)
- 3) Ху-би 忽比 (у Doolittle Бо-ху 撥忽)
- 4) Цянь-цзюй 千具 (у Doolittle Ду-юй-цзюй 咄于具)
- 5) Хай-хэ 海曷
- 6) Би-си 比悉 (у Doolittle Бэй-си 北悉)
- 7) Хэ-янъ-су 何養蘇 (у Doolittle А-цзо-су 阿差蘇)
- 8) Ба-нь-вэй 拔也未
- 9) Кэ-да 渴達 и другія; они имѣютъ около 30.000 отборного войска.

На востокъ и западъ отъ озера И-хай 崑海 живутъ:

- 1) Су-лу-цзэ 蘇路羯
- 2) Сань-со-янь 三索咽 (это племя Doolittle раздѣляетъ на два: Сань-со и Янь)

3) *Мь-цз* 蔑促

4) *Лунь-ху* 隆忽 (у Doolittle 咄忽) и другія.

Всѣхъ родовъ тѣ-лэскихъ насчитывается болѣе 8000.

На востокъ отъ *Фу-минь* 拂菻 живутъ:

1) *Сы-цзюй* 思屈

2) *А-лань* 阿蘭

3) *Бэй-чань* 北振

4) *Цзю-ли-фу* 九離伏

5) *Вэнь-хунь* 温鬻

По числу они приближаются къ 20.000 человекъ.

На югъ отъ *Бэй-хай* 北海 (у Doolittle — Байкаль) живутъ *Ду-бо* 都波 и другіе.

Всѣ перечисленные роды и аймаки жили самостоятельно, до известной степени обособленною жизнью, но, по свидѣтельству хроника, самымъ главнымъ, сильнымъ или родовитымъ они признавали *тэ-лэ* (雖姓氏各別總謂爲鐵勒). Нельзя не отмѣтить тутъ особенности китайской этнописи. Въ послѣднихъ строкахъ оно усвоитъ названіе *тэ-лэ* отдѣльному аймаку или роду, названіе же тѣ-лэскихъ прилагаетъ ко множеству племенъ, разбросанныхъ на огромной территоріи отъ Каспія до Маньчжуріи; но въ то время какъ для этихъ мелкихъ племенъ указываются опредѣленные части территоріи, или заселяемая, дается даже понятіе объ ихъ численности, о глазомъ изъ нихъ — *тэ-лэ* не говорится ни слова. Гдѣ собственно было ядро ихъ поселеній, сколько было этихъ *тэ-лэ*, почему остальнымъ аймакамъ усвоится названіе тѣ-лэскихъ, — на всѣ эти вопросы хроника не даетъ отвѣта. Неужели же авторъ хроника считалъ излишнимъ разъяснять вопросъ о самихъ *тэ-лэ*, считая его общезвѣстнымъ? Китайскій текстъ не позволяетъ намъ считать его именемъ собирательнымъ, но именемъ собственнымъ одного племени его признать также нельзя за неимѣніемъ данныхъ.

Всѣ тѣ-лэскія племена жили въ кочевомъ быту, мѣняя мѣста своихъ поселеній, смотря по достатку травы и воды. Они отлично умѣли ѣздить верхомъ и стрѣлять изъ лука. Какъ у всѣхъ ко-

чевниковъ, характеръ у нихъ былъ хищнической и мстительный, почему они не упускали никогда случаевъ поразбойничать и пограбить¹⁾. Это было, конечно, общее мнѣніе автора хроник и китайцевъ о среднеазиатскихъ кочевникахъ; въ дѣйствительности же племена, населявшія мѣста у Тянь-шаня, всегда въ значительной степени разнились строемъ отъ обитателей дальняго востока, и даже сама лѣтопись отгѣняетъ этотъ фактъ, хотя и въ слабой степени. «Близкіе къ западной сторонѣ люди очень любятъ заниматься посадкою деревьевъ и разведеніемъ разнаго рода растеній. У нихъ масса барановъ и рогатаго скота, но мало лошадей». Такія черты характеризуютъ до известной степени склонность населенія къ осѣлости, что мы дѣйствительно и видимъ съ древнѣйшихъ временъ у жителей Восточнаго Туркестана и Тянь-шань-бэй-лу 天山北路.

Въ періодъ Суйской династіи въ Средней Азіи первое мѣсто по силѣ и могуществу занималъ Ту-цзюэскій или Ту-кюэскій 突厥 домъ Дулга. Главное ядро его жило у Алтайскихъ горъ, но энергичные и даровитые ханы походами распространяли свою власть на окрестныхъ кочевниковъ и, подчинивъ себѣ почти всѣ племена нагорья восточной Азіи, постоянно дѣлали набѣги на земли Суйскаго дома. Ту-кюэ были больше знакомы китайскимъ хронографамъ, и этимъ объясняется, почему исторія упоминаетъ о тѣ-лэсцахъ большею частью въ связи съ ту-кюэсами, почему между ними проводятся сравненія и параллели, почему китайскій писатель смотритъ на тѣ-лэсцевъ, такъ сказать, сквозь призму ту-цзюэ. «Нравы тѣ-лэсцевъ вообще одинаковы съ ту-кюэскими. Только женятся у нихъ уже взрослые мужчины и тотчасъ послѣ свадьбы живутъ въ домѣ родителей жены, ожидая, пока родится и вскормится грудью первый ребенокъ. Только тогда молодая чета возвращается въ свой домъ. Умершихъ они зарываютъ въ землю. Вотъ и вся разница»²⁾.

1) Суй-шу, кн. 84, л. 19.

2) Суй-шу, *ibidem*.

Трудно было Китаю въ періодъ послѣднихъ сѣверныхъ династій (*Бэй-ци* 北齊 550—577; *Бэй-чжоу* 北周 557—581 и *Суй* 隋 589—618) вести опредѣленные и правильныя сношенія съ кочевниками, которыя дали бы богатый матеріалъ историкамъ. Императоры династій *Ци* и *Чжоу*, достигнувъ трона, нисколько не думали объ управленіи народомъ или упроченіи своей власти разумными мѣрами. Они враждовали, интриговали, избивали дѣйствительныхъ и мнимыхъ соперниковъ и узурпаторовъ, предавались безшабашной гульбѣ и разврату, истощали непомѣрными требованіями, налогами и притѣсненіями народъ и въ лицѣ Чжоускаго *Сюань-ди* 宣帝 (578—580) дошли въ этомъ отношеніи до апогея. Китайскіе историки съ ужасомъ отзываются объ этомъ государѣ, сумасшедшемъ, одержимомъ манією величія. Онъ передалъ правленіе своему малолѣтнему сыну, а самъ объявилъ себя богомъ (*Шань-ди* 上帝) и утѣшался воздаваемыми ему куреніями и поклоненіями, утопая въ развратѣ. Слѣдующая названная два дома Суйская династія, хотя и объединила въ своихъ рукахъ весь Китай, но не дала ему успокоенія. Оба государя ея *Вэнь-ди* 文帝 (589—605) и *Янь-ди* 煬帝 (605—618) отличались вопиющими наклонностями, и ихъ походы на сосѣдей стоили невѣроятныхъ средствъ казнѣ. Особенно отличался въ этомъ отношеніи *Янь-ди*. Его походы на Корею обратились въ какую-то махію, напоминающую собою средне-вѣковое воинственное движеніе германскихъ императоровъ на Италію въ Европѣ; они истощили правительственныя финансы и сдѣлали ихъ урегулированіе почти невозможнымъ. Огромныхъ денегъ казнѣ стоили также придворныя женщины, которыми утѣшался императоръ. Его *partie de plaisir* по нарочито выстроенному каналу изъ *Хуань-хэ* въ *Янь-ци-цзянъ* въ сопровожденіи 4000 дѣвицъ и 80.000 свиты представляетъ собою едва ли не величайшую оргію въ свѣтѣ. Какъ ничтожны кажутся въ сравненіи съ нею 300 наложницъ Соломоновыхъ, оргія Валтасара, пиры Александра Великаго послѣ похода въ Индію, разгулъ Антонія и Клеопатры въ Александріи, развратъ римскихъ импе-

раторовъ, 800 женъ нашего князя Владимира, забавы Иоанна Грознаго съ опричниками, оргіи Иоанна Лейденскаго и потѣшныя игры и попойки Петра Великаго — словомъ, всё тѣ факты европейской исторіи, которые тракуются, какъ величайшіе примѣры необузданности и свободы страстей! Впрочемъ нужно отдать справедливость *Янъ-ди*. Его хватало на все. Придворный развратъ шелъ на ряду съ заботами о внѣшнемъ благоустройствѣ и безопасности имперіи, и если послѣднія не поглощали всего императора, то все же среди нихъ можно отмѣтить много разумныхъ мѣръ, достойныхъ всякаго одобренія. Однако китайскіе историки не любятъ Суйской династіи и сравниваютъ ее съ ненавистнымъ имъ правленіемъ Циньскимъ **秦** (254—206 до Р. X.), хотя и съ нѣкоторой уступкой. Царствованіе *Вэнъ-ди*, пишутъ они, конечно, нельзя сравнивать съ *Цинь-ши-хуанъ-ди*, «преступникомъ противъ 10.000 поколѣній»; оно лучше послѣдняго, но дальше мы видимъ полную аналогію въ обѣихъ династіяхъ. Зло и пороки въ характерѣ *Янъ-ди* были гораздо сильнѣе, чѣмъ у преемника сожигателя ученыхъ — *Ху-хая* **胡亥** или *Эръ-ши-хуанъ-ди* **二十皇帝**. Полная пассивность, подчиненность министрамъ и кратковременное царствованіе послѣднихъ императоровъ циньскаго *Цзы-шиа* **子嬰** и суйскаго *Гунъ-ди* **恭帝** совершенно совпадаютъ. Наконецъ и паденіе обѣихъ династій произошло одинаково. Тамъ *Чэнъ-шэ-ванъ* **陳涉王**, здѣсь *Ли-ми* **李密** подняли возмущеніе, в народъ, недовольный правленіемъ императоровъ, съ одинаковой охотою откликнулся на протестъ и свергъ своихъ недостойныхъ правителей, смѣнивъ ихъ новыми, идеальными-высокими. Тамъ началась Ханьская, здѣсь — блестящая Танская династія.

Даже при недостаткѣ положительныхъ данныхъ легко понять отсюда, что подобный отзывъ современниковъ о династіи покушается цѣной массы народныхъ страданій подъ бременемъ налоговъ, деспотизма и произвола правящихъ классовъ. Неурядицы и раздоры наполнили Китай въ данный періодъ, и они заняли все вниманіе историковъ. До внѣшнихъ событій по-

слѣднимъ не было дѣла, и вотъ почему въ исторіи сѣверныхъ династій мы находимъ такъ мало свѣдѣній о кочевыхъ племенищахъ. Не нужно забывать при этомъ, что сами племенища мало имѣли возможности напоминать о себѣ Китаю и беспокоить его своими набѣгами. Однимъ изъ золъ, развѣдавшихъ Среднюю имперію въ это время, былъ именно милитаризмъ, дававшій государству внешнюю силу и восточавшій его внутри. Кочевники боялись Китая въ этотъ періодъ и ведутъ себя крайне осторожно. Поэтому-то лѣтописи династій *Бэй-ци* 北齊 (550—577) и *Бэй-чжоу* 北周 (557—581) не упоминаютъ о гао-гюйскихъ или тѣ-лэскихъ племенахъ вовсе, да и собственно историческія свѣдѣнія, сообщаемыя Суйскою исторіею о *тѣ-лэ*, ничтожны. Тѣ-лэскія поколѣнія, хотя и жили отдѣльно, но не имѣли своего государя, а подвластны были восточному и западному домамъ Ту-кюэскимъ. Ханы послѣднихъ постоянно ходили на нихъ войною и употребляли все мѣры къ тому, чтобы исправить и привести въ порядокъ сѣверныя пустоши, заселенныя тѣ-лэцами¹⁾.

Наиболѣе раннія свѣдѣнія объ отношеніяхъ къ *ту-цзюэ* восходятъ еще ко времени перваго усиленія Дулгаскаго дома. При императорѣ *Вэнь-ди* въ 12-й годъ правленія *Да-тунъ* 大同 (536) тѣ-лэцы пошли войною на жу-жаней. Ту-цзюэскій ханъ *Ту-мынь* 土門 палалъ на нихъ на перерѣзъ и, разбивъ ихъ, покорилъ весь аймакъ, простиравшійся до 50.000 кубитокъ²⁾. — Какія были послѣдствія этого событія, мы не знаемъ. Только изъ времени, на 70 почти лѣтъ позднѣйшаго, лѣтопись передаетъ намъ нѣсколько фактовъ изъ жизни *тѣ-лэ*.

Въ послѣдній годъ правленія *Кай-хуанъ* 開皇, при императорѣ *Вэнь-ди*³⁾ (600 г.) Цзиньскій ванъ *Гуанъ* 晉王 廣 отправился въ походъ на сѣверъ съ цѣлью овладѣть народомъ. Онъ нанесъ большое пораженіе ту-цзюэскому *Бу-цзя* хану 步

1) Суй-шу, цз. 84, л. 19.

2) Иакновъ, стр. 266.

3) Гу-цзинь-ту-шу, л. 6. *Тѣ-лэ-бэй-чжуанъ* называетъ этого вана Хуэ 諱.

迦可汗, и *тль-лэ* послѣ того раздѣлился и разсѣялся¹⁾). При слѣдующемъ Суйскомъ императорѣ *Янь-ди* ту-кюэскій *Чу-ло-хань* 處羅可汗 напалъ на *Тль-лэ*. Всѣ аймаки онъ обложилъ данью, взявъ съ нихъ мѣстныхъ произведеній. При этомъ, подозрѣвая *сѣ-янь-то* и опасаясь съ ихъ стороны пзмѣны, онъ собралъ ихъ старшинъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ и всѣхъ ихъ предалъ смерти. Противъ *Чу-ло-хана* немедленно же вспыхнуло возстаніе, а вслѣдъ за тѣмъ сдѣлался самостоятельнымъ *Сы-ли-фа*, *Сы-цзинь*, *Ци-би*, *Гэ-лэнь*. Послѣдній принялъ названіе *И-у-чжэнь-мо-хэ-хана* 易勿鎮莫何可汗. Онъ жилъ у горы *Тань-хань-шань* 貪汗山.

Кромѣ того, самостоятельнымъ сдѣлался *сѣ-янь-тоскій сы-цзинь* *Цзы-нь-чжи* 侯斤字也陞 и сталъ малымъ ханомъ *小可汗*. *Чу-ло-хань* былъ разбитъ *Мо-кэ-ханомъ* 莫何可汗; съ этого времени значеніе *Мо-кэ-хана* начало возрастать. Онъ сталъ несравненно сильнѣе всѣхъ правителей, привлекъ къ себѣ расположеніе всѣхъ подданныхъ и сдѣлался страшнымъ для сосѣднихъ государствъ. *И-у*, *Гао-чань* 高昌, *Янь-ци* 焉耆 и другія государства подчинились ему²⁾).

Въ 3-й годъ правленія *Да-нь* 大業 (608) *тль-лэ* отправили посла съ данью въ видѣ мѣстныхъ произведеній, и съ тѣхъ поръ эти приношенія не прекращались³⁾).

Вотъ и всѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ намъ Суйская исторія о *тль-лэ*. Но несмотря на свою краткость и неполноту, они весьма цѣнны для разрѣшенія вопроса объ этнографической связи уйгуровъ съ древнѣйшими народами Средней Азии. Неопытно, какъ могъ о. Такинъ въ своемъ «Собраніи свѣдѣній . . .» опустить эту страничку изъ *Суй-шу*. Его свѣдѣнія о гао-гюйцахъ изъ періода Вэйской династіи и о *хуй-хэ* или *хуй-ху* времени Танскихъ стоятъ совершенно особнякомъ другъ отъ друга. Изъ намековъ и поясненій Танской исторіи мы едва-едва можемъ

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ів., г. 6.

2) Ів.; *Суй-шу*, цз. 84, г. 20.

3) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ів.; *Суй-шу*, Ів.

понять, что между этими племенами была какая-то связь, между тѣмъ изъ точнаго свода Вэйской, Суйской и Танской исторіи открывається съ очевидною ясностью, что это часто одни и тѣ же племена, являющіяся въ китайской исторіи подъ различными общими именами, но сохраняющія за собою свои частныя собственныя имена, которыя остаются въ разныя времена одними и тѣми же. Пропущенный у о. Иакпоа перечень фамилій 氏 гао-гюйцевъ изъ Вэйской исторіи ставитъ въ числѣ ихъ родъ *Юань-хэ* 袁紇, какъ главный, самый сильный. Суйская исторія въ числѣ тѣ-лэскихъ родовъ называетъ *Вэй-хэ* 韋紇 а Танская исторія прямо говоритъ, что родъ *Юань-хэ* при Суйской династіи называется *Вэй-хэ*. Изъ послѣдовательнаго анализа данныхъ всѣхъ трехъ хроникъ видна вмѣстѣ съ тѣмъ постепенность обогащенія китайской исторіи болѣе и болѣе точными свѣдѣніями относительно племенъ Средней Азии. Данныя о гао-гюйцахъ въ Вэйской исторіи крайне общи. Они касаются прородцевъ настолько лишь, насколько послѣдніе приходили въ столкновение съ Вэйскимъ дворомъ. Если описываются походы тобаскскихъ полководцевъ въ глубь степи, то опять же только въ интересахъ китайскаго тщеславія. Жизнь туземцевъ почти не замѣчается и не захватывается авторомъ. *Суй-шу* на нѣсколькихъ страничкахъ уходитъ далеко впередъ отъ своей предшественницы. Ея свѣдѣнія о *тэ-лэ* посвящаются главнымъ образомъ указанію состава, территоріи и численности племенъ тѣ-лэскихъ, т. е. выясненію ихъ внутренней жизни безъ отношенія къ Средней Имперіи. Здѣсь мы видимъ корень или общій фонъ, къ которому уже очень легко было приурочить всѣ подробности, собранныя исторіографами Китая во времена послѣдующей Танской династіи. И приступая къ разбору этихъ послѣднихъ, мы уже имѣемъ подъ ногами почву. Намъ знакомо большинство названій племенъ и родовъ и мѣста ихъ поселеній, посему не труднымъ становится отмѣтить какъ появленіе въ хроникѣ новыхъ племенъ или исчезновеніе старыхъ, такъ и ихъ перекочевки и переселенія. Само собою разумѣется, что полное тожество племенъ тѣ-лэ-

скихъ съ племенами *хуй-хэ* или *хуй-ху* станетъ несомнѣннымъ для каждаго, если мы увидимъ въ Танскій періодъ тѣ же самыя племена подъ общимъ названіемъ *хуй-хэ*, которыя мы при Суйской династіи называли тѣ-лэсами.

ГЛАВА IV.

Хуй-хэ 回紇.

Племена, принадлежавшія къ древнему гао-гюйскому роду, въ періодъ Танской династіи (唐 618—907) становятся гораздо болѣе знакомыми китайцамъ, а потому и исторія ихъ находятъ себѣ гораздо болѣе опредѣленное мѣсто въ лѣтописяхъ Срединной имперіи. Въ *Танъ-шу* мы встрѣчаемъ всѣ тѣ же племена, которыя въ Суйской исторіи отнесены къ роду *тѣ-лэ*, но съ гораздо болѣе точнымъ указаніемъ ихъ мѣстожительства, численности и отношеній къ другимъ племенамъ. Уже изъ краткаго указанія *Суй-шу* и изъ обобщенія всѣхъ родовъ въ общемъ имени тѣ-лэскихъ было видно, что китайская исторія считаетъ ихъ всѣ родичами другъ другу, несмотря на то, что кочевья ихъ раскинулись на огромномъ пространствѣ всей Средней Азіи. Въ періодъ династіи Танъ та же мысль о родствѣ проводится гораздо яснѣе, и исторія всѣхъ племенъ до того переплетается между собою, что разсматривать ее возможно только какъ общую исторію всѣхъ племенъ, а не каждаго порознь. Всѣ они извѣстны были въ этотъ періодъ подъ общимъ именемъ племенъ *хуй-хэ* 回紇, и поколѣній ихъ насчитывалось 15. Они разсѣялись по великой песчаной степи, и каждое поколѣніе порознь занимало слѣдующія ей части:

1. Самую западную часть средне-азиатскаго нагорья занимало племя *ци-би* 契苾 или *ци-би-юй* 契苾羽 (у В. В. Радлова = Кибій, стр. 90). Оно кочевало отъ Харашара на сѣверо-западъ, по рѣкѣ *Инъ-со-чуань*, отъ *до-лань-лэ* на югъ. На сѣверъ отъ Тянь-шаня помѣщаетъ это племя и Суйская исторія вмѣстѣ со многими другими племенами, о которыхъ Танская исторія не

упоминаетъ вовсе. Это племя стоитъ какъ-то особнякомъ отъ всѣхъ другихъ, занимавшихъ гораздо болѣе восточныя области, и опредѣлить точно его кочевья представляется весьма важнымъ. Какъ замѣтилъ еще о. Іакинъ¹⁾, прибавленное выраженіе «отъ *до-лань-гэ* на югъ» наводитъ сомнѣніе въ западномъ мѣстопребываніи *ци-би*; въ послѣднемъ случаѣ его придется помѣстить гдѣ-то въ нынѣшней юго-восточной Монголіи, что окажется въ полномъ противорѣчій съ мѣстопребываніемъ *ци-би* во времена Суйской династіи. Правда, если-бы можно было доказать, что *ци-би* жили на востокъ, то всѣ хуй-хэскія племена централизовались бы въ Танскія времена въ восточной части степи съ главнымъ средоточіемъ въ долинахъ верхней Селенги, Орхона и Толы, но тогда показанія Танской исторіи разошлись бы съ *Суй-шу*, по которой и весь Восточный Туркестанъ отведенъ въ удѣлъ тѣ-лэскимъ племенамъ; безъ опредѣленныхъ же данныхъ мы не имѣемъ права пзмѣнять показанія Суйской исторіи, которая совершенно точно помѣщаетъ *ци-би* обокъ съ *Бай-шань* 白山, отрогомъ Тянь-шаня. Такимъ образомъ племя *ци-би* въ Танскій періодъ является для насъ связующимъ звеномъ восточныхъ тѣ-лэскихъ или хуй-хэскихъ племенъ съ западными, которыхъ болѣе подробный перечень мы видѣли въ *Суй-шу*.

2. *Съ-янь-то* 薛延陀²⁾ (у В. В. Радлова = Союнъ или Сэ-лен-то) въ періодъ Суйской исторіи кочевало на западъ отъ Алтайскихъ горъ; здѣсь же мы видимъ его и при Танской династіи.

3. *Хунь* 渾 кочевало южнѣе всѣхъ поколѣній, по предположенію о. Іакина, по р. Онгійнъ-голу³⁾. Оно упоминается въ числѣ тѣ-лэскихъ племенъ..

Центральное положеніе среди всѣхъ племенъ занимали:

4. *Тунъ-ло* 同羅 отъ *съ-янь-то* на сѣверъ, отъ *до-лань-гэ* на востокъ, т. е. оно кочевало на междурѣчьи отъ Орхона до Толы, и

1) Стр. 436.

2) Іак, стр. 426—427.

3) Стр. 435.

5. *Юань-хэ* 袁紇, иначе называемое *у-ху* 烏護 и *у-хэ* 烏紇, известно подь первымъ племенемъ еще со зременъ Вэйской династии; въ периодъ Суйской династии оно называлось *Вэй-хэ* 韋紇 и жило на сѣверъ отъ Толы. Въ данный периодъ *Юань-хэ* жили на сѣверъ отъ *сѣ-янь-то* по р. Селенгѣ, представляя собою одно изъ спльныхъ племенъ.

На сѣверъ отъ *юань-хэ*, у береговъ Косогола, называемаго въ *Суй-шу* Сѣвернымъ моремъ 北海, а въ *Тань-шу* Малымъ моремъ 小海, жило поколѣние

6. *Ду-бо* 都波 (у В. В. Радлова = Туба). Еще сѣвернѣе, у сѣверныхъ береговъ Байкала жило поколѣние

7. *Гу-ли-гань* 骨利幹, самое сѣверное изъ хуй-хэскихъ поколѣній.

На восточномъ берегу Байкала, по р. Чикюю и къ Аргунн поселилось племя

8. *Ху-сѣ* 斛薛 и родичи его

9. *У-ло-хунь*.

Такъ размѣщаетъ о. Иакпюв. Однако, если подь *Хань-хай* разумѣть не Байкаль, а восточную *Гоби*, то всѣ эти племена отодвигаются значительно южнѣе, и ихъ поселенія приурочиваются также къ бассейнамъ Толы, Орхова и Селенги, немного сѣвернѣе поколѣній *Тунь-ло* и *Юань-хэ*.

На востокъ отъ *сѣ-янь-то* кочевали

10. *До-лань-вэ* 多覽葛 (у В. В. Радлова = Теленгутъ); на юго-востокъ отъ нихъ —

11. *Шу-лу* 僕骨 (у В. В. Радлова = Бугу); къ границамъ Маньчжурин доходили

12. *Ба-ю-лу* 拔野古; здѣсь же гдѣ-то кочевали

13. *А-дѣ* 阿跌, а нынѣшнюю Монголію занимали

14. *Бай-си* 白霫.

15. *Гэ-ло-лу* 葛羅祿 кочевало въ Тарбагатаѣ и по верховьямъ Иртыша,

16. *Ба-си-ми* 拔悉彌 на западъ отъ *гэ-ло-лу*¹⁾.

1) *Ду-ши-фань-юй-цзи-ло*. Цз. 45. *Шань-си*. 7 г. 6.

Еще во время Суйской династии, въ годы правления Да-н гао-гюйскія племена *юань-хэ*, *пу-гу*, *тунь-ло* и *ба-н-гу* составили между собою коалицію, отложились отъ Дулгаскаго дома, и родъ *Юань-хэ* принялъ названіе *Хуй-хэ* 回紇. Что это за слово, какъ нужно понимать его, откуда оно явилось и что значить? Въ обзорѣ литературы по вопросу объ уйгурахъ мы видѣли, что всѣ исследователи видятъ въ немъ китайскую искаженную транскрипцію тюркскаго слова уйгуръ, но видѣли также, что эта гипотеза встрѣчаетъ довольно основательныя возраженія. Здѣсь мы считаемъ необходимымъ изложить иное объясненіе названія «хуй-хэ». Оно не наше, а принадлежитъ проф. В. П. Васильеву и высказано имъ въ устной бесѣдѣ. Но такъ какъ оно не опубликовано имъ во всеобщее свѣдѣніе, то мы и беремъ на себя смѣлость вывести на свѣтъ Божій одну изъ тѣхъ догадокъ, которыми полна огромная эрудиція нашего синолога. «Хуй-хэ», говоритъ В. П., конечно, есть «уйгуръ», но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ обыкновенно. Это не звуковой, фонетическій переходъ турецкаго слова на китайскую почву, не транскрипція иностраннаго слова китайцами, а простой переводъ его на китайскій языкъ. Раннѣе Эддингъ производитъ слово «уйгуръ» отъ глагола «уймакъ» соединиться, и глаголъ *хуй-хэ* въ китайскомъ языкѣ также значить «соединиться». Конечно, іероглифы, нынѣ употребляемые для выраженія названія *хуй-хэ* 回紇, не значатъ ничего подобнаго; но я увѣренъ, что вначалѣ они писались 會合 *хуй-хэ*. Такимъ образомъ *хуй-хэ* и уйгуръ такъ же, какъ и монгольское слово ойратъ *ᠤᠢᠷᠠᠲ*, значатъ «союзникъ». Эта догадка переноситъ насъ на совершенно иную почву, сравнительно съ разобраннѣмъ ранѣе мнѣніемъ В. В. Радлова. Нѣтъ никакихъ данныхъ, дѣйствительно, для рѣчи о фонетическомъ переходѣ названія *uigug* въ *хуй-хэ*, потому что оное совершенно не соответствуетъ духу китайскаго языка; нѣтъ также никакихъ оснований для утвержденія, что существовала въ древнія времена форма *shui-gug*, и что она была известна китайцамъ. Но догадка В. П. Васильева, хотя мы и считаемъ ее также только гипоте-

зой, имѣетъ за собою извѣстную долю вѣролности. Уясненіе формальной, внѣшней стороны дѣла здѣсь не встрѣчается особаго затрудненія. Еще и нынѣ въ народномъ китайскомъ языкѣ существуетъ глаголѣ *хуй-хэ* 會合 соединиться, собираться (Палладій. Кит.-русс. словарь, т. II, стр. 155). Перемена перваго іероглифа 會 «сеймъ» на 同 «магометанитъ» могла произойти уже позднѣе, когда турецкія племена приняли мусульманство. Гораздо труднѣе выленить самую сущность дѣла въ ея исторической постановкѣ, но и здѣсь, вдумываясь въ предложенную В. П. Васильевымъ догадку, мы встрѣтимъ для нея нѣкоторую благоприятную почву. Намъ приходится разбираться въ китайскомъ текстѣ, какъ всегда, довольно неопредѣленномъ и представляющемъ возможность нѣсколькихъ толкованій, но крайней мѣрѣ съ перваго раза. Танская исторія пишетъ: 韋紇乃并僕骨。同羅。拔野古。叛去。自爲侯斤。稱同紇。

По переводу Visdelou: «Les Ouï-he se liguèrent avec les Pou-kou, les Thoum et les Pa-ye-kou et se revoltèrent de concert; et s'étant créé un prince, sous le titre de Ki-kin, ils prirent le nom de Ouï-he ou Ouï-ho» (р. 129). Здѣсь нельзя точно понять, кто именно назвался *хуй-хэ*? Одно ли племя *юань-хэ* или это племя въ союзѣ съ другими? Или иначе, называлось ли только *юань-хэ* новымъ племенемъ, или подъ *хуй-хэ* разумѣлся союзъ племенъ, коалиція противъ общаго врага, ту-кюэцевъ? Если принять послѣднее, то текстъ *Тань-шу* даетъ подтвержденіе мнѣнію В. П. Васильева. Однако какъ понимать это мѣсто не позволяетъ дальнѣйшій текстъ. Имени *юань-хэ*, какъ племени, позднѣе уже нигдѣ не встрѣчается, и вмѣсто него всюду ставится *хуй-хэ*, тогда какъ всѣ остальные племена *пу-ту*, *тунь-ло* и *ба-нь-ту* сохраняютъ свои названія по прежнему. Въ виду этого необходимо принять переводъ Іакшица: «*Юань-хэ*, соединившись съ *пу-ту*, *тунь-ло* и *ба-нь-ту*, отложился, объявляя себя сыномъ и называя себя *хуй-хэ*» (стр. 373). Но въ организаціи того же самаго государства мы встрѣчаемъ еще другой фактъ союза. Что такое девять домовъ или фамилій 姓 юань-хэскихъ,

которые стояли во главѣ Хуй-хэскаго дома и старшимъ изъ которыхъ былъ *Ю-ю-юэ*? Что они составляли ядро государства, это бесспорно. Позднѣе мы увидимъ, что узурпаторамъ, желавшимъ свергнуть хановъ изъ дома *Ю-ю-юэ*, именно приходилось имѣть дѣло съ девятью *ху*, родами, управлявшими всѣми дѣлами въ ордѣ. Не относится ли къ этому обстоятельству названіе *хуй-хэ* «союзъ, коалиція»?

Какъ бы то ни было, но при догадкѣ В. П. Васильева становится понятною и произошедшая позднѣе знаменитая просьба кочевниковъ о перемѣнѣ названія *хуй-хэ* на *хуй-ху*, т. е. іероглифа *хэ* 合 на *ху* 骨鳥. Принять объясненіе этого факта, приведенное въ китайской лѣтописи¹⁾, довольно трудно. Не безразлично ли для кочевника, какими знаками напишеть китайскій историкъ его имя? Но если даже и не безразлично, то подобное требованіе могло бы быть еще понятно, если бы въ іероглифѣ *хэ* 合 или 紕 заключалось что-либо обидное или оскорбительное, какъ напр. въ словѣ *цюань-жуны* 犬戎 — *собаки-жуны*, но ничего подобнаго въ данномъ случаѣ не имѣется. Намъ представляется возможною слѣдующая догадка. Китайцы, войдя въ близкія сношенія съ союзомъ турецкихъ племенъ при Танской династіи, усвоили имъ названіе *хуй-хэ* 會合 «союзники». Но турки не могли понять этого названія. Именуя сами себя «уйгуръ», они слышали только полное несоотвѣтствіе конечнаго звука съ ихъ племенемъ. Съ первымъ звукомъ *хуй*, вмѣсто *уй*, еще можно было мириться, принимая во вниманіе тѣ искаженія, которыя вносятъ китайцы въ собственныя имена иностранцевъ, но второй требовалъ радикальнаго измѣненія. Объ этомъ-то, вѣроятно, и просилъ *хуй-хэскій* ханъ при Танскомъ дворѣ. Выборъ іероглифа *ху* 骨鳥 «кречетъ» могъ быть произведенъ по совѣту китайцевъ, которые въ большинствѣ случаевъ въ собственныхъ именахъ употребляютъ іероглифы, или рѣдко встрѣчающіеся или имѣющіе лестный для называемаго смыслъ. Если бы турки понимали смыслъ словъ *хуй-*

1) *Гу-цзюнь-шу-шу* Пв. г. 14.

會合, знали бы, что это не больше, какъ переводъ слова «уйгуръ», то и они могли бы удовольствоваться этимъ названіемъ, но имъ хотѣлось, видимо, болѣе точной транскрипціи слова «уйгуръ», чему не удовлетворяли звуки «хуй-хэ».

Подъ предводительствомъ даровитаго хана Пу-са соединившіяся подъ именемъ *хуй-хэ* племена продолжали борьбу съ ту-кюэсами, но звѣзда ихъ дома еще не горѣла въ это время ярко¹⁾. Главенство надъ всѣми племенами находилось въ рукахъ племени *сь-янь-то*. Его правитель *И-нань* 夷男, вначалѣ покорный Дулгаскому *Сь-ли* хану 頡利, потомъ отложился отъ него, вступилъ въ тѣсныя сношенія съ единоплеменниками и приобрѣлъ съ ихъ помощью самостоятельность и главенство надъ окружающею странюю. Въ то же самое время *И-нань* завязалъ самостоятельныя сношенія съ Танскимъ дворомъ. Его младшій братъ *Тунъ-тэ-лэ* 統特勒²⁾ отправился для представленія ко двору. Императоръ принялъ его очень ласково, но далъ понять, что послабленій новымъ вассаламъ онъ дѣлать не будетъ. Онъ наградилъ посла оружіемъ и драгоценностями и въ числѣ подарковъ пожаловалъ ему плеть, сказавши: «Если мой подданный совершаетъ большія преступленія, то я наказываю его плетью»³⁾. Однако и такое начало сношеній для усплывающаго кочевника было хорошимъ. *И-нань* занялъ, по уничтоженіи *Сь-ли* хана, земли по р. Толѣ и распространилъ свою власть отъ Маньчжуріи до Алтая и отъ Ордоса до Байкала. У него было въ это время до 200.000 войска, и управление столь большою территоріею представлялось уже затруднительнымъ. Онъ раздѣлилъ свой аймакъ на два: южный и сѣверный и поручилъ правленіе двумъ

1) Иак. 374.

2) Почему *Тэ-лэ* 特勒? Нѣтъ ли здѣсь такой же ошибки, какъ въ знаменитомъ нынѣ ту-кюэскомъ памятникѣ *Кюй-тэиля* 闕特勒, найденномъ въ Хара Балгасунѣ? Это имя раньше читали *Кюй-талэ*, но теперь, по показанію и объясненію *Мэж-ю-ю-му-цзи*, цз. 7, л. 2, читаютъ *тэ-инь*, исправляя іероглифъ 勒 лэ на 勒 *инь*, инь. *Тэ-гинь* или *сы-гинь* означаетъ титулъ князя, правителя. Виделу читаетъ *Toum-the-le*, op. cit., p. 159.

3) *Лу-цзи-ю-му-му*. Пб. л. 1.

сыновьямъ: Да-ду-шэ 大度設 и Ту-ли-ши 突利失. Императоръ утвердилъ ихъ въ званіи младшихъ хановъ¹⁾).

Указанная мѣра не имѣла, конечно, важныхъ послѣдствій для укрѣпленія мирныхъ отношеній Танскаго двора съ *сь-янь-то*. Въ 15-й годъ *Чжэнь-гуань съ-янь-то* вновь начали разбойничать на границахъ Китая и на этотъ разъ вызвали противъ себя особенныя мѣры и дѣлю экспедицію Танскихъ войскъ въ свои земли. Дѣло началось здѣсь изъ-за покровительства Танскаго двора своему любимцу Дулгаскому хану *Ли-си-мо* въ ущербъ власти *сь-янь-то* надъ территоріею степи²⁾). *И-нань* съ недовольствомъ смотрѣлъ на поселеніе *Си-мо* въ Ордоу и за *Хуанъ-хэ* и началъ обнаруживать свое нерасположеніе прежде всего разграбленіемъ Танскихъ границъ, а потомъ и замыслами противъ новопоселенныхъ ту-кюэцевъ³⁾). При первыхъ вѣстяхъ о нападеніи *сь-янь-то* въ 11-й лунѣ 641-го года военный министръ (*бинъ-бу-шанъ-шу*) *Ли-ши-цзи* 李世勣 былъ сдѣланъ *Шо-чжоускимъ* 朔州 *Дао-синъ-цзюнь-цзунъ-гуанемъ*; ю-вэй-да-цзянъ-цзюнь *Ли-да-лянь* 李大亮 назначенъ *Линъ-чжоускимъ* 靈州 *дао-синъ-цзюнь-цзунъ-гуанемъ*, и на тотъ же послѣдній постъ назначенъ вторымъ замѣстителемъ *Линъ-чжоускій* 京州 *ду-ду* *Ли-си-юй* 李襲譽. Всемъ имъ былъ вмѣнено въ обязанность вести борьбу съ нападавшими *сь-янь-то*. При извѣстіи о приготовленіяхъ *И-наня* къ походу и о движеніи *Да-ду-шэ* на дулгасцевъ, *Си-мо* испугался и убѣжалъ въ *Шо-чжоу* подъ защиту китайскихъ войскъ. Такимъ образомъ *сь-янь-то* вызвали панику по всей сѣверной границѣ. Тогда указано было *Линъ-чжоускому* главноуправляющему *Чжанъ-цзян* 張儉⁴⁾, командиру

1) 428. *Гу-цзинъ-ту-шу* Ів. з. 2. По *Ганъ-му* это произошло въ 638 г., а по *Гу-цзинъ-ту-шу* въ 633 г. Въ *Синъ-танъ-шу* значится 7-й годъ *Чжэнь-гуань* (т. е. 633), а у Іакимоа, по *Цзю-танъ-шу*, года нѣтъ.

2) См. подробности у Іак., стр. 313—315.

3) Іак. 428; *Гу-цзинъ* Ів. з. 2.

4) О. Іакимоа ошибочно пишетъ *Чжанъ-лян*, вѣроятно, смѣшавъ іероглифъ 儉 съ другими одинаковыми по фонетической группѣ, но имѣющими ключа различныя.

войскъ, состоявшихъ изъ *си-си* 奚霫¹⁾ и киданей, передвинуть свои отряды къ востоку. Вместе съ тѣмъ всѣ пограничные правители приготовились къ военнымъ дѣйствіямъ и привели въ порядокъ пмѣвшійся въ етъ распоряженіи силы. У *Ли-ши-цзи* было тогда 60.000 войска при 3.000 конницы; онъ обосновагь лагерь въ *Шо-чжоу*. *Ли-да-лянз* съ 40.000 войска при 5.000 конницы сосредоточился въ *Линз-чжоу*. У *У-чжоускаго* 武州 и *Цинз-чжоускаго* 慶州 *дао-синз-цзюнь-цзунз-гуаня* *Чжинз-ши-гуй* 張士貴 всего было 17.000 войска, съ которыми онъ вышелъ въ *Юнь-чжунз* 雲中. *Ли-си-юй* былъ назначенъ полномочнымъ пограничнымъ комиссаромъ. Всѣмъ этимъ военачальникамъ были присланы слѣдующій указъ отъ императора: «*Съ-янь-то* перешли черезъ степь, и лошади у нихъ устали. Начальствующіе наши пусть поэтому смотрятъ внимательно, будетъ ли польза отъ наступленія или нѣтъ? Если будетъ польза, то пусть они двинутся впередъ противъ *съ-янь-то*, а если нѣтъ, такъ лучше отступить назадъ. Кроме того, при настоящемъ положеніи дѣлъ не нужно торопиться захватывать массы плѣнныхъ и нападать на ту-кюэцевъ *Си-мо*. Разъ вышли войска въ степь, то не слѣдуетъ уже спѣшить назадъ, а нававши непременно стараться довести враговъ до полнаго пораженія. Главнначальствующіе не должны принимать лично участія въ битвахъ; имъ предоставляется право отступать съ отрядами и нападать снова».

Въ это время *съ-янь-то* прислали къ Танскому двору посла съ просьбою успокоить ту-кюэцевъ. Очевидно, это была хитрость. У *Си-мо* совершенно не было силы ни нападать ни противиться *съ-янь-то*скимъ ордамъ: онъ давно уже держался на югѣ степи только поддержкою танскихъ войскъ и всецѣло поэтому отдавалъ себя и свой народъ въ распоряженіе Китая. И Танскій дворъ оказалъ на этотъ разъ полную поддержку своему союзнику. Въ отвѣтъ на жалобу *И-наня* императоръ ограничился слѣдующимъ

1) *Си-си* 奚霫 сѣверо-восточные варвары, обитавшіе въ верховьяхъ *Я-лу-цзяна* во времена Танской династии.

указомъ: «Мой союзъ на сѣверѣ степи сѣ-янь-тосцами разорванъ, а на югѣ ту-кюэсцами ревностно охраняется. Первые грабятъ постоянно наши земли, и за это ихъ нужно наказывать, а не прощать. Сѣ-янь-то съ давнихъ поръ имѣли дѣла со мною, и всегда я видѣлъ отъ нихъ одно противорѣчіе. Получая указы — они не исполняютъ ихъ, а возмущенія у нихъ безпрестанныя. Съ ту-кюэсцами же у меня миръ, и поэтому я останусь навсегда съ ними въ союзѣ. Почему только они не извѣстили меня о происшедшемъ?»¹⁾ Послѣ такихъ переговоровъ сѣ-янь-тоскимъ ордамъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ расчптывать на свои силы. *Да-ду-шэ* двинулся къ югу и расположился у Великой стѣны, вызвавъ тѣмъ со стороны *Си-мо* отступленіе на югъ, ближе къ китайскимъ войскамъ. Сюда уже *Да-ду-шэ* не смѣлъ явиться и удовольствовался только тѣмъ, что послалъ людей въ догонку съ бранью отступающимъ. Неизвѣстно, до какой степени простиралась бы дерзость сѣ-янь-то въ ихъ нападеніи на Китай. Ихъ остановилъ *Ли-ши-ци*, который въ 12-й лунѣ догналъ ихъ у рѣки *Но-чжэнь-шуй* 諾直水 и нанесъ *Да-ду-шэ* рѣшительное поражение²⁾. Спасаясь бѣгствомъ и застигнутые снѣжными бурями, сѣ-янь-тосцы прибѣгали даже къ жертвоприношеніямъ для избавленія себя отъ бѣдствій на пути, но *Ли-ши-ци* не переставалъ преслѣдовать ихъ. Однако китайское войско въ погонѣ ослабѣло не меньше сѣ-янь-тоскаго, и *Ли-ши-ци* долженъ былъ уйти въ *Динъ-сянъ* 定襄.

Тогда, видя общее ослабленіе силъ, Танскій домъ рѣшилъ замѣнить военныя дѣйствія мирными переговорами.

Императоръ отправилъ посла вручить главноуправляющему императорскую печать и разспрашивать о томъ, кого изъ подчиненныхъ нужно награждать за труды и какъ выразить соболѣзнованіе пострадавшимъ во время кампаніи. Сѣ-янь-тоскаго посла заставили обождать аудіенціи, и, отпуская его, императоръ сказалъ слѣдующее: «Возвратись и скажи своему хану, что вы сами

1) *Гу-цзинь-ту-шу* Тб. л. 2.

2) Подробности у *Тан.*, стр. 428—429.

возбудили беспорядки на своихъ границахъ, обезсиливъ ту-кю-сцевъ, отяготивъ ихъ до смерти поборами и забравъ ихъ старѣйшинъ (*шоу-линовъ* 首領) въ качествѣ заложниковъ. Сдѣлавшись повелителемъ вселенной, не долженъ ли я теперь постараться обнаружить у васъ мятежниковъ? И потому, если приносится кому-либо вредъ, то для правильного возмездія и водворенія порядка дѣло нужно изслѣдовать внимательно и тщательно, а не поспѣшно¹⁾.

Такой примирительный тонъ рѣчи возымѣлъ надлежащее дѣйствіе. Сѣ-янь-то сразу поняли, что направленіе при дворѣ измѣнилось въ ихъ пользу. *И-нань* отправилъ посланника съ извиненіемъ, а потомъ командировалъ своего дядю *Ша-бо-ло* 沙鉢羅 представить 3000 лошадей и при семъ случаѣ просить о бракѣ. Но императоръ въ бракѣ отказалъ. Однако, увѣренный въ прочности своего положенія и отношеній къ Танскому дому, *И-нань* понималъ, что отказъ въ невѣстѣ обусловливается со стороны китайцевъ только малочисленностью присланной сѣ-янь-тосцами данн, и на слѣдующій годъ, т. е. въ 642 г., повторилъ свою попытку²⁾. Это вызвало цѣлое совѣщаніе при китайскомъ дворѣ. Императоръ сказалъ, обращаясь къ вельможамъ, слѣдующее: «Сѣ-янь-то грабятъ наши границы. Я, обсуждая положеніе дѣлъ, имѣю предложить два плана: или нужно выбрать чиновниковъ, собрать тысячу сто войска, напасть на враговъ и оставить ихъ на сто лѣтъ безъ потомства (т. е. избить всѣхъ малолѣтнихъ); или же, разрѣшивъ заключеніе браковъ, примѣнять къ кочевникамъ ласковыя мѣры, приказавъ имъ не производить беспорядковъ въ теченіе 30 лѣтъ. Кто изъ васъ находитъ что полезнымъ?» Тогда *Фанъ-юань-минъ* 房元齡 отвѣтилъ: «Въ настоящее время большое возмущеніе и волненіе для насъ крайне вредно, и, начавъ войну, мы никогда ея не окончимъ. Хотя бы мы даже и побѣдили кочевниковъ, но обратный путь изъ тѣхъ странъ для арміи крайне опасенъ, а потому первый планъ никакъ образомъ не сравнится въ до-

1) *Лу-чэнь-ту-шу* П. 1. 3.

2) *Тан. 429.*

стоинствѣ съ планомъ о мирѣ и родствѣ». Императоръ одобрилъ эти рѣчи и согласился выдать замужъ царевну *Синь-синъ* 新興 за *И-наня* 1). Однако этому браку не суждено было осуществиться. Партія войны въ дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ одержала верхъ, и изъ-за отказа въ бракѣ на границѣ возникли неурядицы, которыя продолжались почти все время правленія *И-наня* до его смерти и при его преемникѣ *Ба-чжо* 拔灼 или *До-ми-хань* 多彌可汗 2).

Во времени послѣдняго приурочивается начало упадка власти сѣ-янь-то и возвышенія на его мѣсто племени *юань-хэ* 袁紇, которое усвоило себѣ имя *хуй-хэ* 回紇 и издавна занимало первенствующее мѣсто среди племенъ гао-гюйскихъ или тѣ-лэ-скихъ. Сѣ-янь-то уже не въ состояніи были противиться надевіямъ *хуй-хэ*. Къ этимъ мѣстнымъ врагамъ-землякамъ прикнули китайцы, и скоро изъ прежняго повелителя кочевниковъ *сѣ-янь-то* стало обычнымъ незначительнымъ племенемъ, самое имя котораго исчезаетъ изъ летописей Китая 3).

Еще раньше паденія владычества сѣ-янь-то среди самихъ кочевниковъ распространилось убѣжденіе въ неизбѣжности этого факта. Было что-то въ родѣ предсказанія на этотъ счетъ, какъ о томъ рассказываетъ китайская исторія. Еще раньше, чѣмъ Танскій дворъ рѣшилъ нанести послѣдній, рѣшительный ударъ

1) *Гу-цзинь-ту-шу* IV. г. 3.

2) См. Iак. 429—431. Въ *Синь-танъ-шу* мы находимъ перечень войскъ, выдвинутыхъ для борьбы съ Сѣ-янь-то: «Императоръ указалъ явиться на границу начальнику областей *Цзянь* 江 и *Ся* 夏 изъ военныхъ поселеній *Дю-цзун* 道宗, главноуправляющему областями въ *Шо-чжоу* 朔州 и *Дай-чжоу* 伐州 *Ся-чунь-чо* 薛萬徹 вмѣстѣ съ *цзо-жао-вэй-да-цзян-цзюнемъ* Ашина; начальнику военныхъ поселеній изъ округа *Шань-чжоу* 勝州 *цзо-у-вэй-да-цзян-цзюню* *Са-лу* 薩孤 и начальнику военныхъ поселеній *У-жень-тунь* 吳仁屯 округа *Линь-чжоу* 靈州 *Чжи-ши-сы-ли* 執失思力; съ ними должны были соединиться ту-кюэскія войска». У о. Iакимова вмѣсто этого подробнаго указанія, стоитъ общая фраза: «Императоръ указалъ стянуть пограничныя войска».

3) Подробности у Iак. 431—433.

сѣ-янь-то, нѣкто *Гай-ши* 丐食 вмѣстѣ съ своимъ родомъ подошелъ однажды во время кочевья къ какой-то торговой палаткѣ. Жена *Гай-ши* увидѣла въ серединѣ палатки купца и хозяина съ волчьей головой, который не смотрѣлъ на купца. Жена *Гай-ши* сказала объ этомъ родовичамъ, и всѣ они преслѣдовали неизвѣстныхъ до хребта *Юй-ду-цзюнь*, гдѣ увидѣли двухъ человекъ и сказали: «Это наши духи»⁸⁾).

Послѣ цѣлаго ряда ударовъ разбитые и уничтоженные сѣ-янь-то остановились и доживали свой вѣкъ именно у подножья

8) *Гу-цзюнь-ту-шу* Пв. т. 4. *Синь-тань-шу*, *Съ-янь-то-чжуань*. О названномъ хребтѣ въ сочиненіи *Ду-ши-фэнъ-юй-цзи-ло*. Цз. 45. *Шань-си* 7; листъ 8, находится слѣдующія свѣдѣнія: *Юй-ду-цзюнь-шань* 鬱督軍山 находится на сѣверѣ степи, иначе называется *У-дэ-цзянь-шань* 烏德捷山. Вначалѣ они служили мѣстомъ кочевья для *хуй-хэ*; ихъ также называли *都尉捷山* *Ду-вэй-цзянь-шань*, измѣняя интонацію въ произношеніи. Эта земля отстоитъ отъ *Чань-ани* въ 3000 ли съ лишнимъ. На востокъ до *Мо-хэ*, на западъ до западныхъ *Ту-кюэ*, на югъ по великой степи, на сѣверъ до *Цзюй-лунь-шуй* 俱倫水 вся она подвластна Китаю. Танскій календарь говоритъ: горы эти лежатъ на западъ отъ главной ставки *Хуй-хэ*, на сѣверо-востокъ отъ *Гань-чжоу* 甘州. *Ту-цзюэ*, тотчасъ по прекращеніи владычества Сѣ-янь-то, построили свою ставку на сѣверѣ отъ *Ду-вэй-цзянь-шань*, на югъ отъ рѣки *Ду-ло-шуй* 獨邏水. По восточной и западной сторонамъ горъ текутъ рѣки *Вэй-цунь-хэ* 溫昆河 и *Ду-ло-хэ*, извиваясь по направленію къ сѣверопостоку. *Вэй-цунь* съ южной стороны, а *Ду-ло-хэ* съ сѣверной омывають *хуй-хэ*скую главную ставку и, пройдя на СВ. 500 ли, сливаются вмѣстѣ. Въ 22 г. *Чжэнь-гуань* (648 г.) *Ли-ши-цзи* 李世勣, наказывая Сѣ-янь-то, дошелъ до *Юй-ду-цзюнь-шань* и вслѣдъ за симъ уничтожилъ Сѣ-янь-то. Въ 1-й годъ правленія *Юнь-хуй* (650) *Гао-кань* 高侃 взялъ въ плѣнъ ту-кюэскаго *Чэ-би* у *Цзюнь-шаня*. По высочайшему указу при *Юй-ду-цзюнь-шань* было основано управленіе департамента *Лань-шань-ду-ду-фу* 狼山都督府. Въ 3-й годъ правленія *Тань-бию* (742) *хуй-хэ*, утвердившись въ древнихъ ту-кюэскихъ земляхъ, основали главную квартиру при *У-дэ-цзянь-шань*, т. е. при *Ду-вэй-цзянь-шань*; на югъ она отстоитъ отъ границъ Ханьскаго *Гао-цзюэ* 高闕 въ 1700 ли. Въ 3-й годъ *Юань-хэ* 元和 (803 г.) Шаньюсскій *Ужу-я-цзинь-чжунь*, предводительствуя аймаками изъ *Гань-чжоу*, возвратился къ Танскому двору, слѣдуя по *У-дэ-цзянь-шань* къ востоку. *Синь-хань-шу* говоритъ, что на востокъ отъ *хуй-хэ*ской главной ставки есть степь, на западъ она опирается на *У-дэ-цзянь-шань*, на югъ примыкаетъ къ рѣкѣ *Вэй-би-шуй* 溫毘水, а рѣка эта есть *Вэй-цунь-шуй* 溫昆水.

названныхъ горь¹⁾. Однако и въ это время еще находились люди среди китайскихъ же вельможъ, которые считали нужнымъ поставить на видъ правительству его непослѣдовательность въ отношеніяхъ къ *сѣ-янь-то*. Такъ сдѣлалъ вельможа *Чжу-суй-лянъ* 褚遂良. Изъ его біографіи видно, что сѣ-янь-то еще не сразу отказался отъ своихъ притязаній на нѣкоторое значеніе среди своихъ соотечественниковъ и не хотѣлъ окончательно прерывать своихъ сношеній съ Китаемъ. Въ 16-мъ году правленія *Чжэнь-гуань* (642) *Чжу-суй-лянъ* представлялъ лившихся отъ сѣ-янь-то пословъ наследнику престола. Сѣ-янь-то просиливъ это время о бракѣ. Императоръ самъ взялъ присланные ему подарки, но потомъ отказалъ въ просьбѣ. Тогда *Чжу-суй-лянъ* произнесъ цѣлую рѣчь въ обличеніе такой неагактичности. «Вѣрность», сказалъ онъ, «составляетъ корень всѣхъ міровыхъ отношеній и опору всѣхъ народовъ. *Вэнь-ванъ* 文王 вѣрилъ *Кунь-гу* 枯骨, а *Чжунъ-ни* 中尼 (Конфуцій) ушелъ, когда почувствовалъ недостатокъ въ вѣрности. Сѣ-янь-то въ древности держалъ въ своихъ рукахъ гегемонію надъ племенами (былъ *сы-инемъ*), тогда императорская армія ходила войною, распространяла спокойствіе на границѣ стени; внушая страхъ непокорнымъ, присоединяла къ себѣ все пзвнѣ п, оказывая милости, прикрѣпляла все внутри. Тогда, обсуждая причины постоянныхъ разбоевъ, нашли невозможнымъ, чтобы сѣ-янь-то жили безъ хановъ, и потому начали ставить имъ правителей надъ ордами съ утвержденіемъ императорской печатью и раздачею знаковъ достоинства: знамени и барабана. Милости отъ императора сыпался на нихъ тогда безграничныя. Они нѣсколько разъ просили при дворѣ о бракѣ, императоръ тотчасъ разрѣшалъ имъ, и управляющій дворомъ тотчасъ предлагалъ устроить у сѣверныхъ дворцовыхъ воротъ пиръ. Нынѣ дворъ самъ производитъ уклоненіе отъ намѣченнаго ранѣе пути. Мало, видно, въ дѣлахъ сожалѣнія къ другимъ и много ошибочнаго. А если такъ, то при недостаткѣ вѣрности въ земляхъ

1) Гак. 432.

иноподцевъ неизбежно возбуждятся подозрѣніе, ненависть и вражда, и невозможно уже будетъ управлять и пользоваться ихъ ордами для военныхъ дѣйствій. Кроме того, каменистыя горы и степи въ сѣверныхъ странахъ служатъ прекраснымъ убѣжищемъ, и Среднее государство, сколько ни двигаетъ туда свои арміи, никакъ не можетъ побѣдить ихъ обитателей, жу-жаней ли то, ту-кюэцевъ или сѣ-янь-тосцевъ. Въ древнихъ книгахъ по аналогичнымъ случаямъ говорится, что должна быть «пустота извѣи и истина внутри», т. е. должна быть вѣрность въ отношеніяхъ съ иноподцами, какъ и въ отношеніи къ Царству цвѣтовъ (Китаю). Но императоръ не заблагоразсудилъ обсудить этого».

Однако такое представленіе не имѣло никакого вліянія на дѣло. Добросовѣстностью полвтыки китайцы никогда не отличались, предпочитая въ древности, какъ и нынѣ, корысть честности. Поэтому ослабѣвшимъ и не внушавшимъ страха сѣ-янь-то нельзя было рассчитывать найти поддержку при дворѣ императора противъ обрушившихся на нихъ нападений соплеменниковъ¹⁾.

Заключительная сцена изъ исторіи сѣ-янь-то имѣла мѣсто при Танскомъ дворѣ въ тронной рѣчи императора къ явившемуся къ нему съ выраженіемъ подданства кочевникамъ.

«Вы пришли ко мнѣ», сказалъ онъ имъ, «какъ мыши, получить норы и, какъ рыбы, пришли приобрѣсти источники, и я далъ вамъ ихъ — глубокія и широкія. У иноподцевъ имперіи я никогда не видѣлъ мира; успокоивая ихъ, я не радовался о себѣ, а радовался объ нихъ, только руководясь поговоркой: *цзи-вэй-шоу цанъ-инъ кэ ши жи цянъ-ли*, 驢尾受蒼蠅可使日千里, т. е. и муха, приставъ къ хвосту рысака, проскачетъ въ день тысячу ли. Не могу я умолчать теперь о благодѣлїяхъ къ вамъ нашего родоначальника Гао-цзу: онъ награждалъ народъ трехдневнымъ промѣмъ, а когда потомъ аймаки произвели возмущеніе, то полководецъ Чжи-ши-си-ли 執失思力 наказавъ усмирить ихъ. Нынѣ къ годамъ правленія Юнь-хуй сѣ-янь-тоскій

1) Гу-цзинъ-ту-шу. Пв. г. Ср. Сивъ-танъ-шу, Чжу-суй-лянъ-чжуанъ.

аймакъ погибъ и разсѣлся, и всѣ возвратились бы къ своимъ прежнимъ повелителямъ. Я же основагь округъ **嶧 彈 州** *Ситань-чжоу* и привелъ ихъ къ полному миру»¹⁾). Такимъ образомъ существованіе сѣ-янь-тоскаго аймака, какъ главы и распорядителя судьбамъ родственныхъ ему поколѣній, было признано официально, самымъ китайскимъ императоромъ, покойнымъ. 11 тѣ-лэскихъ поколѣній, чувствуя себя безъ пристанища, явились къ Тапскому двору и просили установить у нихъ китайское раздѣленіе земель и администрацію наградить китайскими чиномъ, что и было сдѣлано въ 630 году. Тогда всѣ аймаки получили названія департаментовъ **府** и округовъ **州**. Были назначены *ду-ду*, *чи-ши* **刺史**, *чжанг-ши* **長史**, *си-ма* **司馬** и другіе чиновники, распределенные по 6 департаментамъ и 7 округамъ.

Аймакъ *Хуй-хэ* превращенъ въ *Хань-хай* **瀚海**²⁾.

До-лань-тэ — въ *Янь-жань* **燕然**³⁾.

Пу-гу — въ *Цзинь-вэй* **金微**.

Ба-нь-гу — въ *Ю-минь* **幽陵**.

Тунг-ло — въ *Гуй-минь* **龜林**.

Сы-изъ **思結** — въ *Лу-шань* **廬山**.

1) *Гу-цзинь-ту-шу* IV. г. 4. *Синь-тань-шу*. *Съ-янь-то-чжуань*.

2) О. Іакинъ переводитъ «Байкальское губернаторство».

3) *Ду-ши-фанг-кэй-цзи-ло*, цз. 45., г. 10, сообщаетъ, что названіе *Янь-жань-фу* заимствовано отъ горы того же имени. О горѣ же *Янь-жань-шань* помещены слѣдующія данныя. Она лежитъ внѣ степи. Ханьскій *У-ди* въ 94 г. до Р. Х. послалъ *Ли-гуань-ли* **李廣利** въ глубь степи сражаться съ *Сюнъ-ну*. Полководецъ дошелъ до *Чжи-цзюй-шуй* **至居水** и возвратился назадъ; дойдя до *Янь-жань-шань*, онъ дѣлъ сраженіе и покорилъ *Сюнъ-ну*. При династии *Хоу-хань* въ началѣ правленія императора *Хо-ди* *Ду-сянь* **竇憲** вышелъ въ сѣверныя страны за границы *Цзи-лу* **雞鹿** до *Чжо-сѣ-шань* **涿邪山** и потерпѣлъ полное пораженіе отъ сѣвернаго *Шанг-юя* при горѣ *Цзи-ло-шань* **稽落山**; вслѣдъ за симъ онъ отступилъ къ сѣверному инородческому морю **北靺海**, отойдя отъ границъ на 3000 ли; онъ принесъ жертву на горѣ *Янь-жань-шань*, вырѣзалъ на памятникѣ надписи о своихъ подвигахъ и возвратился. *Сюнъ-ну-чжуань* пишетъ, что *Янь-жань-шань* находится въ Сюнь-нуской землѣ за мѣстностью *Съ-у-ди* **邪鳥地**. По *Бэй-ши*, *Янь-жань-шань* лежитъ на сѣверъ отъ р. *Ту-юань-шуй* **苑園水**. Срав. *Гу-цзинь-ту-шу*, *Бянь-и-дзянь*, цз. 110, *Бэй-фанг-чжу-ю-цзунь-бу-хуй-као-эр*. г. 1.

Все это были губернаторства (*ду-ду-фу*). Засимъ переименованы аймаки:

Хунь въ округъ *Гао-лань-чжоу* 皋蘭州.

Ху-сь въ *Гао-цзюэ-чжоу* 高關州.

А-дъ 阿跌 въ *Цзи-тянь-чжоу* 雞田州.

Ци-би-юй въ *Юй-ци-чжоу* 榆溪州.

Си-цзъ 奚結 въ *Цзи-лу-чжоу* 雞鹿州.

Си-цзъ 思結¹⁾ въ *Гуй-минь-чжоу* 歸林州.

Бай-си въ *Дянь-янь-чжоу* 闐顏州.

Цзъ-гу 結骨 въ *Цзянь-чунь-фу* 堅昆府.

Гу-ли-тань въ *Юань-цзюэ-чжоу* 元關州²⁾.

Цзюй-ло-бо 俱羅勃 въ *Чжу-лунь-чжоу* 燭龍州³⁾.

Въ это время Танское правительство особенно интересовалось вопросомъ о подчиненіи хуй-хэскихъ племенъ своему вліянію. Высшіе чины совѣщались въ ямыняхъ о мѣрахъ къ заселенію и занашкѣ непронзводительно пропадавшихъ земель на сѣверѣ. Хотѣли просвѣщать и породцевъ ученіемъ и помогать ихъ нравственному самоусовершенствованію. Средства у китайскихъ сановниковъ оставались прежнія: награды титулами и званіями, и они были увѣрены, что народъ, обладая послѣдними, можетъ и будетъ полагаться на Танское правительство, какъ на отца и мать. Въ силу этой увѣренности министры просили у импе-

1) Какимъ образомъ одинъ аймакъ былъ преобразованъ и въ губернаторство и въ округъ?

2) У Іакинѳа, стр. 376 и 440, написано почему-то *Сюань-кюэ*.

3) О. Іакинѳъ, приведя это раздѣленіе, счѣтается надъ Дегинемъ, отождествившимъ поселенія хуй-хэскихъ племенъ съ государствами *Чэ-ши* и *Гао-чань*. Но если нельзя признать вполне вѣрнымъ этотъ взглядъ западныхъ ученыхъ, то все же и для о. Іакинѳа и для насъ остается загадкою, входила ли земля по *Тянь-шань-бэй-лу*, гдѣ именно и лежали *Чэ-ши* и *Гао-чань*, въ область учрежденныхъ округовъ? Вопросъ здѣсь касается опять таки мѣстоположенія племени *Ци-би* или *Ки-би-юй*, т. е. округа *Юй-си-чжоу*. Жило ли оно на югъ отъ *До-лань-го* въ восточной части степи, или занимало совершенно противоположную ей область на западѣ у *Тянь-шаня*? Въ послѣднемъ случаѣ Дегинь будетъ правъ, вводя *Гао-чань* въ область поселенія хуй-хэскихъ племенъ, хотя его отождествленіе *уй-уйгуровъ* и *токиузъ-уйгуровъ* съ государствами *Чэ-ши* и не имѣетъ за собою основаній.

ратора для странъ Хуй-хэ и Ту-цзюэ титуловъ: *Цань-тянь-чжи-цзунь* 參天至尊, т. е. странъ «благословенныхъ, какъ небо», присоединяя при этомъ желаніе, чтобы новооснованные округа управлялись китайскими чиновниками¹⁾. О томъ, насколько сильно было вмѣшательство китайской администраціи въ инородческія дѣла на самыхъ мѣстахъ кочевьевъ, лѣтописи не даютъ намъ возможности судить, но безспорно то, что въ это время еще не укрѣпившіяся хуй-хэскія племена, или, вѣрнѣе, ихъ правители, находились въ большой зависимости отъ Танскаго двора. При происшедшемъ у нихъ столкновеніи съ ту-кюэскимъ *Чэ-би* ханомъ нѣсколько человекъ пострадало отъ китайскаго наслія, и даже такія отдаленныя племена, какъ *Ци-би*, должны были принимать участія въ войнахъ Китая съ его противниками²⁾. Правители *Юань-хэскаго* аймака *Ту-ми-ду* 吐迷度, *По-жунь* 婆閩 и *Би-ли* 比栗 пресмтвенно пользовались виднымъ расположеніемъ Танскаго двора и могли въихомолку усиливаться въ ряду другихъ сосѣднихъ племенъ. Мы видимъ въ это время постоянныя измѣненія названій округовъ, перемѣны ихъ административной зависимости другъ отъ друга и постоянныя смѣны правителей. Не знаемъ, назначались ли китайскіе чиновники управляющимъ округовъ, или кочевья по прежнему оставались въ зависимости отъ родовыхъ правителей, но лѣтописи почему-то нашли нужнымъ отмѣтить тотъ фактъ, что при переименованіи аймака *Бай-си* въ округъ *Дянь-янь-чжоу* старшина аймака *Ли-хань-чжоу* 李舍珠 былъ поставленъ главноуправляющимъ новаго округа³⁾. Это было въ 660 г., въ правленіе императора *Гао-цзуня*, особенно много обращавшаго вниманія на усиленіе власти Китая надъ инородцами⁴⁾.

Въ правленіе императрицы *У-хоу* 武后 въ степяхъ на сѣверѣ обострилась вражда между дулгаскимъ ханомъ *Мо-чжо* 默啜 и хуй-хэскими племенами. Слѣдствіемъ этого явился въ высшей

1) *Синь-тань-шу*, цз. 107 л. 2; *Гу-цзинь-ту-шу* Ів. л. 6.

2) *Гу-цзинь-ту-шу* Ів. л. 6; *Іакинъ*, стр. 378—379.

3) *Гу-цзинь*.... Ів. л. 7 Іак., стр. 441.

4) *Гу-цзинь*, л. 6; *Іак.* 380.

степени интересный и важный для насъ фактъ переселенія нѣсколькихъ хуй-хэскихъ племень съ сѣвера степи, съ долины Селенги, Толы и Орхона, на югъ, въ Зауралскъ, и частью въ нынѣшнюю провинцію Гань-су. *Мо-чжо*, сообщаетъ лѣтопись, завоевала большія тѣ-хэскія земли. Въ какомъ объемѣ территорій произошло это подчиненіе, мы не знаемъ, но изъ движенія центральныхъ хуй-хэскихъ племень на югѣ ясно, что дулгасцы двинулись въ бассейнъ Байкала и вытѣснили оттуда обитателей. *Юань-хэ* вмѣстѣ съ поколѣніями *ки-би*¹⁾, *си-тѣ* и *хунь*, не желая подчиниться, перешли черезъ *Ша-мо* и заняли земли противъ *Лян-чжоу* и *Гань-чжоу*. Они были приняты здѣсь, видимо, очень дружелюбно, и китайское правительство часто пользовалось ими для пополненія рядовъ своей конницы. По смерти правителя *юань-хэскаю Ду-цзѣ-чжи*, сына *Би-ли*, былъ поставленъ внукъ послѣдняго *Фу-ди-фу* 伏帝 苻 (около 716 г.), при которомъ ряды переселившихся на югъ хуй-хэ пополнились новыми членами изъ поколѣній *Тунг-ло*, *Сь-ли-фа* 頡利發²⁾ и *Бай-си*. Всѣ они, уже по приказанію китайскихъ властей, были размѣщены на сѣверъ отъ корпуса *Да-у-цзюнь* 大武軍³⁾.

Племена, переселившіяся на югъ, не остались здѣсь навсегда. Позднѣе мы видимъ ихъ опять на прежнихъ сѣверныхъ кочевьяхъ, но во всякомъ случаѣ ихъ хотя бы и временное водвореніе на югѣ степи утвердило прежнія традиціонныя связи, которыя они имѣли съ обитавшими здѣсь племенами. По преданію, еще древнія гао-гюйскія поколѣнія обитали раньше въ этихъ же мѣстностяхъ, а только позднѣе перекочевали на сѣверъ степи въ долину Селенги. Новое же переселеніе даетъ намъ понять, что югъ степи и въ данный періодъ не былъ чуждъ хуй-хэскимъ племенамъ.

Въ какомъ количествѣ перекочевали бѣглецы, лѣтописи намъ не сообщаютъ, но безспорно, что на прежнихъ мѣстахъ остались

1) Это переселеніе говоритъ сильно за то, что аймакъ *Ци-би* или *Ки-би-юй* обиталъ въ восточной части степи и не на западѣ при *Тань-шань*.

2) Этого поколѣнія мы еще не встрѣчали.

3) *Гу-цзинь-ту-шу* IV. л. 7; Iак., стр. 380.

ихъ родичи и продолжали тамъ кочевать. И, вѣроятно, послѣдніе не были даже въ зависмости отъ Дулгаскаго дома. Въ возникшихъ распряхъ между жившимъ на югѣ степи хуй-хэскимъ правителемъ *Чанъ-цзунюмъ* 承宗 и китаецкимъ намѣстникомъ *Вангъ-цзюнь-чо* 王君奭 мстителемъ за несчастія перваго является сынъ его *Ху-шу* 護輸, управлявшій военными дѣлами на сѣверѣ степи въ округѣ *Ханъ-хай-фу* 瀚海府, откуда очевидно, во-1-хъ, что связи между сѣверными и южными племенами не прерывались, во-2-хъ, что первыя имѣли своихъ самостоятельныхъ правителей.

При преемникѣ *Ху-шу*, *Гу-ли* *Шэй-ло* 竹力裴羅 (742—756 г.)¹⁾ замѣчается усиленіе хуй-хэскихъ племенъ. Положивъ начало своему управленію на югѣ степи, *Шэй-ло* переноситъ потомъ свою ставку на сѣверъ, въ область между Орхономъ и отрогами Алтая; завязываются сношенія съ Китаемъ, императоръ котораго относится съ большимъ вниманіемъ къ посольству новаго хана; въ войнѣ съ дулгаскимъ домомъ наносится сильное пораженіе послѣднему, и въ результатѣ всего власть хуй-хэскаго правителя распространяется отъ Алтая до Маньчжуріи и на югъ до великой Гоби²⁾. Въ 744 г. *Шэй-ло* напасть на *баси-ли*³⁾, убилъ ея князя, принялъ титулъ *Ку-ду-лу-ни-ця-цзюй-кэ-хань*, т. е. *Кутлукъ-бэкэ-кюй-каганъ*, и послалъ пословъ къ китайскому императору, отъ котораго и получилъ титулъ *И-вана* 義王. Свою орду онъ поставилъ между горами *У-дэ-гянъ* и рѣкою Орхономъ (въ Каракорумѣ). 9 колѣнъ были подчинены *Шэй-ло*: *Ю-ло-тэ*, *Ху-ду-тэ*, *Ю-ву-тэ*, *Кюй-лоу*, *Гэ-са*⁴⁾, *Ха-сѣ-ву*, *Мо-кн-си-тэ*, *Ху-вунь-со*. Его государство простиралось отъ Байкала (*Шис-вэй*) до Алтайскихъ горъ и на югъ до великой песчаной

1) По Паркеру, *Kutlik Bira*.

2) *Гу-цзинь-ту-шу* IV. л. 8; *Іак.*, стр. 381—384.

3) Е. Н. Паркеръ считаетъ, что это была борьба съ племенами *Basimig* и *Karluk*, закончившаяся тѣмъ, что *Bira* (*Шэй-ло*) принялъ титулъ *Kutluk Bira Khakhan*.

4) Е. Н. Паркеръ считаетъ это племя хазарами, переселившимися позднѣе на Волгу.

пустыни. Колѣна *Ну-гу*, *Хунь*, *Ба-н-гу*, *Тунъ-ло*, *Сы-т* и *Ки-би* сохранили свою самостоятельность. Впоследствии къ нимъ присоединилось еще колѣно *Гэ-ло-лу* (= Карлукъ)¹⁾.

Государство Хуй-хэское заняло теперь первое по могуществу мѣсто на сѣверѣ Китая. Танскій дворъ уже нуждается въ немъ и единственно съ помощью хуй-хэ успѣваетъ уничтожить мятежника *Ань-лу-шаня* 安祿山²⁾ при пресемникахъ *Нэй-ло-хана*, сыновьяхъ его: *Мо-ань-чжо*³⁾ (756—759), получившемъ титулъ *Гэ-ло-хань* (= Кучлукъ каганъ, по В. В. Радлову), и *И-ди-гянь* (по Parkerу, Idiken) (760—789), имѣвшемъ титулъ *Мэ-юй-хэ-хань*. Рѣдко приходилось кочевникамъ брать за свои услуги столь большое вознагражденіе. Въ качествѣ друзей, помощниковъ и побѣдителей хуй-хэскія войска послѣ смерти *Ань-лу-шаня* предались страшному грабежу и разбоямъ въ сѣверномъ Китаѣ и особенно въ Танской столицѣ *Ло-яннѣ*. Китайское правительство было безсильно прекратить эти безпорядки оружіемъ и вынуждено было откупаться подарками. Предводители кочевниковъ получили обычные угощенія, титулы и грамоты и увели свои отряды вновь въ степь. Значеніе хуй-хэцевъ при дворѣ въ это время, очевидно, усиливается. Въ слѣдующемъ же 760 году ихъ посланникъ *Гюй-лу-мо-хэ-да-гянь* (= Кучлукъ-Мокко-Тарханъ, по В. В. Радлову) затѣваетъ споръ при дворѣ по мѣстническимъ вопросамъ, требуя для себя высшаго ранга, сравнительно съ другими кочевниками⁴⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ и выдачи за хана *Мо-ань-чжо* царевны. Оба желанія получили полное удовлетвореніе. Цевѣста была отослана въ степь и принята пышно. Въ отвѣтъ и въ благодарность за такое вниманіе *И-ди-гянь* отправилъ въ Китай свое посольство съ извѣстіемъ о покореніи владѣнія *Цзянь-чунь* (Гянгунь) 戛昆⁵⁾.

1) В. В. Радловъ, *Op. cit.*, p. 91—72; Bretschneider, I, прим. 549.

2) По E. Parker'у, Amroshar.

3) *Гу-цзинь-ту-шу* Ib. л. 8. (*Су-цзунъ-бэнь-цзи*; Iак. 384—389.

4) E. Parker пишетъ, что это былъ споръ съ посланникомъ абассидскаго халифа.

5) *Гу-цзинь-ту-шу* Ib. л. 8. Iак. 389—391. Подроб. о *Цзянь-чунь* или *хакасахъ* см. *Гу-цзинь-ту-шу*, цз. 61 л. 1—3; Iак. стр. 442—449.

Участіе хуй-хэскихъ племенъ въ усмиреніи мятежниковъ въ это время еще не окончилось. Мѣсто убитаго *Ань-лу-шаня* занялъ сынъ его *Ань-цинъ-сюй* 安慶緒 и продолжалъ дѣло отца. Но императорское войско, подкрѣпленное отрядами Мо-янь-чжо, скоро обратило его въ бѣгство.

Противъ *Ань-цинъ-сюя* возсталъ тогда одинъ изъ его приближенныхъ *Ши-си-минъ* 史思明; онъ убилъ своего патрона и объявилъ себя королемъ новаго государства *Янь* 燕. Въ трехъ областяхъ: *Ху-нани*, *Хуай-нани* и *Цзянь-нани* оставалось тогда еще много сторонниковъ *Ань-лу-шаня*, не подчинившихся Тап-скому правительству; въ войскѣ послѣдняго царя анархія и распущенность; дисциплина исчезла совершенно ¹⁾.

Появленіе при такомъ положеніи дѣла необходимость для императоровъ держаться за кочевниковъ и дорожить ихъ помощью. Смѣна узурпаторовъ не прекращалась, и едва правительство успѣвало управиться съ однимъ, какъ на его мѣсто возставагъ другой. *Ши-си-минъ* смѣнилъ сынъ его *Ши-чао-и* 史朝義, который былъ разбитъ соединенными императорскими войсками и казненъ въ 762 году ²⁾.

Однако появленіе хуй-хэскихъ войскъ не было особою радостью для обитателей территоріи Китая, да и сами императоры часто не знали, что имъ дѣлать съ своими союзниками. Такое впечатлѣніе получается отъ краткихъ извѣстій китайскихъ лѣтописей о пребываніи хуй-хэскихъ войскъ въ Китаѣ. Мы читаемъ: «Въ 9-й лунѣ въ 1-й годъ правленія *Бао-инъ хуй-хэскій Дэнъ-ли* 登里 ханъ, предводительствуя своими войсками, пришелъ помочь Китаю разбить мятежниковъ, и было приказано исторіографу (*史大夫*) *Шанъ-хэнъ-сюань* 尚衡宣 успокоить его» ³⁾. Что за стражность, почему нужно успокаивать союзниковъ, помогающихъ усмирять мятежниковъ? Отвѣтъ на это даетъ біографія одного государственнаго человѣка, очевидца

1) Fries, Abriss.... p. 167—168.

2) *Гу-цзинь-ту-шу*; Такинъ, 393—398.

3) *Гу-цзинь-ту-шу* Гл. к. 9. Ср. *Цю-танъ-шу*, *Дай-цзунъ-бэнъ-цзи*.

событій, *Ма-суй* 馬遂. Въ правленіе *Бао-динъ* правитель округа *Цзэ-чжоу* 澤州 и области *Лу-ань-фу* 潞安府 *Ли-бао-юй* 李抱玉, исполняя свои обязанности, успокоилъ городъ *Чжао-чэнъ* 趙城, очистивъ его отъ мятежниковъ. Въ это время *хуй-хэ* (союзники Китая), самовольно проходя по данной мѣстности и надѣясь на свои силы, грабили города, области и уѣзды; предоставляемый имъ провіантъ они брали не считая; убивали людей, захватывали драгоцѣнности и всѣ кормовые запасы. Жители не могли даже показываться наружу изъ домовъ. Тогда *Ма-суй* самъ попросилъ разрѣшенія привести въ порядокъ дѣла. Онъ прежде всего подкунилъ *хуй-хэскихъ* старѣйшинъ, заключивъ съ знаменнымъ начальникомъ условіе, чтобы казнить смертью всякаго, кто будетъ нарушать ихъ приказанія. Этимъ онъ сталъ сразу на прочную почву съ юридической стороны, потому что у кочевниковъ обычное право въ военное время отличается драконовской строгостью. Дальше ему нужно было только установить мѣры наказаній и воспользоваться сторонними благопріятными для его дѣла обстоятельствами. Система его по отношенію къ кочевникамъ была карательная въ высшей степени. Онъ казнилъ важныхъ преступниковъ безъ милости, виновныхъ въ незначительной степени разсылалъ по разнымъ отдаленнымъ пограничнымъ мѣстамъ, лишая ихъ такимъ образомъ возможности продолжать свои злодѣянія, а плѣнные, захваченные при столкновеніяхъ съ шайками грабителей, подвергался безошадному избіенію. Всѣми этими мѣрами былъ наведенъ такой безграничный ужасъ на кочевниковъ, что они уже не знали, что имъ дѣлать, и всего менѣе осмѣливались предаваться прежнимъ жестокостямъ¹⁾. Трудно рѣшить, была ли польза Китаю отъ вмѣшательства и помощи кочевниковъ? Правда, они помогли правительству сломить своихъ враговъ, но за то внесли въ предѣлы сѣверныхъ провинцій такіе грабежи и неистовства, которые дѣлали ихъ гораздо вреднѣе мятежниковъ²⁾. Но безсильный противъ ихъ орды импе-

1) *Гу-цзинь-шу-шу*. IV. к. 9—10; *Синь-тань-шу*, *Ма-суй-чжуань*.

2) *Тань*, 398—399.

раторъ *Дай-цзунъ* могъ усмирять ихъ только раздачами титуловъ¹⁾ и другими наградами, что, конечно, еще болѣе раздражало аппетитъ кочевниковъ. Скоро однако произошло обстоятельство, совершенно неожиданно превратившее хуй-хэскія племена изъ союзниковъ во враговъ Китая. Несправедливое отношеніе императора къ одному изъ знаменитыхъ боевыхъ генераловъ, уже ранѣе прославившемуся въ борьбѣ съ мятежниками, *Пу-цз-хуай-энь* (僕固懷恩) (по Parker'у Bukku), вывело послѣдняго изъ терпѣнія. Онъ подалъ прошеніе императору, гдѣ обвинилъ себя въ шести преступленійхъ, назвавъ этимъ именемъ свои услуги государству. Послѣ разбора дѣла *Хуай-энь* долженъ былъ бѣжать къ хуй-хэсамъ и ту-фанямъ 吐蕃, или тибетцамъ²⁾, и возбудилъ ихъ къ походу противъ Китая³⁾. Смерть его помѣшало тому, чтобы новое несчастіе разразилось надъ Китаемъ. Полководцу *Го-цзы-и* 郭子儀⁴⁾ удалось привлечь на свою сторону хуй-хэцевъ; вмѣстѣ съ ними онъ наналъ на тибетцевъ, нанесъ имъ поражение и прогналъ назадъ⁵⁾.

Новыя данныя объ этомъ столкновеніи китайцевъ съ кочевниками самыхъ разнородныхъ племенъ мы черпаемъ изъ жизнеописанія императора *Дай-цзуня* и біографіи главнаго государственнаго дѣятеля во всей этой исторіи — *Го-цзы-и*. Въ 1-й годъ правленія *Юнг-тай* (765) высочайшимъ указомъ *Го-цзы-и* былъ назначенъ главнокомандующимъ въ области *Хэ-наня*, и ему велѣно было отправиться въ походъ усмирять земли по *Хунань-хэ*. Князь аймака *Пу-цз-хуай-энь*, заключивъ союзъ съ *ту-фанями* 吐蕃, *хуй-хэ*, *дань-хань* 党項⁶⁾, *цянъ* 羌⁷⁾, *хунь* 浑, *пу-ла* 奴刺⁸⁾

1) Въ это время *Мо-лянь-чжо* получилъ титулъ Дэнъ-ли-хана.

2) Fries, Ib. p. 163, почему-то пишетъ «Turfanen», очевидно, разумѣя подъ ними жителей Туръана, но это совершенно ошибочно.

3) *Го-цзы-и-ту*, 10—11; Іак. 399—401.

4) Е. Parker на неизвѣстномъ мифическомъ основаніи полагаетъ, что *Го-цзы-и* былъ несторіанинъ.

5) *Го-цзы-и-ту-шу*, Ib.; Іакинъ, Собраніе свѣд., 399—402. Овъ-же, Исторія Тибета и Хухунора. Т. I, стр. 211—215.

6) Читается такъ вмѣсто *Дань-сянъ*: племя, которое, повидимому, дало названіе тангутамъ. Палладій, Кит.-русск. слов., т. I, стр. 154.

7) Тангуты.

8) Незвѣстное намъ племя.

и другими племенами, въ количествѣ 300,000 человекъ, начали разграблять земли по рѣкѣ Цзингъ 涇 (въ Гань-су), именно округа Фынъ-чжоу 邠州, Лань-чжоу 蘭州, Фынъ-чжоу 鳳州 и Сянъ-чжоу 翔州, вошли въ Ли-цзюань 禮泉 и привели въ ужасъ даже императорскую столицу. Тогда императоръ предписалъ явиться съ войскомъ Ли-чжунгъ-чэню 李忠臣 на р. Вэй 渭 (въ Шань-си), Ли-гуангъ-цзиню 李光進 въ Юнь-янъ-малнь 雲陽 馬瑋, Чи-тингъ-юю 郝廷玉 въ Бянь-цзю-ло 便橋 驛. По прежде сдѣланнымъ представленіямъ, указано было Ли-жи-юю 李日越 собрать войска въ мѣстности Чжоу-чэни 鰲屋 (въ Шань-си); Ли-бао-юй 李抱玉 въ Фынъ-чжоу 鳳州 и Сянъ-чжоу 翔州; Чжоу-чжи-гуану 周智光 въ Туинъ-чжоу 同州, а Ду-маню 杜冕 въ Фангъ-чжоу 坊州. Императоръ лично принялъ начальство надъ войсками въ облавныхъ мѣстностяхъ. Поспѣшно вызвали также Го-цзы-и и вручили ему начальство надъ войскомъ въ Цзингъ-янъ 涇陽 въ количествѣ 10,000 человекъ. Всѣ войска, дойдя до Лу-ци-вэй 虜騎 圍, соединились и встрѣтились съ ордами кочевниковъ; и Го-цзы-и, окруженный свитою въ 2000 конныхъ латниковъ, направился въ самую среднюю непріятельскаго войска для переговоровъ. Хуй-хэ, увиди его, взумленные, спрашивали: «Это кто?» Имъ отвѣчали: «цунь Го-цзы-и». Она испугавшись спросилъ: «Развѣ гунъ еще живъ? Хуй-энь сказалъ, что императоръ оставилъ управление вселенной, а Го-цзы-и умеръ, и что въ Киптаѣ нѣтъ правителя. Потому-то мы и пришли. А теперь оказывается: государь живъ и Го-цзы-и живъ, не такъ ли?» Имъ отвѣтили утвердительно. Тогда хуй-хэсы образумившись сказали: «Стало быть, онъ (т. е. Хуй-энь) обманулъ насъ?» Тогда Го-цзы-и произнесъ къ кочевникамъ увѣщаніе: «Прежде», сказалъ онъ, «хуй-хэ переходилъ за 10,000 ли, чтобы наказывать преступниковъ и помочь намъ вернуть въ свои руки обѣ столицы, и я, счастливый, держалъ въ рукахъ оружіе вмѣстѣ съ ними. Теперь же они оставили старое доброе направленіе и помогаютъ мятежникамъ. А я почему бы безразсудно пзмѣнилъ государю и нару-

шплѣ дружескія отношенія къ *хуй-хэ?*» Такою ловкою постановкою вопроса *Го-цзи-и* далъ понять, что правительство согласило на мирныя переговоры и вовсе не расположено къ безцѣльнымъ военнымъ дѣйствіямъ. И *хуй-хэ* отлично поняли это, потому что они отвѣчали: «Намъ сказали раньше, что гуна ибѣтъ въ живыхъ; это оказывается неправдою. Почему же теперь доводить дѣло до такой постановки (т. е. до пзмѣненія хорошихъ отношеній)? Теперь наши взгляды правльны ли, и *Го-цзи-и*, выйдя отъ насъ, будетъ ли говорить направо и налево, что не должно довѣрять звѣрному сердцу варваровъ?» *Го-цзи-и* сказалъ: «Кочевники ибѣскольکو десятковъ разъ поступали подобнымъ образомъ; нынѣ они не противятся, и я объявлю вездѣ объ ихъ искренихъ намѣреніяхъ; прошу, чтобы 500 всадниковъ слѣдовали за мною». Не слышавшіе его призыва закричали: «Привелъ нашъ почтенный гунъ, кочевники всею полностію готовы и ждутъ тебя!» Тогда *Го-цзи-и* въ сопровожденіи ибѣсколькихъ десятковъ всадниковъ, снявъ латы, вышелъ на показъ всѣмъ. Главный старшина ипнородческой сказалъ ему: «Солидарность между князьями, постоянная и непзмѣнная, — дѣло очень трудное. Почему бы намъ не забыть этого случая невѣрности долгу и не возобновить прежнихъ хорошихъ отношеній? Что касается до *хуй-хэ*цевъ, то они уже оставили его». При этихъ словахъ войско сошло съ лошадей, поклонилось и сказала *Го-цзи-и*: «Дѣйствительно, ты нашъ отецъ!» *Го-цзи-и* тотчасъ приказалъ подать вина и шелковыхъ матерій для радостной клятвы по случаю возстановленія прежнихъ добрыхъ отношеній. Потомъ онъ сказалъ: «*Ту-фани* первоначально были въ родственныхъ отношеніяхъ къ намъ, какъ племяники къ дядьямъ, и не выказывали неблагодарности; нынѣ же они пришли, забывъ родственныя отношенія, съ враждебными намѣреніями. Лошади и рогатый скотъ растянулся у нихъ на ибѣскольکو сотъ ли, и если, взявъ оружіе, отправится на нихъ и взять у нихъ немного, то это безошибочно можно считать даромъ неба. Кроме того, напавъ на тибетцевъ, получить съ нихъ добычу и вмѣстѣ съ тѣмъ со мною войти

въ хорошія отношенія — не два ли это прекрасныхъ для васъ случая? Союзные отряды, свирѣпствовавшіе раньше вмѣстѣ съ *Хуай-энь*, теперь разсыпались, какъ потерявшіе взаимное довѣріе и согласіе; они подозрѣваютъ другъ друга въ коварствѣ, а потому ту-фаня, опасаясь измѣны, не рѣшаются выступить и вести военныя дѣйствія ночью». Заманчивая перспектива богатаго грабежа, нарисованная *Го-цзы-и*, соблазнила хуй-хэцевъ. Изъ союзниковъ ту-фаней они превратились въ ихъ враговъ, и *Го-цзы-и* послалъ одного изъ своихъ подчиненныхъ Бай-юань-гуана 白元光 вмѣстѣ съ *хуй-хэ* противъ ту-фаней. Они напали на 100.000 армія послѣднихъ и разбила ее при *Линг-тай* 靈臺 на голову. 50.000 человекъ враговъ было убито, 10.000 взято въ плѣнъ, весь лагерь разграбленъ, и мужчинъ, женщинъ, рогатаго скота, барановъ, лошадей, верблюдовъ было захвачено въ цѣль безъ счета. Такой успѣхъ всего предпріятія вызвалъ поѣздку самого *Го-цзы-и* къ Цзянь-яна 翟讓 翟 ко двору. Тамъ онъ представилъ императору 200 инородческихъ семей и возвратился назадъ въ свою область¹⁾. Императоръ далъ тогда хану титулъ: *Цзю-ду-Дань-ли Гу-чжэ-ми-ши Инг-и-янь-гуи Би-цзя-ханг* (= Кэнь айдынлыкъ кучкэ монмышъ јингъ и гянь-кунгъ пакъ-каганъ, т.-е. достигшій блещательнѣйшаго могущества, пинг-п гянь-кунгъ господинъ и хангъ, по В. В. Радлову).

Однако и съ *хуй-хэ* не пришлось раздѣлаться Китаю одною ту-фаньскою добычею. Въ томъ же 765 году, въ 10-й лунѣ подъ цзя. знаками 壬午 былъ объявленъ налогъ въ 100 казенныхъ чоховъ и въ 100.000 кусковъ полотна и тафты, чтобы наградить союзныхъ хуй-хэцевъ. Извѣстно затѣмъ, что въ той же лунѣ подъ знаками 乙酉 хуй-хэскій главноуправляющій *Ху-лу* 胡祿都督 приходилъ для представленія ко двору; слѣдовательно, мирныя сношенія Китая съ *хуй-хэ*, нарушенныя раньше, опять возобновились²⁾. Съ кетайской стороны также поддерживались отношенія этого рода. Въ 3-й годъ *Да-ли* (768) умерла

1) *Гу-цзынь-ту-шу*, Ів. л. 11—12. *Синь-тань-шу*, *Го-цзы-и-чжэнь*.

2) *Гу-цзынь-ту-шу*, Ів. л. 10—11. *Цзю-тань-шу*, *Дай-цзунь-бош-цзы*.

ханша *Гуанъ-цинъ* 光親, и императоръ отправилъ чиновника (*ю-сань-ци-чанъ-ши*) *Сяо-синь* 蕭昕 съ бунчукомъ для утѣшенія и жертвоприношеній къ *хуй-хэ*.

Кочевники, падѣясь на свои заслуги императорскому дому, начали дѣлать выговоръ *Сяо-синю*: «Мятежъ въ Среднемъ царствѣ погашенъ не безъ нашего участія», сказали они, «почему же лошади, назначающіяся въ продажу, не возвращены своевременно намъ, дѣйствующимъ столь пскренно?» *Сяо-синь*, не ожидая такой дерзости, взбѣнелъ въ лицѣ, но отвѣчалъ съ достоинствомъ: «Императорскій дворъ признаетъ за разбойниками заслуги съ большимъ трудомъ, и если есть хотя малѣйшій поводъ, онъ уже не высылаетъ наградъ, тѣмъ болѣе въ отношеніи къ сосѣднимъ государствамъ. *Пу-гу-хуай-энъ* склонилъ къ возмущенію вашихъ начальниковъ, и вы вмѣстѣ съ ними принесли намъ бѣдствія. Кромѣ того, вы привели ту-фаней, свирѣпствовавшихъ въ нашихъ пригородахъ и императорскихъ селеніяхъ. И только когда ту-фани были разбиты, хуй-хэсны испугались, раскаялись и кланялись, прося мира. И вы не имѣете права говорить, что императоръ не высказываетъ благодарности и милости за старыя заслуги. Хотя лошади и не успѣли еще дойти сюда, но онѣ уже вышли изъ Застѣннаго Китая. Итакъ, кто же не оправдалъ довѣрія?» *Хуй-хэ* сильно сконфузился послѣ такой рѣчи, и отъ нихъ посланъ былъ ко двору посоль¹⁾.

Въ это время самозвѣніе и необузданность хуй-хэсцевъ дошли до высшихъ предѣловъ. Танскій дворъ въ безсиліи ухаживаетъ за ними. Въ 4-й годъ правленія *Да-ли* дочь бывшаго мятежника *Пу-гу-хуай-энъ* возводятъ въ званіе царевны *Чунъ-хуй* 崇徽公主 и выдаютъ замужъ за хуй-хэскаго хана; при этомъ отправляютъ въ орду съ грамотой совѣтника военного министерства *Ли-хань* 李涵²⁾. Такимъ образомъ все прежнія обиды, нанесенныя правительству, остаются забытыми и не отмщенными. Понятно, что кочевники, чувствуя подъ собою такую твердую

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, IV. гл. 12. *Синь-танъ-шу*, *Сяо-синь-чжуань*.

2) *Гу-цзинь-ту-шу*, IV. гл. 12. *Цю-танъ-шу*, *Дай-цзунъ-бои-ци*.

почву, подвергали тѣмъ временемъ Китай страшнымъ грабесжамъ и расхищеніямъ. Такъ, въ 4-й годъ правленія *Да-ли* (769) въ 1-й лунѣ хуй-хэскіе посланцы пришли въ кумирню *Хунг-лу-сы* 鴻臚寺 и подвергли разграбленію поселокъ и базаръ. Чиновники не могли остановить ихъ. Они безумно требовали золота. Всѣ ворота императорскаго города были заперты, и кочевниковъ умоляли оставить страну. Дѣло, очевидно, происходило въ *Чанъ-ани*. Полгода спустя хуй-хэскіе же купцы разграбили уѣздъ *Чанъ-ань*; приказано было уговаривать ихъ, но чиновники оказались беспомощными¹⁾. Въ 10-й годъ пр. *Да-ли* (775), въ 9-й лунѣ хуй-хэсы убили бѣлымъ днемъ на базарѣ чиновника. Ихъ схватили и посадили въ тюрьму на вѣчное заключеніе. Тогда хуй-хэскій старшина *Чи-синь* 赤心 явился съ войскомъ, ворвался въ тюрьму и выпустилъ заключенныхъ, избивъ и изранивъ тюремныхъ чиновниковъ и стражу²⁾.

Танскому правительству становилось очевиднымъ, что съ кочевниками мромъ поладить невозможно, и что они не остановятся на мелкихъ разбояхъ, а пойдутъ дальше. Дѣйствительно, въ 13-й годъ *Да-ли* (778) *хуй-хэ* вторглись въ область *Бинг-чжоу* 并州 и нанесли сильное пораженіе при *Янъ-цуй* 陽曲 хэ-дунскому *Хо-дэ* 河東 главноуправляющему *Бю-фанъ* 鮑防. Заспья губернаторъ округа *Дай-чжоу* 伐州 *Чжанъ-гуанъ-шэнъ* 張光晟 разбилъ ихъ при долинѣ *Янъ-ху-гу* 羊虎谷 и прогналъ на сѣверъ³⁾. Несмотря однако на это пораженіе, *хуй-хэ* были очень сильны во времена танскаго *Дай-цзуня*. Ихъ ханъ *Дэнъ-ли* (или *Мо-янь-чжо*) уже не довольствовался простотою кочевого быта. Познакомившись съ роскошью китайскаго двора, онъ строитъ себѣ столицу⁴⁾, дворець и знакомитъ своихъ подданныхъ со всѣми

1) *Гу-цзинь-ту-ту*, ib., л. 12. *Цю-танъ-шу*, *Дай-цзунъ-бэнь-цзи*.

2) *Ibidem*. *Цю-танъ-шу*, *Дай-цзунъ-бэнь-цзи*. Этотъ фактъ оказывается пропущеннымъ у о. Іакинна, хотя онъ иѣтается въ *Хуй-хэ-бэнь-чжуань*. Это единственный пропускъ, встрѣчающійся у Іакинна изъ даннаго отдѣла лѣтописей.

3) *Гу-цзинь*, Ів. л. 13; *Іак.* 403; *Танъ-шу*, *Дай-цзунъ-бэнь-цзи*.

4) Іакинновъ, Записки о Монголіи, ч. III, стр. 142—143. Дэнъ-ли-хань построилъ тотъ самый подъ Хангаемъ городокъ, который впоследствии Чингисъ-ханъ

удобствами и роскошью, которая приняты были за Великой стѣ-
гой при Танскомъ дворѣ. Скоро однако (въ 780 г.) его свергаетъ
съ престола министръ *Дунь-мо-хэ-да-лань* 頓莫賀達干 (*Тунь-
мѡкѡ-тарханъ* у В. В. Радлова; у Parker'a — Durgmogho) и за-
нимаетъ его мѣсто, принявъ титулъ *Кетъ-кут-лукъ-нэкъ-каганъ*
(очень счастливый князь и ханъ), по В. В. Радлову. Вступленіе
на престолъ этого государя сопровождалось особыми обстоятель-

нмѣлъ столицей подъ названіемъ Харахоринъ, по-туркестански: Кара-корумъ.
Въ *Ду-ши-фанъ-юй-чи-ло*, цз. 45, л. 5, мы находимъ сводъ слѣдующихъ свѣдѣ-
ній о судьбѣ **和林城** Хэ-линь-чэна, или того же Каракорума. Хэ-линь-чэнь
находится на сѣверѣ степи въ 1000 сличкомъ ли. Это древній городъ со вре-
менъ Танской династіи хуй-хускаго Би-цзя-кэ-хана. Монголы сначала имѣли
здѣсь столицу, и такъ какъ на западъ отсюда есть рѣчка *Ха-ла-хо-линь*, то от-
сюда и имя города. *Чжи* (*Дай-цинь-и-тунъ-чжи*?) говоритъ: Прежде у монго-
ловъ былъ нѣкто Буданцарь, его аймакъ находился на сѣверѣ *У-хуань* вмѣстѣ
съ *вэй-ло* **畏羅**, найманами и 9 родами *хуй-ху*, погранично съ древнимъ
городомъ Хэ-линь. Поколѣнія представляли дань Ляосцамъ и Цзиньцамъ и на-
ходились подъ главенствомъ *Ли-тань* **韃靼**. При Бэукаѣ аймакъ *Та-та*
塔塔 началъ усиливаться; онъ возвратился къ *Дэ-ли-вэнь-нань-то-мань*
跌里温盤陀山 и произвелъ Темучина. Позднѣ Темучинъ усилился,
сталъ великимъ Темучиномъ, назвался императоромъ и сдѣлалъ Хэ-линь мѣ-
стомъ своего сейма. Во 2-й годъ Сунскаго *Дуань-нинъ* (1235), при монгольскомъ
государѣ Угэдэ **窩闊始**, городъ имѣлъ въ окружности около 5 ли и уже
назывался *Юань-чанъ-лу* **元昌路**, а вслѣдъ за симъ былъ учрежденъ *Чжунъ-
цзюнь-сэ-линь-ши-си* **轉運和林使司**. Въ началѣ правленія *Чжунъ-тунъ*
(1260—1264) измѣнили управленіе въ *Сюань-вэй-си* **宣慰司** и *Ду-жанъ-шуй-
фу* **都元帥府**. За симъ отдѣлили отъ *Ду-жанъ-шуй-фу* мѣстность по
южную сторону Алтая и оставили *Сюань-вэй-си*. Въ 27 годъ *Чжи-жанъ* (1290 г.)
опять установили *Ду-жанъ-шуй-фу*. Въ 11-й годъ *Ли-дэ* (1307) учредили округъ
Хэ-линь-синъ-чжунъ-шу-шэнь **和林行中書省** съ главнымъ управле-
ніемъ Хэ-линь-цзунъ-туанъ-фу **和林總管府**. Во 2-й годъ *Чжи-да* (1309)
опять отдѣлили *Синъ-чжунъ-шу-шэнь* и основали *Синъ-манъ-шу-шэнь* **行尙
書省**, потомъ опять измѣненное. Въ правленіе *Хуанъ-цинъ* (1312—1314) осно-
вали *Линъ-бэй-синъ-чжунъ-шу-шэнь* **嶺北行中書省**, а *Хэ-линь-лу* **和
林路** сдѣлали *Хэ-нинъ-лу* **和寧路**.

Въ нѣсколько сокращенномъ видѣ тѣ же данныя мы читаемъ въ *Лу-цзинъ-
шу-шу-цзи-чэнь*, *Бэй-и-дэнь*, цз. 120.

Бэй-фанъ-чжу-ю-цзунъ-бу-хуй-као-эръ, л. 2.

ствами и должно быть отмѣчено, какъ особое явленіе въ исторіи царствующаго дома *хуй-хэ*. Извѣстно, что изъ всѣхъ родовъ хуй-хэскаго племени особымъ почетомъ и преимуществами пользовались девять родовъ. Изъ нихъ роду *Ю-лэ-гэ* принадлежало право ставить изъ своей среды государя. Подобныя явленія заурядны въ жизни кочевниковъ. Въ личности *Дунь-мо-хэ* мы видимъ представителя какого-то другого рода, который, видимо, старается ослабить вліяніе девяти главныхъ родовъ, посему и вся исторія правленія *Дунь-мо-хэ* полна столкновеніями съ этими привилегированными родами. *Дунь-мо-хэ* протестуетъ противъ набѣга на Квтай, проектированнаго именно этими «ху девяти родовъ» 九姓胡. Когда съ нимъ не соглашаются, онъ убиваетъ *Дэн-ли* хана и вмѣстѣ съ нимъ 2000 человекъ. Вслѣдъ за симъ происходитъ крайне запутанное столкновеніе на границѣ Китая, едва не вызвавшее новыхъ особыхъ осложненій во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ государствъ. Въ *Чань-ани* было въ то время посольство *хуй-хэ* изъ 1000 человекъ, во главѣ котораго стоялъ *Ту-дунь* 突董翳蜜施, родной дядя *Дунь-мо-хэ* по отцу. Она возвращался домой въ орду, когда дошли до нихъ вѣсти объ избіеніи членовъ девяти родовъ. Принадлежавшіе къ тѣмъ же родамъ члены посольства не хотѣли возвращаться въ орду, опасаясь, что и ихъ постигнетъ та же участь. Но *Ту-дунь*, видимо, не согласенъ былъ съ ними и хотѣлъ ѣхать домой; онъ относился очень строго къ тѣмъ членамъ своего посольства, которые были изъ числа высшаго сословія *ху*¹⁾. Въ это время

1) Здѣсь мы расходимся въ переводѣ съ о. Іакинномъ (стр. 406) и строимъ предложеніе въ текстѣ такимъ образомъ 突董察視嚴亟羣胡 *Ту-дунь-ча-ши-лян-цзи-цзюнь-ху*. О. Іакинновъ въ этомъ мѣстѣ оставляетъ безъ перевода іероглифы 亟羣, а іер. 胡 дѣлаетъ подлежащимъ слѣдующаго предложенія. Намъ же думается, что 胡 будетъ дополненіемъ, а подлежащее слѣдующаго предложенія подразумѣвается. Иначе мы не можемъ объяснить ни исторіи съ *Ту-дунь*, ни междоусобій въ ордѣ. О. Іакинновъ пишетъ: «Ху представили военному начальнику *Гуань-шэнъ* предлогъ, подъ которымъ просили казнить всѣхъ Ойхоровъ девяти родовъ». Но вѣдь Ху сами принадлежали къ девяти родамъ; какъ же они просили казнить себя самихъ или своихъ родичей

изъ орды прислали просьбу кптайскому главноуправляющему *Гуанъ-шэну* казнить всѣхъ членовъ посольства, принадлежащихъ къ девяти родамъ. *Гуанъ-шэнъ* согласился, но лично самъ въ междоусобіяхъ кочевниковъ увидѣлъ удобный моментъ для нанесенія имъ болѣе чувствительнаго удара. Его представление императору дышало подобною мыслью, и раньше чѣмъ пришелъ отвѣтъ изъ столицы, онъ избилъ все посольство съ *Ту-дуномъ* во главѣ и отнялъ всѣ пожалованныя имъ вещи. Дворъ однако посмотрѣлъ на дѣло другими глазами. *Гуанъ-шэнъ* былъ уволенъ отъ должности, и на его мѣсто назначенъ *Пэнъ-минъ-фанъ* 彭令芳, а въ прошедшихъ объясненіяхъ по дѣлу Танскій дворъ, чувствуя свое безсиліе предъ кочевниками, призналъ необходимымъ удовлетворить всѣ претензіи *хуй-хэ*. *Дунъ-мо-хэ* впрочемъ не нашелъ нужнымъ требовать кроваваго удовлетворенія, а взялъ лишь огромную контрибуцію въ возмездіе за избіеніе сторонниковъ той партіи, которая ему же была вредна въ ордѣ. Онъ такимъ образомъ остался въ наибольшемъ выигрышѣ¹⁾. Но кптайскій дворъ также не желалъ сносить равнодушно всѣхъ тѣхъ вольностей, которыя позволяли себѣ за послѣднее время *хуй-хэ*. Посему, когда въ 783 году явилось посольство отъ послѣднихъ къ императору *Дэ-цзуну* 德宗 съ просьбою о мирѣ и родствѣ, то императоръ не хотѣлъ и слышать ни о чемъ подобномъ. Произошли крупныя объясненія и переговоры, и, только благодаря умѣнью и дипломатической ловкости министра-делегата

и единомышленниковъ, которые для нихъ же везли изъ Пекина богатую добычу? О. Іакинъ самъ видѣлъ это противорѣчіе и посему прибавилъ въ примѣчаніи поясненіе: «изъ орды» (ib.). По нашему мнѣнію, представление изъ орды шло совсѣмъ не отъ *ху*, а отъ рода, къ которому принадлежали *Дунъ-мо-хэ* и *Ту-дунъ*, и которому былъ прямой расчетъ уничтожить своихъ соперниковъ. *Ту-дунъ* лично сочувствовалъ этому, но былъ убитъ вмѣстѣ съ другими *Гуанъ-шэнномъ*, думавшимъ только о томъ, какъ бы истребить побольше кочевниковъ на пользу своей родни. Изъ-за *Ту-дуна*, т. е. изъ-за убіенія его одного, возникли поздыѣ и неудовольствія съ Танскимъ дономъ, а объ остальныхъ самъ *хуй-хэскій* министръ сказалъ, что «посланники по своей винѣ заслуживали смерть» (Стр. 407).

1) *Гу-илинь-ту-шу*, Ів. л. 13—14. *Цю-танъ-шу*, *Дэ-цзунъ-бэнь-или*. Іак., стр. 405—408.

Ли-би 李泌¹⁾, неудовольствія были улажены, при чемъ императоръ, отложивъ походъ на сѣверъ степи, возобновилъ мирный трактатъ съ *хуй-хэ* и выдалъ за *Дунь-мо-хэ* хана царевну *Сянь-ань*.

Къ разсказу объ этомъ посольствѣ, находящемуся у о. *Иакниоа*, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя поясненія и дополненія по *Синь-тангь-шу*. При внимательномъ чтеніи рѣчи *Ли-би* къ императору по переводу о. *Иакниоа* бросается въ глаза какой-то логическій скачокъ и безсвязность фразъ послѣ словъ: «Я и теперь удивляюсь, къ чему было идти на очевидную опасность. . . .». Слѣдующая фраза совершенно не вяжется и не вытекаетъ изъ хода рѣчи. Объясняется это довольно значительнымъ пропускомъ въ текстѣ *Цю-тангь-шу*, что восполнено въ новой Танской исторіи. Послѣ приведенныхъ словъ слѣдуетъ читать слѣдующее: «Я былъ тогда начальникомъ кавалеріи въ войскѣ императора, вашего предка. *Ъ-ху* 葉護 пришелъ съ отрядами *хуй-хэ*. Императоръ, вашъ предшественникъ, согласился устроить для него праздникъ въ трибуналѣ. Когда начали совѣщаться о походѣ, то его въ совѣтъ не позвали. Принцъ *Ъ-ху* просилъ императора послать меня въ его лагерь, но императоръ отказалъ ему, сказавъ ласково: «Не гость угощаетъ хозяина, а хозяинъ гостя». Послѣ того какъ *хуй-хэ* исторгли изъ рукъ бунтовщиковъ восточную столицу, императоръ приказалъ сказать ему, что земля и народъ должны быть возвращены ему, а богатства и плѣнницы — отданы *хуй-хэ*самъ. *Ъ-ху* послѣ побѣды, одержанной надъ мятежниками его войскамъ, хотѣлъ все предать грабежу. Императоръ *Дай-цзунь* 代宗 (онъ былъ тогда еще полководецъ) сошелъ съ лошади и привѣтствовалъ *Ъ-ху*, стоя на колѣняхъ. *Ъ-ху* повернулъ тогда къ востоку и пошелъ противъ мятежниковъ восточной столицы. Миѣ стыдно было видѣть, что главнокомандующій унижался до такой степени. Императоръ, вашъ предокъ, любезный и благочестивый, самъ долженъ былъ

1) Странно, что о. *Иакниоа* пишетъ это имя *Ли-ли* (стр. 408).

разобрать эти дѣла. Онъ утѣшилъ и воодушевилъ принца *Т-ху* посланнымъ къ нему указомъ. *Т-ху* былъ дядя *Моу-юй-хана* 牟 翊 (или *Дэн-ли-хана*), съ отцовской стороны. Когда *Моу-юй-хань* прибылъ лично въ Китай, Ваше Величество въ качествѣ наследника имперіи, отказался пріѣхать къ нему на колѣняхъ въ его собственной палаткѣ, требуя, чтобы самъ ханъ воздалъ все должное вашему высокому сану. Посему Ваше Величество никогда не унижался предъ нимъ, а что касается до Вашего предшественника, то когда онъ пріѣхалъ къ хану на колѣняхъ, онъ былъ еще генераломъ; должно также принять во вниманіе, что онъ своимъ униженіемъ спасъ столицу (отъ грабежа) и возвратилъ ее имперіи. Но Ваше Величество не пріѣхало къ варваровъ на колѣняхъ, а заставили ихъ дрожать! Въ чемъ же въ такомъ случаѣ можетъ быть сомнѣніе? Но не будемъ думать о томъ, что произошло послѣ битвы при *Син-цзи* 香積 въ палаткѣ хана у города *Шан-чжоу* 陝州. Не лучше ли, чтобы Ваше Величество наводило страхъ на варваровъ, чѣмъ унижался предъ ними? Когда *Шао-хуа* и другіе провожали Ваше Величество въ палатку хана, то варвары заперли лагерь и цѣлыхъ пять дней лишали Васъ питья. Вся имперія не была ли тогда въ постоянной скорби? Но Небо, въ своемъ верховномъ покровительствѣ вашему имени, укротило шакаловъ и волковъ и сдѣлало ихъ ручными. Мать *Моу-юй-хана* и самъ онъ сдѣлали Вамъ подарки изъ собольихъ мѣховъ и приказали приготовить подарочныхъ лошадей. Они даже лично провожали Ваше Величество до ограды лагеря. Я это говорю къ тому, что *Шао-хуа* и другіе оставили въ нерадѣніи свои обязанности, которыя они должны были выполнять для Вашего Величества. Но мы полагаемъ также, что впрочемъ всего былъ *Моу-юй-хань*, а онъ преданъ смерти нынѣшнимъ ханомъ, который доводится *Моу-юй-хану* дядею. Онъ оказалъ услугу имперіи, отступивъ за ея поруганіе (прежнему хану): можно ли намъ забыть эту услугу? Кромѣ того хуй-хэскій ханъ поставилъ предъ входомъ въ свой лагерь мраморный памятникъ съ надписью: «Должно, чтобы китайскіе посланники, приходящіе сюда, звали,

что я не одинъ разъ оказывалъ услуги ихъ имперіи» 且回紇可汗銘石立國門曰唐使來當使知我前後功云. Въ настоящее время онъ проситъ руки принцессы крови, послѣ чего уйдетъ на югъ. Если же Ваше Величество откажете ему въ просьбѣ, то онъ непремѣнно придетъ съ своею арміею въ Китай. Потому лучше согласиться на бракъ» и т. д. по Іакинѣу, стр. 409 ¹⁾).

Эта зставка, какъ и вся рѣчь *Ли-би*, даетъ намъ богатѣйшій матеріалъ для характеристки самыхъ различныхъ сторонъ китайской жизни въ данную эпоху. Она разъясняетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ фактовъ въ сношеніяхъ Танскаго двора съ иностранцами *хуй-хэ*, — именно, до какой степени безспія доходилъ Танскій дворъ и какимъ поруганіямъ подвергался онъ со стороны кочевниковъ. Онъ же служитъ прекраснымъ образчикомъ китайскаго краснорѣчія и находчивости дипломата-министра и ставитъ загадочный психологическій вопросъ о характерѣ отношеній императора къ подданнымъ и подданныхъ къ императору и объ отношеніи ихъ обонхъ къ дѣйствительной жизни. Наконецъ, въ ней находится драгоценное археологическое указаніе.

Начало исторіи *en question* относится еще къ царствованію императора *Су-цзунъ* (756—763), дѣда *Дэ-цзунъ*. Хуй-хэскія орды явились въ 762 году въ Китай подъ предводительствомъ *Ъ-ху* помогать Танскому двору противъ мятежника *Ши-чао-и* и предавались страшнымъ грабительствамъ. Начальникомъ надъ императорскою арміею былъ назначенъ князь *Юнъ-ванъ* 雍王, впоследствии императоръ *Дэ-цзунъ*, а тогда бывшій наследнымъ принцемъ, а главными помощниками ему были даны *Цзы-анъ* 子昂, *Вэй-кюй* 魏琚 и *Вэй-шао-хуа* 韋少華. Въ городѣ *Шань-чжоу* 陝州 союзныя войска должны были соединиться. Но когда китайскіе военачальники съ наследнымъ принцемъ во главѣ явились въ лагерь *Дэнъ-ли* или *Моу-юй-хава*, послѣдній потребовалъ, чтобы *Юнъ-ванъ* сдѣлалъ ему поклоненіе. Уже тотъ фактъ, что не ханъ явился въ войско наследнаго принца, а послѣдній при-

1) *Гу-цзинь-шу-шу*, Ів. г. 14. *Синь-танъ-шу*. *Хуй-хэ-бень-чжуань*.

шелъ къ Моу-юю, былъ униженіемъ для китайцевъ. Теперь же ханъ требовалъ новаго неслыханнаго поруганія, и *Юнг-ванъ* наотрѣзъ отказался выполнить его. Однако съ кочевниками, чувствовавшими свою силу, шутить было нельзя. *Моу-юй* приказалъ отпустить *Шао-хуа* и *Вэй-кюю* по сту палокъ, отчего они къ вечеру же умерли¹⁾, а наслѣднаго припца, какъ узнаемъ теперь изъ рѣчи *Ли-би*, продержалъ 5 дней въ заточеніи безъ воды. Однако онъ не добился своего и отпустилъ наконецъ *Юнг-вана* домой. Кромѣ того, оказывается, что и отецъ *Дэ-цзуня*, императоръ *Дай-цзунъ*, долженъ былъ когда-то на колѣняхъ вымаливать у *Моу-юй*-хана пощады для столицы и спасти ее тѣмъ отъ разоренія и разграбленія. Сколько позора, сколько униженій для царственныхъ особъ! Вспомнимъ, какую темною страницю русской исторіи представляются намъ поѣздки великихъ князей въ татарскую орду для уплаты дани и вымаливанья пощады для родины; съ какою терпѣніемъ и пастойчивостью готовили московскіе князья освобожденіе отъ этого унизительнаго обряда, и съ какою искреннею злобою и торжествомъ бросилъ въ лице ханскимъ посламъ разорванную на клочки грамоту хана *Юань III*, разрывая тѣмъ зависимость отъ орды. Аналогичный случай видимъ мы и здѣсь. Могъ ли *Дэ-цзунъ* забыть цѣлый рядъ оскорбленій, мукъ и пытокъ, нанесенныхъ этимъ варварамъ его родины, его отцу и ему самому? Поистинно, что по вступленіи на тронъ онъ долженъ былъ питать наслѣдственную ненависть къ кочевымъ ордамъ и ихъ правителямъ, и трудно было ожидать отъ него особаго вѣтъ покровительства. Однако обстоятельства вынуждали его сдерживать свою нелюбовь къ *хуй-хэ* и чувствовать себя въ безусловной зависимости отъ нихъ. Посему, по вступленіи на престолъ онъ извѣщаетъ орду объ этомъ фактѣ, но когда ханъ прислалъ предложеніе выдать за него припцессу крови, *Дэ-цзунъ*, естественно, не могъ сразу согласиться на это, и только послѣ увѣщательной рѣчи министра *Ли-би* разрѣшилъ бракъ.

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, П. л. 9. Іак., стр. 395—397.

Интересны увѣщательные приемы *Ли-би*. Вся рѣчь представляет собою наборъ самой безсовѣстной лжи и самого беззастѣнчиваго искаженія фактовъ и изображенія дѣйствительности совѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ она текла на самомъ дѣлѣ. Имперія была посрамлена хуй-хэсами совершенно, отецъ и сынъ — императоры были послѣдовательно оскорбляемы и унижаемы, требованія кочевниковъ доведены до послѣдней степени наглости, обрушиваясь, въ случаѣ неудовлетворенія ихъ правительствомъ Китая, въ видѣ огня и меча на цѣлыя китайскія провинціи, императоръ полонъ злобы и ненависти къ своимъ врагамъ, — и о такихъ-то условіяхъ пришлось говорить *Ли-би*. Какъ же представляет онъ дѣло? Во-1-хъ, впрочемъ всѣхъ золь былъ прежній ханъ *Моу-юй*, а не теперешній *Дунь-мо-хэ*; послѣдній, въ устахъ *Ли-би*, является даже героемъ-мстителемъ за поруганную имперію, хотя въ дѣйствительности онъ былъ простымъ узурпаторомъ, счастливо убившимъ своего соперника. Вторымъ впрочемъ являлся, по его словамъ, забытый до смерти *Шао-хуа*, который необдуманно завлекъ юнаго наследнаго принца за Желтую рѣку. Если *хуй-хэ* грабили Китай, то вѣдь богатства и плѣнницы завоеванныхъ у мятежниковъ земель имъ были отданы въ добычу самимъ императоромъ. Если отецъ *Дэ-цзуна* и унижался предъ ханомъ, то вѣдь онъ не былъ тогда еще на тронѣ; кромѣ того, онъ этимъ униженіемъ стяжалъ себѣ высшую славу самоотверженнаго избавителя цѣлой страны отъ разграбленія. Самъ же *Дэ-цзунъ* не становился на колѣни, и потому нельзя считать, что онъ терпѣлъ униженіе (точно просидѣть въ заточеніи пять сутокъ, да еще безъ воды — не униженіе для наследнаго принца?). Но что самое главное, — такъ это угроза *Дунь-мо-хэ* явиться снова съ своими ордами въ имперію въ случаѣ неисполненія его требованій. Собственно говоря, только послѣдній аргументъ и былъ самымъ вѣскимъ и существеннымъ, онъ и рѣшилъ дѣло въ пользу *Дунь-мо-хэ* хана, но нельзя не удивляться искусству и приемамъ оратора-министра. Нужно внимательно всмотрѣться въ его рѣчь, чтобы

увидѣть въ ней настоящее положеніе дѣла. Въ текстѣ она совсѣмъ не производитъ такого впечатлѣнія. Наоборотъ, *Дэ-цзунъ* выставляется могущественнымъ пзъ царей, который властвуетъ надъ своими подданными и надъ сосѣдями-кочевниками. Имя его заставляетъ дрожать хуй-хэсцевъ и приводить ихъ въ трепетъ. И это говорить въ лице оскорбленному государю его министръ, и слова послѣдняго принимаются за чистую монету. Съ нашей точки зрѣнія всю рѣчь *Ли-би* нужно бы *Дэ-цзуну* принять за сплошную насмѣшку, и при томъ самую дерзкую и грубую. Что сказалъ бы Наполеонъ въ періодъ ста дней, если бы его назвать серьезно повелителемъ Европы, предъ которымъ трепещутъ Россія и Англія, или покойному Александру II-му послѣ потери Севастополя сказать, что западныя державы чувствуютъ ужасъ при упоминаніи объ его имени и стараются всячески умиловлять его? Можно думать, что оба императора приняли бы подобныя рѣчи за чистую насмѣшку, и ораторамъ не поздоровилось бы. Китайскія же правила краснорѣчія позволяютъ такого рода беззастѣнчивость и даже одобряютъ ее. Подобное отношеніе къ дѣйствительности характеризуетъ всю вообще историческую литературу Китая. Тогда какъ русскія лѣтописи въ періодъ, напр., гнета татарскаго полны самаго тяжелаго пытья и жалобъ на окружающую жизнь, притѣсненія и бѣдствія, китайская исторія, наоборотъ, старается выставить все въ самомъ блестящемъ для Китая видѣ. Императоры Китая въ ней всегда язляются добродѣтельными, полководцы побѣдителями, подданные героями. Темныя же стороны жизни сглаживаются и скрашиваются до неузнаваемости. Нужно привыкнуть къ этому тону литературы, чтобы сквозь его призму разсмотрѣть дѣйствительность и отдать ей должное.

Такой именно примѣръ видимъ мы и въ рѣчи *Ли-би*. Она проникнута какимъ-то взаимнымъ обманомъ; министръ лжетъ, императоръ не можетъ не видѣть этой лжи, по выноситъ и слушаетъ ее, видимо, какъ должную и согласную съ правилами придворнаго этикета.

Наконецъ, въ той же рѣчи мы находимъ одно указаніе о памятникѣ. Вопросъ объ археологическихъ памятникахъ уйгурскаго ханства занимаетъ въ послѣдее время много умовъ. Открываются памятники цѣлые и обломки отъ нихъ, и приуроченіе ихъ къ той и другой исторической эпохѣ можетъ быть весьма затруднительно. Въ такомъ случаѣ положительное свидѣтельство исторіи является иногда драгоценнымъ. Потому мы и находимъ нужнымъ обратить вниманіе на фактъ постройки памятника при Дунь-мо-хэ. Трудно только точно указать мѣсто нахождения памятника; въ лѣтописи сказано 國門, т. е., дословно, у входа въ государство, а, можетъ быть, и у воротъ столицы. Въ послѣднемъ случаѣ его нужно искать именно въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ предполагаютъ существованіе уйгурскаго Каракорума, и, можетъ быть, даже возможно приурочить это показаніе къ камню № 1 пзъ XXIV таблицы «Альбома древностей Монголіи» В. В. Радлова.

Обращаемся теперь къ дальнѣйшему ходу исторіи послѣ выдачи царевны *Сянь-ань* за *Дунь-мо-хэ*.

Сношенія слѣдующихъ годовъ отличаются довольно мирнымъ характеромъ. Кочевники какъ будто пытались загладить свои рѣзкости недавнихъ лѣтъ и вели себя очень скромно. Въ 1-й годъ правленія *Чжэнь-юань* (785) они прислали ко двору посольство съ знаменитой просьбой о переимѣнѣ названія *хуй-хэ* 回紇, употреблявшагося китайцами, на *хуй-ху* 回鶻. Чѣмъ была вызвана эта просьба, китайская лѣтопись не объясняетъ, потому что невозможно считать удовлетворительнымъ поводомъ якобы недовольство іероглифомъ 紇 и желаніе писать іероглифъ 鶻, какъ ограждающій въ себѣ качества кочевниковъ: мужество и стремительность въ нападеніи¹⁾.

1) Паркеръ приводит по поводу переимѣн имени *хуй-хэ* на *хуй-ху* слѣдующія соображенія: «Магометане «Тартарин» стали называться уйгурами нѣсколькими столѣтіями позже этихъ событій, и во времена Чингисъ-хана это названіе почти исключительно относилось къ татарамъ-мусульманамъ, между тѣмъ какъ новое названіе *Оуиуоуг* (разница въ обоихъ словахъ состоитъ лишь въ afflatus, употребляемомъ въ китайскихъ словахъ) стало приливаться

Особеннымъ церемоніаломъ, показывавшимъ вниманіе Танскаго двора къ *хуй-хэ*, отличался при *Дунь-мо-хэ* приѣмъ при дворѣ хуй-хэской царевны, пазначенной въ жены одному изъ родственниковъ императора. Хотя въ немъ и проскальзываетъ постоянное желаніе китайцевъ ставить новопріѣзжую невѣсту въ подчиненное положеніе даже въ отношеніи къ китайскимъ царевнамъ, но самый фактъ церемоніала, обѣда въ присутствіи императора говоритъ за весьма многое въ смыслѣ сознанія китайцами хуй-хэской силы¹⁾. При переимѣнѣ имени *хуй-хэ* на *хуй-ху* ханъ получилъ отъ китайскаго двора титулъ «*Еди улукъ чанъ-чу-даны-пекъ-каганъ*», т. е. очень высокій *чанъ-чу-даны* господинъ и ханъ (у В. В. Радлова).

къ существовавшимъ тогда уйгурскимъ владѣніямъ (states) возлѣ Урумци и Ииджана, а также къ историческому древнему племени, которое происходило изъ области Каракорума. Такое смѣшеніе выраженій, повидимому, вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что уйгуры исчезаютъ изъ глазъ китайцевъ на одно или на два столѣтія. Въ китайской исторіи нѣтъ достовѣрныхъ указаній, когда и какъ вліяніе сарацинъ ввело къ уйгурамъ мусульманскую религію; но естественно, что арабы и персы называли всѣхъ кочевыхъ «татаръ» старымъ именемъ единственно извѣстной имъ господствующей державы, находившейся между ними и Китаемъ, — тюрковъ; между тѣмъ орды Чингисъ-хана не находили на западѣ уйгуровъ до тѣхъ поръ, пока самъ Чингисъ не принесть этого имени на западъ, и изобрѣли новое названіе для того, чтобы отличить одно племя татаръ-мусульманъ, не-шаманистовъ, отъ другого. Такимъ образомъ древнее слово *Quighour* стало означать тюрковъ-мусульманъ, а новое слово *Quitour* — древнее племя, которое пришло изъ Каракорума, и древніе роды котораго, хотя, можетъ быть, и мусульманскіе, еще находились въ Караходжо. Это то же, что слово «*Франкъ*», которое, обозначая первоначально небольшое германское племя, стало примѣняться затѣмъ къ кельтическому населенію страны, находившейся подъ властью этого племени; потомъ турки стали обозначать имъ всю семью христіанскихъ государствъ во главѣ съ Франціею; далѣе всѣ жители востока — европейцевъ и, наконецъ, китайцы — первыхъ пришельцевъ изъ Европы, португальцевъ и испанцевъ. Последнюю стадію составляетъ въ тибетскомъ и непальскомъ языкахъ слово *p'i-ling*, значащее «англичанинъ». См. «*A thousand years of the Tartars*». Это разсужденіе, хотя оно и согласуется въ общихъ чертахъ съ нашимъ взглядомъ, но въ подробностяхъ и въ особенности въ своей фактической основѣ требуетъ возраженій. Его точности вредитъ, во-первыхъ, устарѣлый неопредѣленный терминъ *Tartarim*; во-вторыхъ, шаткія и необоснованныя положенія, въ родѣ того, что войска Чингиса не знали термина «уйгуръ» въ западной части Средней Азіи до тѣхъ поръ, пока самъ Чингисъ не принесть его туда.

1) *Гу-цзинь-шу-шу*, ib., л. 15; *Цю-тань-шу*, *Дай-цзунь-бэй-цзи*; *Иак.*, стр. 411.

По смерти хана *Дунь-мо-хэ* мѣсто его занялъ въ 789 году сынъ его *До-ло-сы* (у Рагкер'а *Tagas*), которому дается титулъ «*Пань-гуань-тэ-лэ*» (тѳрэ-султанъ у В. В. Радлова). Китайцы даютъ ему титулъ: «*Айдынлыкъ кѳчкэ мюмниш кѳчлѳкэ нжэ чунз-чэнз-каганъ*», т. е. возвысившійся до блистательнаго могущества, сильный господинъ, *чунз-чэнз-каганъ*. На его правленіе падаютъ первые признаки усиленія тибетскихъ племенъ и распаденія хуй-хэскаго государства. Еще съ 755 г. тибетцы овладѣли частью земель, входящихъ нынѣ въ составъ провинцій *Шэнь-си* и *Гань-су*, и прервали сношенія китайской центральной администраціи съ отдаленными провинціями въ западномъ краѣ *Бэй-тинъ* 北廷 и *Ань-си* 安西. Правители этихъ округовъ вынуждены были, наконецъ, послать свои донесенія двору черезъ владѣнія союзныхъ хуй-хэсцевъ окружнымъ путемъ. Вѣсти дошли, но скоро онѣ смѣнялись другими, крайне печальными для Танскаго двора. Отдаленныя провинціи были отняты у Китая тибетцами, и этотъ періодъ представляетъ собою одинъ изъ важныхъ и запутанныхъ моментовъ исторіи кочевниковъ Средней Азіи.

Усилившіеся тибетцы распространяли мало-по-малу свое вліяніе на западныя кочевыя племена, не записѣвшія отъ *хуй-хэ*. Таковымъ было племя *ша-то*. Оно много терпѣло отъ притѣсненій тибетцевъ, обращаясь, въ случаѣ нужды, за помощью къ китайскому намѣстнику округа *Бэй-тинъ*. Но слабыя средства этого правителя, удаленность его отъ центра и прекращеніе сношеній съ дворомъ, очевидно, ставили его въ невозможность оказывать должное содѣйствіе своимъ союзникамъ. Тогда *ша-то*сы волею-неволею должны были покориться тибетцамъ и оказаться врагами своихъ прежнихъ союзниковъ. Это усилило тибетскія войска. Другое обстоятельство придадо имъ еще больше смѣлости. Гордые своими успѣхами и прочными связями съ Китаемъ, *хуй-хэ* начали притѣснять своихъ западныхъ сосѣдей, подчиненныя имъ же племена *э-лу* 葛祿, *бай-янь* 白眼 и друга, отягощать ихъ поборами и жестокостями. Племена эти, естественно,

начали тяготѣть въ сторону тибетцевъ и выказывать имъ свои симпатіи. Тибетцы, чувствуя, такимъ образомъ, свою силу уже на сѣверо-западѣ степи, отъ котораго отдѣлялъ ихъ китайскій округъ, напали на послѣдній, безъ особаго труда сломили незначительные китайскіе отряды и овладѣли всею провинціею *Бэй-тинъ*. Теперь они стали сосѣдями *хуй-хэ*, имѣя на своей сторонѣ симпатіи западныхъ племенъ *хуй-хэ*скаго государства, пока еще подвластныхъ своимъ прежнимъ ханамъ.

Сосѣдство усиливавшихся тибетцевъ, естественно, не могло быть пріятно для *хуй-хэ*, и удаленіе ихъ изъ сѣверной полосы степи стало надолго ихъ искреннимъ желаніемъ. Кромѣ того, союзъ съ Танскимъ домомъ естественнымъ образомъ обязывалъ ихъ попытаться возвратитъ послѣднему потерянные владѣнія. Но попытка окончилась полною неудачею. *Хуй-хэ*ское войско было разбито тибетцами, и бывший китайскій намѣстникъ *Янъ-си-чу*, предвидя свою неминуемую гибель, окончилъ жизнь самоубійствомъ¹⁾. Подобный успѣхъ былъ, конечно, на руку тибетцамъ и ихъ сторонникамъ, вслѣдствіе чего они начали дѣйствовать смѣлѣе. Подвластное раньше уйгурамъ поколѣніе *тэ-лу* въ это время отложилось отъ нихъ и овладѣло мѣстностью *Шэнь-ту-чуань* 深圖川. Это ослабило *хуй-хэ*цевъ и вызвало движеніе ихъ куда-то на югъ. Замѣшательства, одновременно съ этимъ происходившія въ ихъ ордѣ, насильственная смерть двухъ хановъ, одного за другимъ, еще болѣе усилили безпорядки среди *хуй-хэ* и вынудили ихъ искать помощи и опоры въ Китаѣ. Завѣдывавшій въ то время войною съ Тибетомъ китайскій министръ *Гѣгянгасъ* (Цэ-цянъ-цзя-сы 頡千迦斯) принялъ ихъ подъ свое покровительство, обласкалъ ихъ юнаго хана *А-чжо* 阿噶 и исходатайствовалъ для него титулъ²⁾. Это дало возможность *хуй-хэ*цамъ оправиться, и, собравшись съ силами, они напали на подавшееся Тибету племя *тэ-лу*, нанесли ему поражение и представили плѣнныхъ Танскому правительству³⁾.

1) *Гу-цзинъ-ту-шу*, ib., л. 15; *Синъ-танъ-шу*, *Дэ-цзунъ-бэй-цзи*; *Іак.*, 411—412.

2) *Ibidem*.

3) *Гу-цзинъ-ту-шу*, ib., л. 15; *Іак.*, стр. 412—414.

Однако положеніе *хуй-хэ* замѣтно ухудшалось, и даже по краткимъ китайскимъ лѣтописямъ можно прослѣдить нѣкоторые признаки разложенія ихъ государственности. Въ періодъ упадка каждаго изъ кочевыхъ государствъ въ немъ появлялись личности, переходившія отъ кочевниковъ къ Китаю и наоборотъ. Иногда то были дальновидные люди, которые, не полагаясь на прочность слабѣющаго государства, старались сыскать себѣ болѣе прочное положеніе при китайскомъ дворѣ. Иногда то были опасные претенденты на престолъ или даровитыя личности, вліяніе которыхъ на дѣла и на народъ хотѣли устранить сами китайцы, и въ такомъ случаѣ ихъ или выгодами и соблазнами переманивали за Великую стѣну, или даже силою удерживали тамъ, не пуская на родину. Такъ и теперь лѣтопись отмѣчаетъ явленіе, что къ китайскому двору отправили нѣкоего *Ю-ло-гэ-инз* 藥羅葛貝. Онъ былъ родомъ китаецъ, но потомъ былъ усыновленъ ханомъ, воспитывался при дворѣ послѣдняго и получилъ даже фамилію хуй-хэскаго правящаго дома *Ю-ло-гэ*. Его китайцы почему-то сочли нужнымъ убрать и оставили у себя на службѣ при дворѣ¹⁾.

Безъ сомнѣнія, способствовало упадку хуй-хэскаго государства и прекращеніе престолонаслѣдія въ родѣ *Ю-ло-гэ*. Въ 11-й годъ правленія *Чжэнь-юань* умеръ послѣдній представитель этого дома *А-чжо* бездѣтнымъ²⁾.

Теперь предоставлялся, во-первыхъ, просторъ всѣмъ честолюбцамъ въ погонѣ за трономъ; во-вторыхъ, самая широкая возможность китайскому двору вмѣшиваться въ дѣла престолонаслѣдія, смѣняя и назначая кандидатовъ по своей волѣ. Первымъ ханомъ изъ другого рода является прежній министръ *Гу-ду-лу* 骨咄祿 (кутлукъ). Китайцы даютъ ему титулъ: «Айдышлыкъ улукъ кучке мюмпшъ пекъ *Хуай-синь* каганъ», т. е. достигшій блистательнаго могущества господинъ *Хуай-синь* каганъ (у В. В. Радлова). *Гу-ду-лу* пытается связать свой

1) Ibidem.

2) *Гу-цзинь-жу-шу*, ІВ., т. 16; *Цю-тань-шу*, *А-чжунь-бэнь-чжэнь*.

родъ съ прежней фамиліей, зная, вѣроятно, привязанность къ ней подданныхъ. По словамъ лѣтописи, онъ не осмѣливался даже открыто покровительствовать своимъ родственникамъ, а отправлялъ къ Танскому двору членовъ прежней фамиліи¹⁾. Это представляется нѣсколько непопулярнымъ. Не распицалъ ли тѣмъ самымъ новый ханъ дорогу къ упроченію своего дома? Но ему не суждено было успѣть въ этихъ намѣреніяхъ, если только они были въ его головѣ, потому что въ 805 г. онъ умеръ.

Избраніе новаго хана въ лицѣ сына *Гу-ду-лу*, можно думать, было произведено подъ давленіемъ китайцевъ, и ему тотчасъ былъ данъ почетный титулъ «*Кю-лу-би-ля* кагана» — т. е. бластательный, очень высокій господинъ и ханъ, а черезъ три года ханъ умеръ, не ознаменовавъ ничѣмъ своего правленія²⁾. Можно только отмѣтить, что въ 806 г. къ китайскому двору было отправлено посольство, съ которымъ явился ко двору буддійскіе бонзы, и для нихъ былъ построенъ монастырь³⁾. Въ 808 г. въ Китаѣ было получено извѣстіе о смерти ханши *Сянз-ань*, которая была женою четырехъ хановъ и прожила въ ордѣ 21 годъ.

Преемникъ *Кю-лу-би-ля*-кагана, какъ и все прежніе князья, получилъ почетный титулъ отъ Танскаго двора и правилъ государствомъ подъ именемъ *Бао-и*-хана. При немъ положеніе дѣлъ въ хуй-хэскомъ государствѣ, вѣроятно, нѣсколько улучшилось, потому что мы видимъ у кочевниковъ снова позывы на грабежи. Ханъ отправилъ 3000 конницы къ Гуспиному ключу (*Пи-ди-цюань* 壁 鵝 泉), а вмѣстѣ съ тѣмъ его послы просили при дворѣ руки принцессы крови для хана. Все это вызвало со стороны китайскихъ войскъ передвиженіе въ видахъ предосторожности.

1) *Цю-тань-шу*, *Дэ-цзунь-бэй-чжи*.

2) *Гу-цзинь-ту-шу*, *Цю-тань-шу*, *Дэ-цзунь-бэй-чжи*.

3) Раггер сообщаетъ, къ сожалѣнію, безъ указанія цитаты, что двумя столѣтіями поздне въ китайскихъ лѣтописяхъ упоминается, что въ тогдашней столицѣ уйгуровъ Караходжо (*Гао-чжи*) находились манихейскіе храмы, въ которыхъ богослуженіе совершалось персидскими священниками.

Изъ Чжэнь-у 振武 былъ посланъ отрядъ войска къ горамъ Хэй-шань 黑山, въ городокъ Тянь-дэ-чэнз 天德城¹⁾.

Эта экскурсія, угрожавшая цѣлости Китая, и требованіе принцессы вызвали продолжительныя совѣщанія среди министровъ, изъ которыхъ Синь-танъ-шу передаетъ намъ весьма обстоятельную рѣчь министра Ли-цзяна 李絳, председателя коллегіи обрядовъ (ли-бу-шанъ-шу), весьма ясно изображающую современное положеніе дѣлъ.

«Могущество Хуй-ху», доложилъ онъ императору, «теперь достигло высшей степени, а сѣверныя границы Китая нами почти совсѣмъ оставлены. Если враги приблизившись поднимутъ хотя бы самое маленькое облачко пыли, то слабая пѣхота наша уже не будетъ въ состояніи сопротивляться имъ, а большіе города не могутъ поддержать ее въ силу крайней дальности разстоянія. И буде Ваше Величество желаете сохранить за собою названную страну, вы должны послать туда правильно сформированныя отряды, укрѣпить города и обосновать военныя колоніи въ мѣстахъ, которыя того требуютъ. Это будетъ лучшимъ средствомъ для блага имперіи и сохраненія народовъ. Я, подданный рабъ вашъ, замѣчаю, что дѣла вовсе не соотвѣтствуютъ своему надлежащему положенію. Въ отношеніи же границъ я нахожу пять пунктовъ, причиняющихъ мнѣ постоянное безпокойство. Объ нихъ я осмѣливаюсь всподданнѣйше доложить Вашему Величеству.

«Во-первыхъ, сѣверные варвары ненасытно жадны. Они обращаютъ свои взоры единственно на корысть и руководятся во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ заботами о тучности своихъ лошадей. Если въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ они не являлись въ Китай, то потому ли это, что они разочаровались въ корысти, приобрѣтаемой ими отъ нашихъ богатствъ? Вовсе нѣтъ. Они ожидаютъ удобной для нихъ поры — осени, когда ихъ лошади поправятся, чтобы устремиться на насъ. И если это такъ, то бу-

1) Подробности объ этомъ городѣ см. Klaproth «Sur le pays de Tenduc ou Tenduch de M. Polo» въ «Journal Asiatique», Paris, 1826, 8. vol. IX, а также Риттеръ «Землеводеніе Азии», пер. Семенова, т. I, стр. 637—640.

демъ ли мы сражаться въ имперіи или принимать мѣры предосторожности внутри ея, — результатъ будетъ одинъ: государство будетъ истощено и подвергнуто тяжкимъ страданіямъ.

«Во-вторыхъ, наши отряды еще недостаточно сильны; сторожевые пункты на границахъ недостаточно правильно организованы; вооруженія, какъ оборонительныя, такъ и наступательныя, еще не готовы, а города недостаточно прочно укрѣплены. Если мы укрѣпимся въ *Тянь-дэ*, то у враговъ непремѣнно явится подозрѣніе; а если мы оставимъ безъ защиты западные города *西城*, то дорога черезъ пустыню окажется безъ защиты.

«Въ-третьихъ, когда дѣло касается или основанія новыхъ городовъ для защиты важныхъ пунктовъ, или нападеній, атакъ, или назначенія начальниковъ на важные или незначительные пограничные посты, необходимо совѣщаться съ завѣдующими границею. Въ настоящее время идетъ вопросъ объ охранѣ территоріи по *Хуанъ-хэ*, и все рѣшается и размежевывается во дворцѣ въ совѣтѣ Вашего Величества. А отсюда происходитъ то, что когда варвары сдѣлаютъ внезапное нападеніе, мы не умѣемъ приняться за дѣло и дѣлаемъ непоправимо дурные шаги.

«Въ-четвертыхъ, за то время, пока мы живемъ въ мирѣ съ варварами, они прекрасно узнали точное положеніе нашихъ мѣстъ и состояніе нашихъ гарнизоновъ. Когда они разсыпаются по странѣ для грабежа, проходитъ много дней, а иногда и нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ предписанія наши будутъ переданы начальникамъ, и отряды отправятся въ походъ, вмѣсто того, чтобы въ одинъ день собрать и двинуть и людей и животныхъ, такъ что враги уже успѣваютъ уйти, нагруженные добычей, прежде чѣмъ наша армія приходитъ на мѣсто дѣйствій. Такимъ образомъ у варваровъ оказывается съ избыткомъ достаточно времени для грабежа, а нашъ народъ и войска тискаются и стѣсняють другъ друга при походѣ на непріятелей.

«Въ-пятыхъ, сѣверные варвары (т. е. *хуй-ху*) и западные (т. е. тибетцы, ту-фани) давно уже ведутъ между собою постоянныя войны. Это обезпечиваетъ спокойствіе на нашихъ грани-

цахъ. *Хуй-ху* не продаютъ теперь лошадей, и если тибетцы изъ враговъ сдѣлаются ихъ друзьями въ силу мирнаго договора, то нашимъ пограничнымъ начальникамъ придется запереться въ лагерѣ, такъ какъ уже страшно будетъ сражаться съ ними, а народъ вынужденъ будетъ, сложивши на крестъ руки, спокойно ожидать своей злосчастной судьбы.

«Кромѣ того, я считаю нужнымъ доложить, что возмущеніе, произведенное *У-шао-янъ* 吳少陽 въ мѣстности *Хуай-си* 淮西, уже близко къ окончанію. Если воспользоваться удобнымъ случаемъ, то его можно опять возобновить, вмѣсто того, чтобы вести войну съ *хуй-ху*, потому что въ случаѣ возникновенія послѣдней нужно будетъ выдвинуть всѣ отряды съ разныхъ сторонъ, а это будетъ стоить въ 10 разъ дороже, чѣмъ дѣло съ *У-шао-яномъ*. Мое мнѣніе поэтому таково, что слѣдуетъ согласиться на требованіе хапа о выдачѣ за него принцессы крови, чтобы тѣмъ заставить его считаться нашимъ данникомъ и защищать имперію отъ враговъ. Польза отъ этого будетъ тройкаго рода.

«Во-первыхъ, пока бракъ совершится, наши пограничные посты зажгутъ огни и произведутъ дымъ (знакъ тревоги и опасности). У насъ будетъ время приготовить города, назначить туда гарнизоны, которые приобрѣтутъ сплу и сноровку, и наполнить магазины провіантомъ для поднятія мужества въ войскѣ.

«Во-вторыхъ, сваливъ съ себя обузу беспорядковъ на сѣверѣ, мы можемъ обратить все вниманіе на югъ, отнять назадъ *Хуай-си* 淮西 и призвать къ окончательному повиновенію издыхающаго отъ безспія мятежника.

«Въ-третьихъ, плѣнники съ сѣвера, ободренные союзомъ съ Вашимъ Величествомъ, пропикнутся съ своей стороны еще большею ненавистью къ западнымъ варварамъ, т. е. тибетцамъ. Они не будутъ пользоваться ни малѣйшимъ покоемъ, между тѣмъ какъ Китай будетъ пребывать въ мирѣ и тишинѣ, и разбой прекратится на долгое время. Отбросить всѣ эти выгоды тройкаго

рода значить способствовать развитію обстоятельствъ, доставляющихъ безпокойства пяти вышеупомянутыхъ родовъ.

«Но, можетъ быть, кто скажетъ, что издержки на бракъ будутъ громадны. На подобное возраженіе можно отвѣтить, только назвавъ его ложью.

«Мы раздѣлимъ на три части все военные отряды Поднебесной, и пусть одна изъ нихъ защищаетъ наши границы. Мы получимъ податей съ самыхъ большихъ нашихъ юго-восточныхъ городовъ высшаго ранга 200,000 унцій серебра. Доходъ съ одного города покроетъ все брачныя издержки. И не искупимъ ли мы этимъ расходомъ цѣлаго моря горя? Если же мы откажемся сдѣлать эту незначительную затрату и переведемъ войну на сѣверныя границы, то мы не можемъ послать туда меньше 300,000 человекъ пѣхоты да 5000 лошадей. Иначе мы не можемъ ни сопротивляться врагу, ни предпринимать противъ него экспедиціи. Предположимъ, что мы будемъ всегда побѣдителями, и что кампанія протянется только одинъ годъ, но можетъ ли подать съ одного города покрыть все расходы по этой экспедиціи? И даже подать съ большей части городовъ будетъ ли достаточно для этой цѣли¹⁾?»

Такая блестящая рѣчь однако не достигла своей цѣли, и императоръ отказалъ въ согласіи на бракъ. И, дѣйствительно, савновники вчислили брачныя издержки въ пять милліоновъ, какъ-то страшнымъ гнетомъ легла бы на истощенное уже войною населеніе.

Страхъ и опасенія *Ли-цзяна* о мести *хуй-ху* Китаю за отказъ въ бракъ не оправдались. Имперія не терпѣла отъ нападенія *хуй-ху*, а когда по восшествіи на престолъ императора *Су-цзуна*, они прислали просить о бракъ, то онъ далъ свое согласіе и выслалъ новому хану обычный титулъ²⁾.

Въ правленіе этого *Чжао-ли-хана* сношенія *хуй-ху* съ Китаемъ приняла оживленный характеръ. «Никогда еще», гово-

1) *Гу-цзинъ-жу-му*, Ів., л. 16—17; *Синь-танъ-шу*, *Хуй-хэ-бэй-чжунь*.

2) *Гу-цзинъ-жу-му*, Ів.; *Иакнеъ*, стр. 416—418.

рять лѣтопись, «не отправляли иностранцы столь многочисленнаго посольства въ Китай», какое снарядилъ за своею невѣстою *Чжао-хань*.

Китай долженъ былъ изнемогать подъ бременемъ налоговъ для подарковъ, которыми пужно было снабжать не прошенную орду гостей. *Хуй-ху* хотѣли вмѣшаться по прежнему и во внутреннія дѣла Китая, воспользовавшись, какъ предлагемъ, незначительными беспорядками, происшедшими у правительства съ мѣстными властями въ *Хэ-бэй* 河北; отрядъ ихъ уже явился въ *Финь-чжоу* 岢嵐州 въ Ордосѣ, но Танскій дворъ, помня отлочно прежніе беспорядки, предпочелъ откупиться отъ нихъ и, давъ большую награду ихъ начальнику *Ли-и-цзю* 李義節, отпустилъ его назадъ въ степи¹⁾.

Достоинно сожалѣнія обстоятельство, что китайскія лѣтописи сообщаютъ крайне мало данныхъ о внутренней жизни кочевниковъ за этотъ періодъ. Поразительный фактъ въ исторіи дома *хуй-ху*, что, по прекращеніи на его тронѣ дома *Ю-ю-ю* въ 795 году, почти ни одинъ хань не правилъ больше 3—4 лѣтъ, остается необъясненнымъ. Но уже на основаніи одного этого можно думать, что процессъ разложенія сильнаго ранѣ государства все болѣе и болѣе усиливался. Единственно благодаря собственной слабости и не предприимчивости императоровъ, Танскій дворъ доселѣ сноситъ ихъ претензіи и откупается отъ нихъ подарками²⁾. Достаточно, кажется, было бы одного хорошаго удара, чтобы государство *хуй-ху* разсыпалось. Въ 824 г. хань *хуй-ху* скончался, преемникомъ его былъ *Гэ-са-тэ-ю* (т.-е. *тѣ-рэ*), получившій титулъ «возвысившійся до блистательной высокой власти храбрый господинъ *Чао-ли-хань*». Въ 832 году онъ былъ убитъ, и племянникъ его *Ху-тэ-ю* (*Кумъ-тѣ-рэ*) вступилъ на престолъ. Отъ китайскаго двора онъ получилъ титулъ «возвысившійся до блистательной высокой власти могучій господинъ *Чанъ-синъ-хаганъ*». Картина жизни *хуй-ху* за 839—840 годы

1) *Лу-цзинь-жу-шу*, т. 17; Іакинъ, 416—418.

2) *Ibidem*.

рисуется лѣтописью въ такомъ видѣ. Министръ *Гюй-ло-фу* 掘羅勿 возсталъ противъ хана *Чжанъ-синя* и напалъ на него съ ша-тоскими войсками. Ханъ покончилъ съ собою. Вельможи поставили ханомъ малолѣтняго *Кэ-си-тэ-лэ* 厓駙特勒¹⁾. Въ этотъ годъ былъ голодъ, а вслѣдъ затѣмъ открылась моровая язва, и выпали глубокіе снѣга, отчего пало много овецъ и лошадей. Еще грамата не была доставлена, какъ *У-изунъ* 武宗 вступилъ на престолъ въ 840 г. Онъ отправилъ князя *Юнъ* 浚 съ извѣстіемъ и отъ него узналъ о смятеніяхъ въ ордѣ. Въ это самое время старѣйшина *Гюй-лу Мо-хэ* (Кучлукъ Мокэ у В. В. Радлова), соединившись съ хлкасами со 100,000 конницы, напалъ на хуй-хускій городъ 回鶻城, убилъ хана, казнилъ *Гюй-ло-фу* и сжегъ его стойбища. Поколѣнія *хуй-ху* разсѣялись. Министръ *Си-чжи* 駙職 вмѣстѣ съ пятнадцатью аймаками, подвластными *Панъ-тэ-лэ* 龐特勒, бѣжалъ къ *Гэ-ло-лу*; остальные ушли въ Тибетъ и *Ань-си*. Послѣ того тринадцать родовъ ханскаго аймака объявили *У-тэ-тэ-лэ* 烏介 ханомъ и осѣли на югѣ при горахъ *Цо-цзы-шань* 錯子山²⁾.

Трудно себѣ представить положеніе народа болѣе безотрадное, нежели только что указанное. Естественныя бѣдствія — болѣзни и моръ, нападенія внѣшнихъ враговъ и внутреннія неурядицы, — все это довершило прежнія бѣды и почти разрушило хуй-хэское государство. Однако часть его еще уцѣлѣла и

1) Это *тэ-лэ* по іероглифамъ опять то же, что и на памятникѣ *Кюй-тэиия*, и *Ганъ-му* объясняетъ слово *тэ-лэ*, какъ «младшій родственникъ». Поэтому не ошибается ли само *Мэнь-лу-ю-му-цзи*, читая *тэ-иинь* 特勒 вмѣсто *тэ-лэ* 特勒? Вѣдь *Кюй-тэиинь* не былъ правителемъ, а только младшимъ братомъ *Можлянь-хана*. Не памятникъ только, а и всѣ лѣтописи пишутъ въ подобныхъ случаяхъ *тэ-лэ*, а не *тэ-иинь*, и возможно ли въ угоду *Мэнь-лу-ю-му-цзи* исправлять всѣ лѣтописи современниковъ? Не скрывается ли подъ *тэ-лэ* какое-нибудь тюркское слово, котораго могъ не знать авторъ «Описанія Монгольскихъ кочевьевъ»? Потому онъ и прочиталъ *тэ-иинь*, принявъ за описку правильный іероглифъ.

2) Опредѣленія мѣстоположенія этихъ горъ, несмотря на всѣ старанія, мы нигдѣ не нашли, а оно могло бы быть очень полезно для пониманія дальнѣйшей исторіи хуй-хэскихъ племенъ.

жила, какъ сказано, гдѣ-то на югѣ степи. Dabry de Thiersant, на неизвѣстныхъ намъ основаніяхъ, утверждаетъ, что У-из-тэ-лэ «en l'an 858 se reconnut vassal de l'Empire chinois. L'empereur lui permit alors de s'établir dans le pays de Kan-tcheou»¹⁾, однако онъ не утверждаетъ, что тамъ именно находились горы Цо-цзы-шань.

Ударъ, нанесенный хуй-ху хякасами, былъ, безъ сомнѣнія, очень тяжелъ. Съ этой поры хуй-ху уже не возвращаются на сѣверъ степи, въ излюбленные родныя мѣста, а бродятъ на южной сторонѣ ея, постепенно передвигаясь къ западу. Этимъ именно и объясняются частые грабежи ихъ въ сѣверныхъ китайскихъ земляхъ, которые перечисляетъ подъ слѣдующимъ 842 годомъ жизнеописаніе императора У-цзуня. Въ 1-й лунѣ, говорятъ оно, хуй-ху разбойничали въ пограничныхъ городахъ мѣстности Хэнъ-шуй 橫水 въ Тянь-дэ, Чжэнь-у. Въ 3-й лунѣ они грабили Юнь-шо 雲朔. Въ 5-й лунѣ хуй-хускій Вэнь-мосы (Умусь) 温沒斯 пришелъ въ подданство Китая. Въ 6-й лунѣ хэ-дунскій 河東 цэ-ду-ши Лю-мянь 劉沔 сражался съ хуй-хускими ордами при Юнь-чжоу 雲州 и проигралъ битву. Въ 7-й лунѣ хуй-хускій ханъ вновь разбойничалъ въ Да-тунъ-чуань 大同川²⁾. Однако это были послѣдніе грабежи хуй-хэ,

1) Le Mahométisme en Chine, v. I, p. 212.

2) Гу-изинь-ту-шу, IV, гл. 18; У-цзунъ-бэнь-цзи, чжанъ-чжунъ-у-чжуань. Подробнѣе эта исторія разсказана въ Хуй-хэ-бэнь-чжуань, переведенной у Иакина, стр. 419—422, но въ Сянь-жанъ-шу мы встрѣчаемъ небольшое дополненіе къ разсказу Иакин., стр. 421, послѣ словъ: «Указано... Тянь-дэ переименовать въ Гуй-и-цзюнь 歸義軍». Дальше: «Правителемъ Гуй-и-цзюнь назначили А-ли-чжи 阿歷支 съ титуломъ Нинъ-бянь-цзюнь-лунъ 寧邊郡公; Си-у-чжо 習勿噉ъ былъ назначенъ начальникомъ съ титуломъ Чанъ-хуа-цзюнь-лунъ 昌化郡公, У-ло-сы 烏羅思 съ титуломъ Нинъ-шо-цзюнь-лунъ 寧朔郡公. Они назначены были въ то же время главнокомандующими съ разными титулами (гуанъ-цзюнь-да-цзянъ-цзюнь, цзо-сэй-сэй-да-цзянъ-цзюнь). Кромя того Ай-сы-су 愛邪勿ъ былъ назначенъ начальникомъ съ титуломъ Нинъ-сай-цзюнь-лунъ 寧塞郡公 и получилъ еще титулъ Ю-линь-цзюнь-да-цзянъ-цзюнь. Самыя большія привилегіи были даны

какъ самостоятельнаго государства. Слѣдующій годъ былъ роковымъ для нихъ. Китайскіе полководцы *Ши-сюнъ* 石雄 и *Мянь-йѣ* 𠬞 нанесли имъ цѣлый рядъ поражений, отъ которыхъ кочевники уже не могли оправиться. Часть ихъ убѣжала къ какому-то племени *Хэй-чэ* 黑車 (черной телеги)¹⁾, другая поддалась Китаю.

Множество старшинъ ихъ явилось въ столицу, гдѣ получили званія и вышшія отличія китайскихъ чиновниковъ. Ханъ ихъ *Э-нянь-тэ-лэ* не имѣлъ даже средствъ для собственнаго пропитанія и получалъ его отъ *Шо-шэ-лань*, главнаго старшины кумаховъ. Когда же четыре года спустя (847) китайцы нанали на кумаховъ и разбили ихъ, то послѣднее пристанище *хуй-ху* исчезло. *Э-нянь-тэ-лэ* бѣжалъ на западъ, а остатки подвластныхъ ему поколѣній были расхищены и раздѣлены другими, болѣе сильными кочевниками между собою. Вначалѣ ихъ подчинили себѣ племена *ши-вэй* 室韋. Но такого усиленія своихъ сосѣдей не могли вынести хякасы; они напали на *ши-вэй*, отняли у нихъ остатки хуй-хускихъ родовъ и перевели ихъ на старыя кочевья на сѣверную сторону степи. Но ихъ, конечно, тянуло отъ ненавистныхъ хякасовъ, давнишнихъ враговъ ихъ, къ землякамъ. Мы знаемъ, что еще раньше часть хуй-хускихъ племенъ подъ предводительствомъ *Панг-тэ-лэ* удалилась на западъ. Теперь они уже прочно обосновались въ *Гань-чжоу*, и ханъ ихъ распространилъ свою власть далеко на западъ въ страны притянь-

Вэнь-мо-си: кромѣ оружія и подарковъ, ему дано особое знамя, право носить леопардовые хвосты на бунчукѣ и раздавать своимъ офицерамъ платья и шапки китайскаго покроя. Было приказано послѣ этого министру *Дэ-юй* 德裕 составить компиляцію изъ исторіи инородцевъ, которые со временъ Циньской 秦 и Ханьской династій выказывали откровенную покорность и оказывали услуги Китаю. Таковыхъ нашлось 30 человекъ, и императоръ далъ составленному сборнику имя «Исторіи инородцевъ, славныхъ вѣрностью Китаю».

О событіяхъ этихъ же лѣтъ рассказываетъ еще біографія *Чжань-чжунъ-у* (*Чжань-чжунъ-у-чжуань*), но она не даетъ ничего новаго. *Гу-чжунъ-ту-шу*. Гь., т. 19.

1) По мнѣнію В. В. Радлова, *Каням* или *Кань-той*.

шаньскія и Восточный Туркестанъ. Повоноселенцы гань-чжоускіе пытались завести сношенія съ Кнгаемъ, въ чемъ и успѣли. *Гань-то-лэ* получилъ почетный титулъ отъ китайскаго императора и представлялъ ко двору мѣстныхъ пропзведенія, за что при дворѣ его отдаривали въ нѣсколько кратъ больше. Сюда-то и направилсь захваченные хякасами хуй-хускіе роды и мало-помалу всё собралось опять вмѣстѣ, уступивъ уже окончательно и безповоротно востокъ и сѣверо-востокъ степи другимъ сильнѣйшимъ племенамъ. Теперь подъ властью *хуй-ху* находились всё тѣ мѣстности, которые и нынѣ заняты тюркскими племенами въ границахъ Кнгая. Въ первое время надъ всеми главенство принадлежало гань-чжоускимъ *хуй-ху*, но скоро это положеніе дѣлъ должно было измѣниться. Если на сѣверо-востокѣ Гоби ровная степная территория создавала всегда преобладаніе одного поколѣнія надъ другимъ, то здѣсь географическія условія какъ нельзя болѣе способствовали расчлененію государствъ. Гашунская Гоби, или Илхума, протянувшаяся мертвою страной между нынѣшнею провинціею *Гань-су* и странами притяньшаньскимъ, полагала всегда рѣзкое различіе между названными странами. Утвердиться на сѣверѣ ея для южанъ или на югѣ ея для сѣверныхъ народовъ было очень трудно, и всё попытки къ этому оканчивались неудачно вплоть до самаго послѣдняго, уже прочнаго владычества китайцевъ на обѣихъ сторонахъ пустыни. Вспомнимъ, какъ долго продолжались единичные случаи походовъ китайскихъ войскъ въ страны западнаго края. Со времени открытія западнаго края Чжань-цземъ 張騫 при ханьскомъ императорѣ У-ди 武帝 (140—86) они повторялись время отъ времени при всѣхъ болѣе или менѣе сильныхъ династіяхъ, но китайцамъ никогда не удавалось прочно утвердиться въ этомъ краѣ. Тибетцы, явившіеся въ Восточный Туркестанъ и Чжунгарію съ юга, скоро должны были обратиться во свояси. Позднѣе обрраты пытались обосновать свою власть на югѣ въ *Гань-су* и проникнуть въ Тибетъ, и спустя немного времени ихъ принудили вернуться въ родныя кочевья. Только Дай-цзинская династія, упро-

чивъ свое владычество не только на югъ въ *Гань-су*, но далеко на сѣверѣ степи, въ монгольскихъ кочевьяхъ у Алтая, могла подчинить себѣ земли притяньшаньскія. Но и то, сколько было неудачныхъ попытокъ со стороны Китая въ борьбѣ съ мѣстными тюрками, сколько разъ ихъ арміи должны были уходить назадъ, пока наконецъ усиленная система военной колонизаціи сѣвернаго края и постоянныя насильственныя и добровольныя переселенія жителей на югъ степи не сблизили населенія обѣихъ странъ и не усилили ихъ общіе интересы. Последнее обстоятельство вмѣстѣ съ сплюю китайскихъ войскъ оказалось болѣе могучимъ двигателемъ въ ходѣ исторической жизни, нежели отдѣльно взятая естественныя условія страны, и нынѣ вліяніе пустыни уже почти пало подъ усиленною работою человѣка надъ сблизеніемъ разъединенныхъ странъ.

Но если мы видимъ такое положеніе дѣлъ теперь, то во времена Танской династіи природныя условія степи оставались во всей своей силѣ, и остаткамъ могущественнаго раньше хуй-хускаго государства весьма трудно было утвердиться по обѣимъ сторонамъ степи подъ главенствомъ гань-чжоускихъ хановъ.

Здѣсь необходимо принять во вниманіе еще одно обстоятельство. Въ западной части степи могущественнымъ народомъ былъ въ то время *ту-фань*, или тибетцы. Они владѣли Восточнымъ Туркестаномъ и наносили много разъ еще раньше пораженія хуй-хускимъ племенамъ, поселившимся при *Тянь-шани*. Теперь, можетъ быть, подкрѣпленный новыми выходцами изъ восточной Гоби, а, можетъ быть, и самостоятельно усилившейся старшина племени *Пу-гу* 僕固, по имени *Цзюнь-фэ*, изъ *Бэй-тинъ* 北廷 (т. е. Харахочжо) напалъ на ту-фаньскія владѣнія, убилъ у нихъ *Лунь-шанъ-жэ* 論尚熱 и отнялъ *Си-чжоу* 西州 (Харашарь) и *Лунь-тай* 輪臺. Вѣроятно, это значительно способствовало усиленію побѣдителя, потому что въ томъ же году онъ уже независимо отъ гань-чжоускихъ *хуй-ху* отправляетъ посольство къ Танскому двору и ходатайствуетъ о полученіи ханскаго почетнаго титула, каковая просьба его увѣнчивается полнымъ

уси́хомъ¹⁾. Это весьма характерное извѣстіе даетъ понять, что уже въ концѣ Танской исторіи на западѣ зарождалась, а, можетъ быть, и въ значительной степени сформировалась жизнь пришлыхъ *хуй-ху* на новыхъ началахъ: изъ кочевниковъ они должны были превратиться здѣсь въ осѣдлыхъ жителей и пытались, какъ видно, овладѣть всѣмъ Восточнымъ Туркестаномъ.

О восточныхъ *хуй-ху* мы имѣемъ еще одно извѣстіе, что въ 1-й годъ *Цань-фу* при императорѣ *Си-цзунъ* (874) они разбойничали въ *Тянь-дэ*²⁾.

Этимъ собственно оканчиваются свѣдѣнія, сообщаемыя Танскою исторіей о *хуй-ху*. Причина прекращенія официальныхъ записокъ заключается никакъ не въ состояніи хуй-хускихъ племенъ, а въ упадкѣ Танскаго дома. Правленіе послѣднихъ императоровъ его *Чжао-цзунъ* 昭宗 (889—905) и *Ай-ди* 哀帝 (905—907) полно самыхъ удивительныхъ проявленій самовластія вельможъ надъ императорами и страшныхъ беспорядковъ и волненій въ имперіи. Достаточно сказать, что придворные евнухи держали два мѣсяца въ плѣну *Чжао-цзунъ*, назначили правителемъ его наслѣдника и отъ его имени правили государствомъ. Образовалось множество (12) самостоятельныхъ маленькихъ государствъ, правители которыхъ чувствовали свою силу и съ большимъ или меньшимъ его уси́хомъ боролись съ остатками правительственныхъ войскъ³⁾. Едва ли можно думать, что хуй-хускіе кочевники оставляли въ покоѣ Китай въ такое благодатное для нихъ время. Но исторія передаетъ только одинъ фактъ попытки ихъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Танскаго двора. Когда императоръ *Чжао-цзунъ* предпринялъ управленіе въ *Фынъ-цянъ* 鳳翔, то Лишъ-чжоускій 靈州 главнокомандующій *Хань-сунъ* 韓孫 представилъ докладъ, что *хуй-ху* просятъ дозволенія прийти къ нему на помощь съ войсками въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Сопроводилъ *Хань-су* 韓偓

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, IV, л. 20; *Іакинъ*, стр. 424—425.

2) *Гу-цзинь-ту-шу*, IV, л. 21; *Синь-танъ-шу*, *Си-цзунъ-бань-цзи*.

3) *Fries, Abriss der Geschichte China's*, S. 194—202.

говорилъ по этому поводу, что «кочевники — давніе враги Китая. Еще со времени правленія Хуй-чанъ (841 г.) они посматриваютъ на границу, но крылья у нихъ еще не совсѣмъ оперились, почему и не могутъ ничего сдѣлать. Нынѣ же, пользуясь разстроеннымъ положеніемъ нашимъ, они надѣются успѣть въ своихъ домогательствахъ. Посему ихъ не должно пускать». Въ виду такого мнѣнія предложеніе кочевниковъ оставили безъ отвѣта. «Впрочемъ», замѣчаетъ исторія, «царство хуй-ху въ то время не могло прійти въ большую силу. По временамъ пріѣзжали они въ пограничныя области промѣнивать нефритъ и лошадей»¹⁾.

Такимъ образомъ поколѣнія хуй-хэскія, усилившіяся въ лицѣ одного изъ своихъ представителей *сѣ-янъ-то* во времена Танскаго Гао-цзу 高祖 (618—627) и окончательно упавшія при послѣднихъ императорахъ названной династїи, какъ обитатели Гань-чжоу и западнаго края, должны вполнѣ считаться современниками Танскаго дома. Послѣдній способствовалъ ихъ усиленію въ борьбѣ съ жу-жаниями и дулгасцами; онъ же и раздавилъ ихъ, постепенно ослабивъ сплюю своей полптики, когда нашелъ это для себя возможнымъ.

Какая же дальнѣйшая судьба племенъ хуй-ху?

Глава V.

Хуй-ху въ періодъ У-дай.

Время пяти династїй должно считаться продолженіемъ тѣхъ безпорядковъ въ Среднемъ государствѣ, которые начались при концѣ правленія дома Танъ. Теперь въ теченіе 50 лѣтъ царствуютъ пять династїй послѣдовательно.

Въ высшей степени слабыя, онѣ, въ свою очередь, не въ состояніи были противиться образованію новыхъ маленькихъ государствъ, существовавшихъ наряду съ сильнѣйшими. Такимъ

1) Гу-чзинь-ту-шу, Пь., т. 20; Хуй-тэ-бэнъ-чжуань; Іак., стр. 425.

образомъ Китай представлялъ собою множество владѣній, ставшихся уничтожить другъ друга и истощавшихъ страну ужасными нашествіями и поборами. Въ сущности анархія царила полная, и о правильномъ ходѣ государственной жизни не могло быть и рѣчи. Естественно поэтому, что исторія періода *У-дай* далеко не богата свѣдѣніями объ иноподданыхъ вообще и о *хуй-ху* въ частности. Однако память объ нихъ еще не совсѣмъ угасла при дворѣ, и появленія хуй-хускихъ пословъ съ данью то тому то другому императору заставляли историковъ заносить ихъ имена на страницы лѣтописей. Свой отдѣлъ о *хуй-ху У-дай-ши* предваряетъ введеніемъ, въ которомъ даетъ краткія, но интересныя свѣдѣнія объ ихъ состояніи въ данный періодъ.

«Во времена Танской династіи», пишетъ лѣтописецъ, «иногородцы *хуй-ху* доставляли много хлопотъ правительству. Дѣла ихъ правителей и нравы ихъ государства разсматриваются въ Танской исторіи. Танскіе государи выдавали за нихъ замужъ своихъ дочерей и потому дѣлались ихъ старшими родственниками. Государство *хуй-ху* сначала находилось на рѣкѣ *Со-линъ-шуй* 娑陵水 (Селенгѣ), потомъ было разграблено хякасами и переселившись заняло мѣста между *Тянь-дэ* и *Чжэнь-ву*. Потомъ два китайскіе полководца *Ши-сюнъ* 石雄 и *Чжанъ-чжунъ-ву* 張仲武 нанесли имъ сильное пораженіе, послѣ котораго остатки ихъ переселились на западъ и сдѣлались данниками ту-фаней. Въ это время ту-фаней сами напали на земли, лежащія на западъ отъ *Шань-си*, называемыя *Хэ-си* 河西 и *Лунъ-гу* 隴古; вмѣстѣ съ ними разсыпались и смѣшались и *хуй-ху*. Въ періодъ *У-дай хуй-ху* опять объединились и жили въ *Гань-чжоу* 甘州 и *Сичжоу* 西州. Отсюда они имѣли частыя сношенія съ Китаемъ, и гань-чжоускіе *хуй-ху* особенно часто приходили ко двору, гдѣ и сдѣлались родственниками императоровъ. Китай отвѣчалъ на ихъ запросы указами, въ которыхъ императоры называли ихъ племянниками».

Всѣ свѣдѣнія объ иноподданыхъ ограничиваются въ этотъ періодъ почти голою записью прибытія ихъ пословъ. Вотъ они.

При династїи Хоу-Лянъ 後梁 (907—923) въ 1-й лунѣ перваго года правленія Цянь-хуа императора Тай-цзу 太祖 отъ хуй-ху прибылъ ко двору командированный ду-ду Чжоу-и-янъ 周易言. Въ исторїи не записано имя его государя. Послы кланялись императору, послѣ чего Чжоу-и-янъ и другіе были награждены чиновными достоинствами, и посланъ былъ съ ними цзо-цзянь-мынь-вэй-шанъ-цзянъ-цзюнь Янъ-чжао 楊沼 проводить пословъ на обратномъ пути къ ту-фанямъ¹⁾. Въ главѣ Цэ-фу-юань-гуй 冊府元龜 то же событіе рассказывается такъ: въ 1-й годъ Цянь-хуа въ 12-й лунѣ императоръ принималъ въ залѣ Чао-юань-дянь сановниковъ (шоу-минъ) — посланцевъ двухъ большихъ государствъ: хуй-хускаго и ту-фаньскаго, пришедшихъ для представленія ко двору.

Оба посла въ санѣ шанъ-кай-со-си-дао 扇開所司道 вмѣстѣ со свитою изъ 122 человекъ кланялись государю во дворцѣ, при чемъ каждый представилъ адресъ своего государя, произведенія своей страны и выразилъ знаки подданства²⁾.

То же посольство получило еще разъ аудіенцію у государя во 2-й годъ правленія Цянь-хуа, въ 11-й лунѣ³⁾.

Вотъ всѣ извѣстія о хуй-ху изъ временъ династїи Хоу-Лянъ.

Еще не успѣлъ пасть Хоу-Лянъ, какъ среди другихъ домовъ возвысилась новая династїя Хоу-Танъ 後唐 (923—936) и скоро свергла съ трона свою предшественницу. Узнавши объ этомъ, хуй-ху сейчасъ же прислали пословъ къ новому двору. Именно во 2-й годъ правленія Тунъ-гуанъ (924) при императорѣ Чжуанъ-цзунъ 莊宗, въ 4-й лунѣ прибыли хуй-хускіе ду-ду Ли-инъ 李引, помощникъ буддійскаго посланника (ши-цзя-фу-ши 釋迦副使) Тянь-тѣ-минъ 田鐵林, начальникъ тюремъ 都監 Янъ-фу-анъ 楊福安 со свитою изъ 66 человекъ⁴⁾. Въ 6-й лунѣ подъ знаменъ 巳丑 они получили аудіен-

1) Гу-цзинъ-ту-шу, Ів., л. 21; У-дай-ши, Лянъ Тай-цзу, Хуй-ху-чжуанъ.

2) Гу-цзинъ-ту-шу, Ів., л. 21; Цэ-фу-юань-гуй.

3) Ibidem, Цэ-фу-юань-гуй.

4) Ів., У-дай-ши, Цэ-фу-юань-гуй.

цію и представили въ даръ 9 штукъ прекрасныхъ лошадей и кусокъ бѣлой яшмы.

Жили они въ *Гань-чжоу* и называли своего государя *Юань-чжи-кэ-хань Жэнь-мэй* 權知可汗仁美¹⁾.

Императоръ *Чжуань-цзунъ* командировалъ министра земледѣлія и финансовъ (*сы-пунъ-цинъ* 司農卿) *Чжэнь-ци* 奠績 съ грамотою къ *Жэнь-мэй* и пожаловалъ послѣднему титулъ *Инъ-и хана* 英義可汗. Въ этомъ же году *Жэнь-мэй* умеръ. Его младшій братъ *Ли-инь* 狄銀 вступилъ на престолъ и прислалъ ко двору *ду-ду* *Ань-цянь-сяна* 安千想²⁾.

Въ 11-й лунѣ новоприбывшій посолъ получилъ аудіенцію у государя и представилъ ему въ даръ яшму, лошадей, верблюдовъ и пр.³⁾.

Ли-инь однако правилъ своимъ народомъ недолго. Въ слѣдующемъ же году онъ умеръ, а въ 4-й годъ правленія *Тунъ-цунъ* (926) въ 1-й лунѣ прибылъ посолъ отъ новаго хуй-хускаго хана *А-ду-юя* 阿咄欲⁴⁾.

Два года спустя при императорѣ *Минъ-цзунъ* 明宗, во 2-й годъ правленія *Тянь-чэнъ* (928) въ 12-й лунѣ подъ знаками *И* 丑 прибылъ ко двору хуй-хускій посолъ⁵⁾.

Въ 3-й годъ правленія *Тянь-чэнъ* (929) въ 1-й лунѣ прибылъ ко двору посолъ *Ли-а-шань* 李阿山 для представленія даней отъ правителя государства *Цюань-чжи-ю* 權知國.

Во 2-й лунѣ ему со свитою пзъ 18 человекъ дана аудіенція и приняты принесенные подарки⁶⁾.

Въ 5-й лунѣ подъ знаками *Син* 酉 *шань-цзянь-цзюнь* *Чжао-цзинъ-и* 趙敬怡 сдѣланъ секретнымъ посланникомъ, и ему поручено было наградить хуй-хускаго хана, вана *Жэнь-юй* 仁裕, титуломъ *шунь-хуа-хань* 順化可汗⁷⁾.

1) *Ив.*, *У-дай-ши*, *Танъ Чжуань-цзунъ-бэнь-цинъ*.

2) *Ibidem*, *Хуй-ху-бэнь-чжуань*.

3) *Ив.*, *Цэ-фу-юань-шуй*.

4) *Ив.*, *У-дай-ши*; *Танъ Чжуань-цзунъ-бэнь-цинъ*; *Хуй-ху-бэнь-чжуань*.

5) *Ив.*, *У-дай-ши*; *Танъ Минъ-цзунъ-бэнь-цинъ*.

6) *Ив.*, *У-дай-ши*; *Цэ-фу-юань-шуй*.

7) *Ив.*, *У-дай-ши*; *Танъ Минъ-цзунъ-бэнь-цинъ*.

Въ 8-й вставочной лунѣ посланъ посоль съ докладомъ о дани. Въ 12-й же лунѣ командированъ посоль для представленія дани¹⁾.

Въ слѣдующемъ 4-мъ году правленія *Тянь-чэнъ* приходило въ 1-й лунѣ подъ знаками 壬辰 хуй-хуское посольство, имѣя во главѣ *ду-ду Чжи-бо* 都督掣撥.

Въ 1-й годъ правленія *Чжанъ-синъ* пріѣзжали ко двору три хуй-хускихъ посольства.

Въ 5-й лунѣ подъ знаками 丁丑 прибыли посоль *Нь-ми-цзу* 孽孽祖; въ той же лунѣ подъ знаками 庚辰 прибыли *Ань-хэй-лянъ* 安黑連, а въ 12-й лунѣ подъ знаками 丁巳 пріѣзжалъ отъ хуй-хускаго *Шунь-хуа*-хана *Жэнь-юя* посоль *Ди-мо-сы* 翟末斯.

Во 2-й годъ *Чжанъ-синъ* (931), во 2-й лунѣ подъ знаками 己巳 пріѣзжалъ хуй-хускій посоль *Ань-юнь-сы* 安永思.

Въ 3-й годъ (932) въ 1-й лунѣ 己酉 пріѣзжалъ хуй-хускій посоль²⁾.

Въ 4-й годъ (934) въ 7-й лунѣ 乙未 прибыли ко двору хуй-хускіи *ду-ду Ли-мо* 李末 и представилъ пару бѣлыхъ речетовъ. Императоръ приказалъ выпустить ихъ на волю³⁾.

При императорѣ *Минь-ди* 愍帝 было еще одно посольство въ 1-й годъ правленія *Пинь-шунь* (934), въ 1-й лунѣ отъ хуй-хускаго хана *Жэнь-мэй*⁴⁾.

Последнимъ же намъ извѣстнымъ посольствомъ при *Хоу-Танской* династіи было явившееся при императорѣ *Фэй-ди* 廢帝, во 2-й годъ *Цинъ-тай* (935), въ 7-й лунѣ подъ знаками 丁酉 подъ главенствомъ *ду-ду Чэнь-фу-хай* 陳福海 отъ хуй-хускаго вана *Жэнь-мэй*⁵⁾.

Приведенныя данныя изъ періода династіи *Хоу-Танъ* называютъ намъ нѣсколько преемственно управлявшихъ хуй-хусами

1) Пв., *Цэ-фу-юань-юй*.

2) Пв., *У-дай-ши*; Тамъ *Минь-цзунь-бэнь-цзи*.

3) Пв., *У-дай-ши*; Тамъ *Минь-цзунь-бэнь-цзи*.

4) Пв., *У-дай-ши*; Тамъ *Минь-цзунь-бэнь-цзи*.

5) Пв., *У-дай-ши*; Тамъ *Фэй-ди-бэнь-цзи*.

хановъ. Таковы: *Жэнь-мэй*, *Ди-инь*, *А-ду-юй*, *Жэнь-юй* и въ концѣ опять *Жэнь-мэй*, созвѣстникъ того, что стоятъ на первомъ мѣстѣ. Характернымъ и загадочнымъ явленіемъ намъ кажется названіе государства, изъ котораго являлись послы.

Что это за *Цюань-чжи-го* 權知國, остается загадкою.

Исторія смѣнявшей домъ *Хоу-Танг* 後唐 *Хоу-Цзиньской* 後晉 (936—947) династія сообщаетъ также очень немного свѣдѣній о *хуй-ху* и то больше изъ области ихъ посольствъ.

Вотъ они:

При императорѣ *Гао-цзу* 高祖 въ 3-й годъ правленія *Тянь-фу* (938), въ 3-й лунѣ подъ знаками 壬戎 прибылъ посолъ хуй-хускаго хана вана *Жэнь-мэй*, по имени *Ди-цюань-фу* 翟全福, а въ 9-й лунѣ того же года подъ знаками 巳未 прибылъ посолъ *Ли-вань-цзинь* 李萬金¹⁾.

На слѣдующій годъ (939) въ 3-й лунѣ подъ знаками 乙巳 пріѣзжалъ ко двору хуй-хускій посолъ *И-ти-дунь* 拽里敦, а въ 4-й лунѣ пожаловали хуй-хускаго вана *Жэнь-мэй* титуломъ *Фынъ-хуа-хана* 奉化可汗²⁾.

Въ 5-й годъ *Тянь-фу* (940), въ 1-й лунѣ подъ знаками 己丑 прибылъ хуй-хускій посолъ *Ши-хай-цзинь* 石海金³⁾.

При императорѣ *Чу-ди* 出帝, вступившемъ на тронъ въ 7-й годъ правленія *Тянь-фу* (942), въ 6-й лунѣ, въ 10-й лунѣ того же года подъ знаками 庚午 ко двору прибылъ хуй-хускій посолъ⁴⁾.

Въ 3-й годъ правленія *Кай-цзюнь*, во 2-й лунѣ подъ знаками 丙子 пріѣхалъ ко двору хуй-хускій посолъ *ту-кюэсецз* 突厥陸⁵⁾.

Свѣдѣнія о хуй-хускихъ именахъ къ данному періоду у китайцевъ начали уже путаться и терять прежнюю ясность и отчетливость. Это видно прежде всего изъ того, что лѣтописи Хоу-

1) Пь., У-дай-ши; Цзинь Гао-цзу-бэнь-цзи.

2) Пь., У-дай-ши; Цзинь Гао-цзу-бэнь-цзи.

3) Пь., У-дай-ши; Цзинь Гао-цзу-бэнь-цзи.

4) Пь., У-дай-ши; Цзинь Чу-ди-бэнь-цзи.

5) Пь., У-дай-ши; Цзинь Чу-ди-бэнь-цзи.

Танской и Хоу-Цзиньской династий не сохраняютъ однообразія въ употребленіи самаго имени *хуй-ху*, а очень часто называютъ ихъ старымъ, давно измѣненнымъ именемъ *хуй-хэ* 回紇. Засимъ они дѣлаютъ поясненія объ ихъ странѣ и государяхъ, въ которыхъ, очевидно, чувствовалась для современниковъ, а, можетъ быть, и для самихъ писателей нужда. Такъ подъ 939 г. (4-й годъ *Тянь-фу*) *Хуй-ху-бэнь-чжуань* пишетъ слѣдующее:

«Хуй-хускій ванъ *Жэнь-юй* 仁裕 Цзиньскимъ *Гао-цзу* былъ пожалованъ титуломъ *Фынъ-хуа*-хана 奉化可汗. *А-ду-юй* не имѣлъ этого титула; *Ди-инь*, бывший то въ близкихъ то въ далекихъ отношеніяхъ съ дворомъ, также не имѣлъ его; вскорѣ по вступленіи на тронъ онъ умеръ, а *Жэнь-юй* прекратилъ частые приходы ко двору и приношеніе даней. Здѣсь получается смѣшеніе двухъ именъ хановъ *Жэнь-мэй* 仁美 и *Жэнь-юй* 仁裕. По Хоу-Танской исторіи преемникомъ хана *А-ду-юй* былъ *Жэнь-юй*, а потомъ исторія называетъ имя хана *Жэнь-мэй*. Былъ ли это одинъ ханъ или два, мы не знаемъ. Вѣроятно, одинъ, такъ какъ въ Хоу-Цзиньской исторіи глава *Гао-цзу-бэнь-цзи* говорить, что императоръ пожаловалъ титулъ *Фынъ-хуа*-хана вану *Жэнь-мэй*, а по *Хуй-ху-бэнь-чжуань* тотъ же титулъ получилъ *Жэнь-юй*. Во всякомъ случаѣ это служитъ подтвержденіемъ дальнѣйшихъ словъ лѣтописи, что «историкки потеряли нить въ веденіи записокъ».

Вѣроятно, въ силу этой же бѣдности свѣдѣній глава о *хуй-ху* находятъ нужнымъ предложить нѣкоторыя данныя о странѣ этихъ иородцевъ.

«Земля *Хуй-ху*», пишется здѣсь, «производитъ яшму, яковъ, зеленыхъ дикихъ лошадей 綠野馬, дромодеровъ, бѣлыхъ соболей, мышей, большихъ дикихъ барановъ съ тонкими рогами, содержащими въ себѣ лѣкарственное вещество¹⁾, нашатырь, почки морской собаки²⁾, алмазь, красныя зеркала, ковровыя

1) Вѣроятно, родъ мараловъ, рога которыхъ цѣнятся очень дорого.

2) 膾 臑 臍. Такъ переведено въ слов. Паладія и Попова, т. II, стр. 51. Мы не знаемъ, что это такое.

шелковыя узды для лучшихъ лошадей. Еще имѣется въ ихъ странѣ бѣлая пшеница¹⁾, особаго рода бумага изъ пеньки, окрашенная особымъ составомъ для предохраненія отъ *мо-ли* 黄麻, полевой тминъ²⁾. Пашутъ и обрабатываютъ тамъ землю верблюдами. Хань ихъ живутъ въ теремахъ, женамъ своимъ даютъ титулъ «небесныхъ принцессъ» 天公主. Государства ихъ носятъ общее названіе *Мэй-лу* 媚祿. Генераль (*ду-ду*), когда является къ государю, снимаетъ шапку, покрываетъ волосы и потомъ уже входитъ, — того требуютъ ихъ правила приличія. Женщины ихъ вообще дѣлаютъ изъ волосъ на головѣ хохолъ вышиною въ 5—6 вершковъ и обертываютъ его шелковой тканью, а когда выходятъ замужъ, то прибавляютъ еще къ этому ковровыя шапки.

Есть еще поколѣніе, называемое *лунъ-цзя* 龍家; его нравы съ *хуй-хэ* (sic) нѣсколько различны³⁾.

Удивительно, что отъ періода Хоу-Ханьской 後漢 династїи, занимавшей тронъ только три года (947—950), до насъ дошло два извѣстія о хуй-хускихъ посольствахъ.

При императорѣ *Инь-ди* 隱帝, въ 1-й годъ правленія *Цянь-го* (947), въ 5-й лунѣ подъ знаками 己未 прибылъ хуй-хускій посоль.

Во 2-й годъ *Цянь-го* (948) въ 6-й лунѣ подъ знаками 辛卯 прибылъ хуй-хускій посоль *шоу-минъ Янь-янь-сянъ* 楊彥均⁴⁾.

При смѣнившемъ Хоу-Ханьскую династію домѣ *Хоу-Чжоу* 後周 (951—960) подъ 1-мъ годомъ правленія *Куанъ-шунъ* императора *Тай-цзу* (951), во 2-й лунѣ подъ знаками 辛丑 сохранилось извѣстіе о прибытіи посольства отъ си-чжоускихъ 西州 *хуй-ху* въ лицѣ какого-то *ду-ду*. Въ той же лунѣ подъ

1) Здѣсь оставляемъ безъ перевода 青稞麥; о среднемъ іероглифѣ *Гу-цзинъ-ту-шу* дѣлаетъ замѣчаніе, что его нѣтъ и въ *Канъ-си-цзи-дзи*.

2) 胡蓼 собственно значить «душистая овощь, привезенная Чжанъ-пянемъ съ запада». Взялись переводить «полевой тминъ».

3) *Иъ*, У-дай-ши; *Хуй-хэ-бэнь-чжуань*.

4) *Иъ*, У-дай-ши; Хань *Инь-ди-бэнь-цзи*.

знаками 丁巳 отъ хуй-ху (гань-чжоускихъ, къ плени кото-
рыхъ не прибавляется опредѣленія) прѣхалъ посоль Мо-ни 摩
尼, т. е. мавяней.

Въ 3-й годъ Куанъ-шунъ, въ 1-й прибавочной лунѣ подъ зна-
ками 丙戎 прибылъ хуй-хускій посоль Ду-чэнъ-сянъ-оэнъ 獨
呈相温¹⁾.

При императорѣ Ши-чунъ 世宗, въ 1-й годъ правленія
Сянъ-дэ (954), во 2-ой лунѣ подъ знаками 庚戎 прибылъ хуй-
хускій посоль. Въ 5-й лунѣ подъ знаками 丁酉 прибылъ хуй-
хускій посоль Инъ-нанъ-ди-мо 因難敵略.

Въ 5-й годъ правленія Сянъ-дэ (958), въ 4-й лунѣ подъ зна-
ками 壬申 прибыло хуй-хуское посольство²⁾.

На слѣдующій годъ въ 3-й лунѣ подъ знаками 己酉 хуй-
хэ (sic) пришли и представили въ даръ яшму, но отъ нея от-
казались³⁾. Объясненіе этого явленія мы находимъ въ главѣ о
хуй-ху. Эти инородцы со временъ императора Минъ-цзунъ
(927—933), т. е. второго императора Хоу-Танской династїи,
постоянно привозили на коньяхъ ярмарки въ Китаѣ яшму для
продажи. Уѣздные чиновники и народъ возмущались этимъ и
запрещали продавать ее подъ тѣмъ предлогомъ, что торговцы
приносятъ имъ большой вредъ. Во времена Чжоускаго Тай-цзу
поэтому многіе добывали у хуй-ху яшму путемъ частныхъ кон-
трабандныхъ покупокъ, и цѣна на нее упала. Когда въ правле-
ніе Сянъ-дэ хуй-ху прибыли ко двору и представили яшму, Ши-
цзунъ сказалъ: «Яшма, хотя и драгоцѣнна, но не высокая, и
я отказываюсь отъ нея»⁴⁾.

Это извѣстіе имѣетъ для насъ большую важность. Нужно
имѣть въ виду, что кочевники всегда мало размышляли о томъ,
чтобы приносить цѣнные подарки Китаю. Ихъ подарки являлись
только поводомъ для полученія подарковъ съ стороны Китая, и

1) Ib., У-дай-ши; Чжоу Тай-цзу-бэнь-цзи.

2) Ib., Шанъ-у-дай-ши, Чжоу Ши-цзунъ-бэнь-цзи.

3) Ib., У-дай-ши, Чжоу Ши-цзунъ-бэнь-цзи.

4) Ib., У-дай-ши, Чжоу Хуй-хэ-бэнь-цзунъ.

цѣнность послѣднихъ, безотносительно къ цѣнности инородческихъ подарковъ, бывала пропорціональна политической силѣ кочевниковъ и опасности, которая могла угрожать отъ нихъ Китаю. Если Китай боялся нашествія варваровъ и не могъ противопоставить имъ своихъ войскъ, то онъ откупался дорогою цѣной; въ противномъ случаѣ цѣна падала. Теперь, видимо, значеніе *хуй-ху* упало совершенно, и страхъ передъ ними у населенія исчезъ. Вспомнямъ, какъ при Танской династіи *хуй-хэ* бѣлымъ днемъ грабили базары, разбивали тюрьмы и выпускали оттуда на волю своихъ земляковъ, посаженныхъ китайскими властями, подвергая представителей послѣднихъ побоямъ и истязаніямъ. Теперь, очевидно, все измѣнилось. Уѣздныя власти запрещаютъ кочевникамъ являться на рынки, а императоръ, самъ по себѣ слабый, безсильный противиться придворнымъ и внутреннимъ государственнымъ безпорядкамъ и нашествіямъ сильныхъ киданей, гонитъ *хуй-ху* со двора, отказывая имъ въ традиционныхъ подаркахъ.

Глава VI.

Хуй-ху въ періодъ Сунской 宋 (960—1280), Ляоской 遼 (916—1125), Цзиньской 金 (1125—1234) и Юаньской 元 (1280—1367) династій.

Своимъ утверженіемъ на тронѣ Средней имперіи Сунская династія уничтожила мало-по-малу изнурившія страну волненія и неурядицы и дала ей покой. Жизнь государственная получила правильное направленіе и постепенно приняла нормальный ходъ, нарушавшійся столь долгое время. Поэтому и исторія Сунской династіи существенно отличается отъ своихъ предшественницъ, которыя по безпорядочности и неполнотѣ служили лучшимъ отраженіемъ своего времени. Даже и свѣдѣнія объ инородцахъ въ Сунской исторіи несравненно полнѣе и отчетливѣе, чѣмъ данныя изъ періода *У-дай*, а введеніемъ въ изложеніе

современныхъ событій лѣтопись Сунская внесить много поясненій и дополненій въ разбросанный отрывочный лепетъ своей предшественницы.

«Хуй-ху», пишетъ историкъ Сунской династїи, «суть потомки сюнъ-ну. Жили они на сѣверъ и западъ отъ Тянь-дэ, по рѣкѣ Со-линъ-шуй 娑陸水 (Сезенгѣ). При Бэй-Вэйской династїи носили названіе тэ-лэ 鐵勒, въ началѣ Танской династїи назывались тэ-лэ 特勒, а позже — хуй-хэ 回紇. Старшина ихъ назывался ханомъ. Со времени Чжэнь-гуанъ (627—649) и послѣ они непрерывно представляли ко двору дань. Въ началѣ годовъ правленія Чжи-дэ (756—760), приславъ войско, они помогли Среднему государству справиться съ возмущеніемъ Амь-лу-шаня. Потомъ правительство оказывало имъ милости и научало ихъ церемонїямъ, хотя это и было очень тяжело. Опираясь на свои заслуги, варвары самовольничали во дворцѣ, а правительство, хотя и со скорбію, но просило ихъ не излишествовать и волею-неволею слушалось ихъ и слѣдовало ихъ желанїямъ. Въ правленіе Юань-хэ (806—820) они просили взмѣнить имя хуй-хэ на хуй-ху. Въ годы Хуй-чанъ (841—846) ихъ государство прешло въ упадокъ, у нихъ начались волненія, всѣ единомышленники-начальники сгруппировались вокругъ племянника по женской линїи цзянъ-цзюня Панъ-лэ 龐勒 (т. е. Панъ-тэ-лэ) и поспѣшно двинулись на западъ въ Амь-си 安西. Такимъ образомъ хуй-ху сдѣлались господами въ Ю-чжоу 幽州¹⁾).

Полководецъ Чжанъ-чжунъ-су былъ разбитъ Панъ-лэ, и послѣдній самъ назвался ханомъ. Хуй-ху жили тогда въ Гань-чжоу, Ша-чжоу 沙州 и Си-чжоу, хотя и не могли уже вернуть себѣ прежняго могущества.

При династїяхъ періода У-дай: Хоу-Лянъ, Хоу-Танъ, Хоу-Цзинь, Хоу-Хань и Хоу-Чжоу всѣ они присылали пословъ съ данью ко двору.

При Хоу-Тэнъ указомъ данъ былъ ихъ государственному вану Жэнь-мэй титулъ Инъ-и-хана. По смерти Жэнь-мэя на пре-

1) Земли въ юго-западномъ Ордоѣ.

столъ вступилъ его младшій братъ *Жэнь-юй* и указомъ былъ сдѣланъ *Шунь-хуа*-ханомъ. При Цзиньской династїи произошла перемѣна, и его сдѣлали *Финг-хуа*-ханомъ¹⁾. По смерти *Жэнь-юя* взошелъ на престолъ сынъ его *Цзинь-цзюнь* 景瓊. Раньше этого Танскіе государи одинъ за другимъ выдавали замужъ за нихъ своихъ царевенъ, посему *хуй-ху* называли императоровъ дядьями, а въ указахъ и отвѣтахъ имъ императоры называли ихъ племянниками по женской линїи. Послѣ періода *У-дай* все оставалось въ прежнемъ видѣ²⁾.

Привыкшіе являться на поклонъ ко двору въ періодъ *У-дай*, *хуй-ху* не замедлили примѣнить то же и къ Сунской династїи. И вотъ, во 2-й годъ правленія *Цянь-дэ* (961) въ 12-й лунѣ при императорѣ *Тай-цзю* зимою прибылъ отъ хуй-хускаго хана *Цзинь-цзюнь* посолъ и представилъ въ даръ произведенія страны³⁾.

На слѣдующій годъ (962) въ 4-й лунѣ лѣтомъ явился ко двору хуй-хускій *ду-ду* 咄咄 со свитою изъ 12 человекъ и представилъ въ даръ произведенія страны⁴⁾.

Два года спустя (964) въ 2-й годъ правленія *Цянь-дэ* въ 1-й лунѣ прибылъ посолъ для представленія дани, состоявшей изъ 100 кусковъ яшмы, 40 гиповъ янтара, коровьихъ хвостовъ, соболей и пр.⁵⁾.

Въ 3-й годъ *Цянь-дэ* (965) приходило три посольства отъ *хуй-ху*.

Въ 3-й лунѣ прибылъ посолъ *Чжао-данг-ши* 趙黨誓 со свитою изъ 17 человекъ и представилъ въ дань яшму, янтарь, красные и бѣлые коровьи хвосты⁶⁾. Въ 11-й лунѣ юань-чжоускіе *хуй-хэ* прислали посломъ *хэ-шана* для представленія въ даръ драгоценной реликвіи — зуба Будды. Третье посольство прибыло въ 12-й лунѣ тоже изъ *Гань-чжоу*⁷⁾.

1) Вотъ и разгадка путаницы исторїи *У-дай*.

2) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ів., к. 23; *Сунь-ши*, *Хуй-ху-чжуань*, па. 490, к. 12.

3) Ів.; *Сунь-ши*, *Тай-цзю-бэнь-цзи*, па. 1, к. 10; *Хуй-ху-чжуань*, па. 490, к. 12.

4) Ів., *Сунь-ши*, *Тай-цзю-бэнь-цзи*, па. 1, к. 11; *Хуй-ху-чжуань*, па. 490, к. 12.

5) Ів.; *Сунь-ши*, *Тай-цзю-бэнь-цзи*, па. 1, к. 16; *Хуй-ху-чжуань*, па. 490, к. 12.

6) Ів., *Сунь-ши*, *Тай-цзю-бэнь-цзи*, па. 2, к. 1; *Хуй-ху-чжуань*, па. 490, к. 12.

7) Ів., *Сунь-ши*, *Тай-цзю-бэнь-цзи*, па. 2, к. 2.

Во 2-й годъ *Кай-бао* (969) въ 11-й лунѣ прибылъ посольство съ дарами изъ произведеній страны; вообще въ этотъ годъ постоянно присылали они посольство съ данью изъ мѣстныхъ произведеній. Ихъ министръ *Цюй-сянь-ю* 丘 兪 越 также прислалъ въ дань лошадей¹⁾.

При второмъ императорѣ Сунской династии *Тай-цзунь* 太宗 послы продолжали появляться, впрочемъ къ тому, кажется, была даже со стороны китайскаго правительства. Именно во 2-й годъ правленія *Тай-нинь-синь-ю* (978) зимою командировали дворцоваго чиновника *Чжань-цань* 張 燦 къ *хуй-ху* съ высочайшимъ указомъ, объявлявшимъ гань-чжоускихъ и ша-чжоускихъ хановъ племянниками императоровъ по женской линіи. Имъ были пожалованы сосуды, шелковыя матеріи, отличныя лошади, прекрасная лиша, верховныя лошади, телеги и восьмиугольная съ круглымъ отверстіемъ лиша, употребляемая при жертвоприношеніяхъ землѣ²⁾.

Обласканные такимъ вниманіемъ, котораго они давно уже не видѣли, кочевники не замедлили отвѣтить посольствомъ, прибывшимъ изъ *Гань-чжоу* и *Ша-чжоу* въ 3-й лунѣ 5-го года *Тай-нинь-синь-ю* (981); въ даръ представлены были дромадеры, отличныя лошади, кораллы и шгарь. Ханъ *Гань-чжоу* и *Ша-чжоу* назывался *В-ю-хэ-ми-ли-гэ* 夜 羅 紇 密 禮 遏, а имя посла было *Нэй-и-ди* 裴 溢 的; свита его состояла изъ 4 человекъ³⁾.

Въ 1-й годъ *Юнь-си* (984) въ 4-й лунѣ *хуй-ху* вмѣстѣ съ хэ-шаномъ *Юнь-ши* 永 三 в челоуѣкомъ персидской религіи *波斯外道*, по имени *А-ли-янь* 阿 里 烟, представили дань⁴⁾, а въ слѣдующей лунѣ того же года явилось ко двору посольство отъ ся-чжоускихъ *西 州 хуй-ху* съ данью⁵⁾.

1) *Ив.*, *Сунь-ши*, *Тай-цзунь-бэнь-цзи*, цз. 2, л. 9; *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 12.

2) *Гу-цзинь-ту-шу*, *Ив.*, л. 24. *Сунь-ши*, *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 12.

3) *Ив.*, *Сунь-ши*, *Тай-цзунь-бэнь-цзи*, цз. 4, л. 12; *Хуй-хэ-чжуань*, цз. 490, л. 12.

4) *Ив.*, *Сунь-ши*, *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 13, 1—2.

5) *Ив.*, *Сунь-ши*, *Тай-цзунь-бэнь-цзи*, цз. 4, л. 19.

Въ 4-й годъ Юнь-си (987) глава четвертаго рода хэ-ло-чуаньскихъ 合羅川 хуй-ху прислалъ ко двору посольство съ данью¹⁾.

Во 2-й годъ Дуань-чунь (989), въ 9-й лунь хуй-хускій ду-ду Ши-жэнь-чжэнь-мо-ло-вань-цзы 石仁政麼囉王子, Мо-на-вань-цзы 邏罕王子 и Юэ-чу-сюнь-цзинь 趙黜巡檢 изъ округа Хуань-шуй-чжоу 黃水州 отъ 4-хъ поколѣній, жившихъ вмѣстѣ у горъ Хэ-лань-шань 賀蘭山 и оказавшихся не въ состояніи самоуправляться, пришли ко двору и представили въ дань отъ всѣхъ аймаковъ много произведеній своей земли. Мо-ло-вань-цзы сказалъ при этомъ: «Въ прежнее время Линь-чжоускій Фынъ-гуй 靈州馮歸 заграждалъ намъ путь, потому и дань представлять было невозможно; теперь же явилась мысль о подданствѣ, о чемъ мы и просимъ». Тогда каждый былъ пожалованъ разноцвѣтнымъ кафтаномъ и серебрянымъ поясомъ²⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ правленіе двухъ первыхъ императоровъ Сунскаго дома связь Китая съ хуй-ху не только возобновилась, но и постепенно укрѣпилась, поддерживалась постоянными сношеніями. Только характеръ политическихъ отношеній радикально измѣнился. Хуй-ху, чувствуя свою слабость и силу Сунскаго дома, уже не претендуютъ на какую-либо большую роль въ Китаѣ; они довольствуются подачками отъ двора и оставляютъ жителей Средней имперіи пока въ совершенномъ покоѣ. То же вѣдывъ и дальше.

При императорѣ Чжэнь-цзунъ 眞宗, въ 1-й годъ правленія Сянь-пинь (998), въ 12-й лунь прибылъ отъ хуй-ху посоль съ данью.

Спустя три года (1001) лѣтомъ въ 4-й лунь ихъ хань Лу-шэнь 祿勝 отпривалъ посломъ Цао-вань-туна 曹萬通 и представилъ въ дань лшму, узды, отличныхъ лошадей, одиогорбыхъ и безгорбыхъ верблюдовъ, желѣзо, шпаги, латы и стек-

1) Ib., Сунь-ши, Хуй-ху-чжуань, цз. 400, л. 18.

2) Ib., Сунь-ши, Хуй-ху-чжуань, цз. 6, л. 6.

лянные сосуды. *Цао-вань-тунъ* самъ сказалъ, что онъ «посланникъ отъ совѣта *Шу-ми*¹⁾ изъ своей родины. Его родная страна на востокъ доходитъ до *Хуанъ-хэ*, на западъ до *Сюэ-шань* 雪 山 (Снѣжныхъ горъ) и имѣетъ у себя нѣсколько сотъ маленькихъ владѣтелей съ нѣсколькими стами конныхъ латниковъ. Они желаютъ, чтобы императорскій дворъ имъ казалъ какому-нибудь тунъ-лину отправиться къ нимъ и помочь имъ перейти въ китайское подданство и переселиться». Тогда хану *Лу-шэну* былъ выданъ указъ слѣдующаго содержания: «Мятежники (т. е. *хуй-ху*), переселившись на наши земли, дурно повинуются властямъ и препятствуютъ нашимъ сановникамъ приводить въ порядокъ государство и укрѣплять родственныя отношенія и дружбу между дядьями и племянниками. Вслѣдъ затѣмъ они представляютъ докладъ о томъ, чтобы заготовить проектъ о назначеніи на должности чиновниковъ и о приведеніи въ порядокъ дѣла переселенія, и, сверхъ того, они желаютъ представить лучшія свои войска, разбить мятежниковъ, расширить границы государства на западъ и представить плѣннаго ими сѣвернаго *Кюэ-хана* 可 汗. Всѣ эти заслуги и дѣла должно похвалить и одобрить. Я, однако, думаю теперь не посылать къ нимъ опять отдѣльнаго посольства, а командировать вмѣстѣ съ *Цао-вань-туномъ* главнокомандующаго и въ избытокъ наградить *Лу-шэна* сосудами и платьемъ»²⁾. Такимъ образомъ очень ловко было устранено предложеніе хуй-хусцевъ переселиться въ Китай. Сунскій дворъ, наученный Танскимъ опытомъ, отлично зналъ, какія вредныя послѣдствія приносятъ странѣ прочное обоснованіе въ ней кочевыхъ варваровъ, и потому не допускалъ никакихъ сближеній ихъ съ осѣдымъ населеніемъ и всячески препятствовалъ появленію хуй-хускихъ центровъ въ земляхъ Собственнаго Китая. Ниже мы сейчасъ увидимъ отказъ на подобное же предложеніе религіознаго характера.

1) 樞密 *Шу-ми* — чрезвычайное учрежденіе въ военное время, высшій совѣтъ при государѣ, особенно для обсужденія пограничныхъ дѣлъ.

2) П., *Сунъ-ши*, *Чжэнь-цзунъ-бэнь-цзи*, цз. 6, л. 12; *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, л. 18.

Въ 1-й годъ правленія Цзинь-дэ (1004) гань-чжоускіе хуй-ху пришли для представленія дани отъ хана Ё-ло-хэ 夜落紇¹⁾.

Въ 4-й годъ правленія Цзинь-дэ (1007) прибыли послы изъ Гань-чжоу и Ша-чжоу. Посолъ Ни-фа-сянь 尼法仙 и другіе по прежнему представили въ дань лошадей. Тогда Ни-фа-сяню было дано разрѣшеніе отправиться на У-тай-шань 五臺山. Кроме того, прісланный въ посольствѣ хэ-шань 翟翟 представилъ докладъ о подданствѣ и въ даръ лошадей; онъ просилъ также о разрѣшеніи постройть въ столицѣ буддійскую кумирню, чтобы молиться о долголѣтіи императора, и назначеніи кумирнѣ имени, но это позволено не было²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, постройка кумирни создала бы при ней штатъ хуй-хускихъ монаховъ и подворье, въ которомъ приходящія посольства всегда имѣли бы пристанище; она создала бы цѣлый рядъ интересовъ, связывающихъ хуй-ху съ столицей Китая, и могла дать постоянные поводы для столкновеній китайскихъ властей съ пришлыми кочевниками, которые не любили подчиняться какимъ-либо стѣсненіямъ и законамъ. Правительство Китая все это знало по опыту и потому и отказало въ домогательствахъ хуй-ху.

Въ 1-й годъ Да-чжунь-сянь-фу (1008) Гань-чжоускіе хуй-ху пришли съ цѣлью привѣтствовать императора и принести жертвы небу и землѣ³⁾.

Въ 3-й годъ Да-чжунь-сянь-фу (1010), въ 11-й лунѣ были присланы цзо-вэнь-цзай-сянь 何居錄越, посолъ Ди-фу-шоу-лао 翟符守榮 и другіе съ данью вмѣстѣ съ командированнымъ отъ Гуй-цзыскаго 龜茲 государя посольствомъ, во главѣ котораго стояли Ли-тинь-фу-фу 李廷福副, Амь-фу-цзянь 安福監 и Ди-цзинь 翟進. Они пришли и представили въ даръ благовонныя травы, цвѣтокъ хуа-жуй 花

1) Пь., Сунь-ши, Чжэнь-цзунь-бэнь-цзи, па. 7, л. 7; Хуй-ху-чжуань, па. 490, л. 18.

2) Пь., Сунь-ши, Чжэнь-цзунь-бэнь-цзи, па. 7, л. 20.

3) Пь., Сунь-ши, Чжэнь-цзунь-бэнь-цзи, па. 7, л. 20.

慈, знаменитыхъ лошадей, верблюдовъ, хвосты большихъ размбровъ, барановъ, яшму, узды, янтарь и пр. ¹⁾).

На слѣдующій годъ въ 4-й лунѣ (1011) *Ди-фу-шоу-лао* и другіе 30 человекъ просили дозволенія соусладиться жертвами землѣ. Въ этотъ же годъ ханъ *Ъ-ло-хэ* 夜落紇 прислалъ посольство съ дарами изъ мѣстныхъ произведеній. Тогда былъ представленъ докладъ: «Гань-чжоускіе *хуй-ху* во главѣ съ *Ань-ми* 安密 и другими представили просьбу о подданствѣ и въ дань яшму и вмѣстѣ съ тѣмъ совершили жертвоприношеніе по лѣвую сторону дороги». Тогда *Ди-фу-шоу-лао* былъ сдѣланъ *цзо-шэнь-у-цзюнь-да-цзянь-цзюнемъ*, и всѣ пришедшіе чиновники получили въ избыткѣ награды поясами и шапками, сосудами и шелковыми матеріями. Въ этотъ годъ *Ъ-ло-хэ* командировалъ посла донести о томъ, что онъ разбилъ *Чжао-дэ-минъ* 趙德明, и о томъ, что оказалъ правительству услуги. *Шоу-минъ* просилъ объ увеличеніи милостей и о наградахъ. Былъ изданъ указъ предоставить чиновникамъ въ управленіе десять областей и послать ихъ на разныя мѣста и должности ²⁾).

Въ 6-й годъ *Да-чжунъ-сянь-фу* (1013), въ 12-й лунѣ подъ знаками 庚申 *хуй-ху* прислали пословъ съ данью ³⁾).

Въ 8-мъ году *Да-чжунъ-сянь-фу* (1015), въ 10-й лунѣ зимою явился съ данью хуй-хускій посолъ *А-ло* 阿羅 ⁴⁾).

Въ 9-й годъ *Да-чжунъ-сянь-фу* *хуй-ху* пришли съ данью, и въ отвѣтъ на это Бинь-чжоускому 并州 и Гань-чжоускому 甘州 ханамъ были пожалованы сосуды и шелковыя матеріи. Въ этотъ годъ пришли послы съ гзвѣстіемъ, что *Ъ-ло-хэ* ханъ умеръ, и 9 аймачныхъ министровъ просятъ объ утвержденіи вмѣсто него ваномъ *Ъ-ло-цэ* 夜落隔 для управленія государственными дѣлами ⁵⁾).

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, Ів., т. 15; *Сунъ-ши*, *Чжэнь-цзунъ-бэнь-цзи*, цз. 7, т. 24; *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, т. 14.

2) Ів., *Сунъ-ши*, *Чжэнь-цзунъ-бэнь-цзи*, цз. 8, т. 1; *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, т. 14.

3) Ів., *Сунъ-ши*, *Чжэнь-цзунъ-бэнь-цзи*, цз. 8, т. 7.

4) Ів., *Сунъ-ши*, *Чжэнь-цзунъ-бэнь-цзи*, цз. 8, т. 12.

5) Ів., *Сунъ-ши*, *Чжэнь-цзунъ-бэнь-цзи*, цз. 8, т. 14; *Хуй-ху-чжуань*, цз. 490, т. 15.

Во 2-й годъ правленія Тянь-си (1018) Ъ-ло-тэ изъ Гуй-хуа-чэна 歸化城 послалъ ду-ду Ань-синь 安信 и другихъ ко двору¹⁾.

Въ 4-й годъ правленія Тянь-си, вмѣстѣ съ представителями государства Гуй-цзы 龜茲 отъ хана Чжи-хай 智海, прибылъ посоль отъ хуй-ху и представилъ въ дань большіе хвосты и барановъ. Раньше убѣжавшіе на западъ хуй-ху жили въ это время разсѣянно по странѣ и управлялись разными лицами. Гань-чжоуцы имѣли хань-вана 可汗王, си-чжоуцы 西州 — кэ-хань-вана 克韓王, спнь-фу-чжоуцы 新復州 — хэй-хань-вана 黑韓王. Всѣ они — позднѣйшіе пришельцы²⁾.

При императорѣ Лэнь-цзунь 仁宗 приходы ко двору посольствъ продолжались.

Въ 1-й годъ правленія Тянь-шэнъ въ 5-й лунѣ гань-чжоу-скій Ъ-ло-тэ-тунь-шунь 夜落隔通順 командировалъ посла А-тэ-чжи-вана 阿葛之王, который прибылъ съ данью изъ мѣстныхъ произведеній. Въ 6-й лунѣ былъ изданъ высочайшій указъ на пня племянника по женской линіи хана Ъ-ло-тэ-тунь-шунь и пожаловалъ ему титулъ Гуй-чжунь-бао-шунь-хань-ванъ 歸忠保順可汗王³⁾.

Во 2-й годъ Тянь-шэнъ (1024), въ 5-й лунѣ хуй-ху отправили посломъ ду-ду Си-синь 習信 со свитою изъ 14 человекъ для представленія дани изъ лошадей, тонкой шелковой ткани и бѣлой ткани бо-дэ⁴⁾.

1) Ib., Сунь-ши, Хуй-ху-чжуань, цз. 490, л. 15.

2) Гу-цзинь-ту-шу, Ib., л. 26; Сунь-ши, Лэнь-цзунь-бэнь-цзи, цз. 8, л. 21; Хуй-ху-чжуань, цз. 490, л. 15. Здѣсь мы видимъ, безъ сомнѣнія, тройную транскрипцію слова хань китайскими иероглифами. Но что она значитъ, неизвѣстно. Можетъ быть, ея разница обуславливается различіемъ нарѣчій хуй-ху, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ?

3) Ib., Сунь-ши, Хуй-ху-чжуань, цз. 490, л. 15.

4) Ib., Сунь-ши, Хуй-ху-чжуань, цз. 490, л. 15. Бо-дэ 白疊 название, усвоенное нѣсколькимъ родамъ ткани. Оно означаетъ: 1) бѣлую ткань, доставляемую изъ Хами, изъ шелка дикихъ червей, питающихся горькимъ жэнъ-шэ-немъ (ху-шэнъ); 2) бѣлый бумажный холстъ, доставлявшійся изъ Гао-чана ранѣе династіи Тань. Полагаютъ, что онъ упоминается еще въ Ши-цзи подъ назва-

Въ 3-й годъ *Тянь-шэнъ* (1025) *хуй-ху* представили дань¹⁾.

Въ 5-й годъ *Тянь-шэнъ* присланные отъ *хуй-ху* послы *Ань-вань-дунъ* 安萬東 и еще 14 человекъ представили въ дань мѣстные произведенія²⁾.

При императорѣ *Шэнь-цзунъ* 神宗, въ 1-й годъ правленія *Си-нинъ* въ 7-й лунь, *хуй-ху* пришли съ данью и просили о выдачѣ имъ написанной золотыми буквами грамоты на право торговли. Таковую имъ выдали³⁾.

Въ это время въ Китаѣ производились реформы знаменитаго *Ванъ-анъ-ши* 王安石, и возникли по сему случаю неудовольствія и беспорядки. Государство тангутовъ объявило Сунцамъ войну, то же сдѣлало и *Ляо*. Воспользовавшись, вѣроятно, этими удобными поводами, *хуй-ху* въ 6-й годъ правленія *Си-нинъ* пришли съ данью и съ предложеніемъ помощи противъ враговъ. Ихъ старшины (шоу-лины), въ количествѣ 5 человекъ, сдѣланы начальниками войскъ. Въ этомъ году имъ дали разноцвѣтной шелковой матеріи 20 кусковъ. *Шэнь-цзунъ* спросилъ ихъ: «Въ вашемъ государствѣ велико ли населеніе?» Тѣ отвѣчали: «больше 300.000 человекъ». — «А взрослыхъ, годныхъ въ армію, сколько?» спросилъ императоръ. Они сказали: «двѣсти тысячъ»⁴⁾.

Въ 7-й годъ правленія *Си-нинъ* (1074) высочайшимъ указомъ было поручено *Ли-сяню* 李憲 выбрать развѣдчика-посла, вслѣдствіе чего *А-ли-чу* 阿里骨 былъ отпращенъ посломъ къ *хуй-ху* съ указомъ. Тогда повелѣно было, организовавши войско, пройти далеко въ предѣлы государства *Ся* 夏 (тангутовъ)⁵⁾.

Всѣ эти отрывочныя свѣдѣнія даютъ весьма незначительное понятіе объ отношеніяхъ Китая къ *хуй-ху*, по все же изъ нихъ

нѣмъ *да-бу*. При династїи *Танъ* упоминаются бѣлые бумажные платы, блестящїе (вѣроятно, лощеные). Палладій и Поповъ, Кит.-русск. сл., т. I, стр. 198.

1) П., *Сунъ-ши, Хуй-ху-чжуанъ*, ца. 490, л. 15.

2) П., *Сунъ-ши, Хуй-ху-чжуанъ*, ца. 490, л. 15.

3) П., *Сунъ-ши, Шэнь-цзунъ-бэнь-цзи*, ца. 14. л. 7; *Хуй-ху-чжуанъ*, ца. 490, л. 15.

4) П., *Сунъ-ши, Хуй-ху-чжуанъ*, ца. 490, л. 15.

5) *Гу-цзинъ-ту-шу*, П., л. 26; *Сунъ-ши, Хуй-ху-чжуанъ*, ца. 490, л. 15.

можно понять, что значеніе *хуй-ху* при дворѣ совершенно упало: ихъ не цѣнили и не придавали имъ никакого значенія. Подъ выше означеннымъ годомъ (1074) записано событіе, показывающее, что ими даже тяготились и даже употребляли мѣры къ тому, чтобы всячески освободиться отъ ихъ докучливыхъ появленій. Практиковалось это и прежде. Но если предшествующія мѣры дышали осторожностью и осмотрительностью — китайскія власти остерегались, какъ бы имъ не сдѣлать ошибки и не вызвать нашествія кочевыхъ ордъ, — то теперь съ *хуй-ху* обращаются безъ церемоній. *Ли-сянь*, распорядившись тогда при дворѣ, далъ предписаніе, чтобы хуй-хускихъ пословъ не пускать во дворецъ государя, какъ было раньше, и «не дѣйствовать безразсудно», какъ онъ выразился, а въ случаѣ нужды представлять доклады объ ихъ заслугахъ подлежащему министерству¹⁾. Это предписаніе, устранившее совершенно аудиенцію у государя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздачу подарковъ, явившихся всегда приманкою для кочевниковъ, должно было имѣть рѣшающее значеніе въ смыслѣ ограниченія числа хуй-хускихъ посольствъ. Но оно еще болѣе было усилено указомъ, изданнымъ въ томъ же году.

Извѣстно, что явившіеся въ императорскую резиденцію послы и ихъ челядь, не забывая своихъ степныхъ привычекъ, вели себя далеко не мирно. Грабежи, ссоры и безпорядки отъ нихъ происходили постоянныя, и населеніе всегда жаловалось на буйства и обиды, ими чинимыя. Вопросъ же о подсудности ихъ мѣстнымъ властямъ едва ли былъ примѣняемъ когда-либо. Да и о какой подсудности могла идти рѣчь, когда китаецъ и ихъ правительство трепетали при одной мысли о возможности нашествія ордъ, бродившихъ за Великою стѣною? Теперь обстоятельства перемѣнились, и вотъ въ довершеніе предписанія *Ли-сяня* появился императорскій указъ о строгомъ и точномъ разслѣдованіи всѣхъ проступковъ *хуй-ху* и о возмещеніи вины съ обидчика. Лѣтопись

1) Пь.

замѣчаетъ, что послѣ этого, «конечно, посольства *хуй-ху* въ столицу стали приходять не часто».

Съ этого времени извѣстія о посольствахъ совсѣмъ прекращаются, и мы имѣемъ еще только одно указаніе, характеризующее усиленіе направленія полтики, усвоенной теперь китайскимъ дворомъ по отношенію къ *хуй-ху*. При императорѣ *Чжэнъ-чунь* 徽宗 въ годы правленія *Сюань-хэ* (1119—1126) *хуй-ху* нарушили постановленіе о прибытіи ко двору и явились съ данью. Ихъ за это долго удерживали въ столицѣ и не отпускали домой. Въ то же самое время китайское правительство озабочилось ограниченіемъ доступа *хуй-ху* въ свои владѣнія и съ другихъ сторонъ.

Разсказывается, что прішедшіе съ данью хуй-хускіе послы и ихъ свита разсѣялись по всѣмъ округамъ провинціи *Шэнь-си*, и, занявшись мелочною торговлею, долго оставались тамъ и не возвращались въ столицу. При дворѣ безноконялись объ этомъ, хорошо зная характеръ пограничныхъ дѣлъ и жизни. Вслѣдствіе этого на будущее время всѣ переходы *хуй-ху* черезъ китайскія владѣнія въ царство *Ся* были найдены неудобными и постановленіемъ закона запрещены¹⁾.

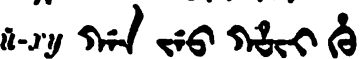
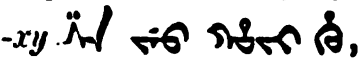

Больше мы ничего не могли почерпнуть изъ Сунской исторіи. Изъ временъ той же династіи отъ 982 года существуетъ дневникъ китайскаго посла *Ванъ-янъ-дэ*, ѣздившаго на западъ по предписанію императора. Трудъ этотъ давно уже извѣстенъ въ европейской литературѣ, и его показаніями объ уйгурахъ періода Сунской династіи наполнены почти всѣ труды, посвященные данному вопросу.

Данныя Ляоской и Цзиньской династій уже всѣ выбраны изслѣдователями, и они представляются весьма немногочисленными²⁾. Въ этотъ періодъ мы видимъ *хуй-ху* расчлененными на тѣ же племена, какія были и при Сунской династіи, именно:

Гао-чанскіе *хуй-ху* 高昌回鶻 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍,

1) *Гу-чжэнъ-шу-шу*, Пб., л. 26; *Сунъ-ши*, *Хуй-ху-чжунъ*, цз. 490, л. 16.

2) *Bretschneider, Mediaeval Researches, London, 1888. v. I; Klaproth, Mémoires relatifs à l'Asie, p. II; В. В. Радловъ, Объ Уйгурахъ.*

Арсаланъ-хуй-ху
 Гань-чжоускіе хуй-ху
 Ша-чжоускіе хуй-ху
 Хо-чжоускіе ху-ху

Однако, насколько сильны были эти племена, и какъ далеко простиралась ихъ земля, мы совершенно не знаемъ. Только совершенно случайно мы встрѣчаемъ одно интересное показаніе о принадлежавшей *хуй-ху* территоріи на юго-востокѣ Монголіи, изъ котораго становится очевиднымъ, что владѣнія ихъ простиралась очень далеко. *Мэнъ-гу-ю-му-цзи*, описывая достопримѣчательности праваго знамени Харачинскаго крыла Чжосотускаго сейма монголовъ, т. е. мѣстности, лежащей на сѣверо-западъ отъ *Жэ-хэ* по Шара-мурени, сообщаетъ слѣдующее: «На сѣверъ отъ ставки *цзасака* лежатъ земля округа *Энь-чжоу-хуай-дэ-цзюнь* 恩州懷德軍, упраздненнаго при Цзиньской *金* династіи. Сочиненіе *Жэ-хэ-чжи* 熱河志, т. е. описаніе *Жэ-хэ*, дѣлаетъ слѣдующую выдержку изъ другого труда *У-цзинъ-цзунъ-яо* 武經總要: «*Энь-чжоу* лежитъ въ древней коренной *У-хуаньской* 烏桓 землѣ; отъ него на западъ до горъ *Ма-юй-шань* 馬盂山 — 60 ли; на сѣверо-западъ до горъ *Мань-тоу-шань* 曼頭山 — 30 ли; на сѣверъ до *И-кунь-чжоу* 宜坤州 — 50 ли; на западъ до *Гао-чжоу* 高州 — 120 ли; на югъ до Средней столицы *Средней* 中京 — 60 ли. При Ляоской династіи эта мѣстность была округомъ *Энь-чжоу* 恩州, который при Цзиньской упраздненъ». Сочиненіе *Фанъ-юй-цзи-яо* 方輿紀要 говоритъ, что *Энь-чжоу* находится на юго-западъ отъ *Да-нинъ-сэй* 大甯衛. Но показаніе *У-цзинъ-цзунъ-яо* болѣе заслуживаетъ довѣрія. Мы видимъ, что, по показанію Цзиньской исторіи (*Цзинь-ши-тай-цзу-цзи* 金史太祖記), въ 6-мъ году правленія *Тянь-фу* 天輔 (1118—1123, цзиньскаго *Тай-цзу*), т. е. въ 1123 году, три уйгурскихъ 回紇 города *Кэ-чэнъ* 克城, *Гао-чэнъ* 高城 и *Энь-чэнъ* 恩城 вошли въ составъ области Средней столицы *Средней* 中京. *Энь-чжоу* вмѣстѣ съ *Гао-чжоу*, какъ слож-

нымъ съ нимъ, долженъ, слѣдовательно, лежать къ сѣверу отъ Средней столицы; нынѣ онъ образуетъ территорію Харачинскаго праваго крыла. *Юань-и-тунъ-чжи* 元一統志 говоритъ, что въ 6-й годъ правленія *Тянь-цзюань* 天眷 (1138—1141) Цзиньскаго императора *Си-цзуня*, т. е. въ 1143 году, изъ упраздненнаго округа *Энь-чжоу* сдѣлали торговый округъ *Энь-хуа-чжэнь* 恩化鎮 подъ управленіемъ особаго начальника, при чемъ онъ вошелъ въ вѣдомство уѣзда *Да-динъ-сянь* 大定縣, а изъ самага города сдѣлали почтовую станцію. А такъ какъ *Энь-чжоу* издавна былъ сложною землею съ уѣздомъ *Да-динъ-сянь*, то его во времена Цзиньской династіи и причислили къ послѣднему, съ упраздненіемъ его административной самостоятельности»¹⁾.

Однако это показаніе *Юань-и-тунъ-чжи* возбуждаетъ у насъ недоумѣніе по своей датѣ. По извѣстнымъ въ Европѣ хронологическимъ спискамъ *нянь-хао* 年號, т. е. годовъ правленія императоровъ, мы вовсе не знаемъ шестого года правленія *Тянь-цзюань* 天眷, потому что послѣдніе продолжались только до 1141 года, съ котораго идетъ другое *нянь-хао*, именно *Хуанъ-тунъ* 皇統.

Сверхъ того, *Мэнъ-цзю-ю-му-цзи*, точнѣе опредѣляя положеніе *Энь-чжоу*, признаетъ ошибочнымъ показаніе *У-цзинъ-цзунъ-яо*, будто къ сѣверу округъ *Энь-чжоу* доходитъ до округа *И-кунъ-чжоу* 宜坤州.

«По изслѣдованію оказывается, что отъ *Энь-чжоу* на югъ только 50 ли разстоянія до Средней столицы, а, кромѣ того, земли округа *Гао-чжоу* тянутся на сѣверъ отъ Средней столицы. Гдѣ же, спрашивается, лежатъ эти послѣднія? Очевидно, что округъ *Энь-чжоу* не можетъ непосредственно граничить съ землями Верхней столицы, къ которымъ причислялся округъ *И-кунъ-чжоу*, и утвержденіе, что онъ на сѣверѣ примыкаетъ къ землямъ послѣдняго, — ошибочно»²⁾.

1) *Мэнъ-цзю-ю-му-цзи*, ца 2, л. 20.

2) Тамъ.

Это показаніе проливаетъ намъ совершенно новый свѣтъ на территорію *хуй-ху*, которые, оказывается, не утѣрили своего вліянія на востокъ еще и во времена Ляоской династіи, и только чжурчженя отняли у нихъ земли, присоединивъ ихъ къ своимъ округамъ и подчинивъ своей администраціи.

Центръ тяжести исторіи хуй-хускихъ племенъ во времена Сунской, Ляоской и Цзиньской династій лежалъ далеко не въ сношеніяхъ ихъ съ китайскими Сунскимъ или Киданьскимъ домами. Въ провинціяхъ *Шань-си*, *Гань-су*, въ долинахъ *Куку-нора* и южнѣе образовалось въ это время кочевое государство *Ся*, или Тангутское. Оно распространило свою власть далеко на западъ и на востокъ и беспоконно своими нападеніями и грабежами Китай и владѣнія *Ляо* и *Цзинь* точно такъ же, какъ и *хуй-ху* въ свои цвѣтушія времена. Не оставались въ покоѣ отъ ихъ нападеній и *хуй-ху*, жившіе въ *Гань-чжоу* и *Ша-чжоу*. Ихъ исторія полна столкновеніями и взаимными раздорами¹⁾.

Впрочемъ перевѣсъ въ это время остается всегда на сторонѣ тангутовъ. *Хуй-ху*, видимо, растворяются въ ихъ массѣ и ассимилируются съ своими сосѣдями, теряя свою самостоятельность и самобытность. На это-то время падаетъ то сліяніе *хуй-ху* съ тангутами, которое породило ихъ отождествленіе въ системѣ Шмидта. Подробное изслѣдованіе исторіи тангутовъ прольетъ намъ, безъ сомнѣнія, много свѣта на этотъ періодъ существованія *хуй-ху*. Мы знаемъ, что въ той же *Ту-цзинь-ту-шу* содержится масса материала, служащаго къ выясненію даннаго вопроса, но никто еще изъ европейскихъ ученыхъ не касался этой стороны дѣла, и только одинъ В. П. Васильевъ въ статьѣ «О магметанствѣ въ Китаѣ» отмѣчаетъ этотъ пунктъ, какъ ключъ, служащій къ уясненію многихъ темныхъ вопросовъ исторіи Средней Азіи.

Какъ ни были ослаблены *хуй-ху* притѣсненіями и гнетомъ тангутовъ, но они удерживали еще долго свою самостоятель-

1) О. Іакинъ, Исторія Тибета и Хуху-нора, т. II, стр. 19, 21 и 22.

ность, тѣнь которой могли проявить даже во времена Юаньской династїи. *Гу-цзинь-шу-шу-ци-чэн* даетъ намъ только два слѣдующія извѣстія объ нихъ изъ этого періода, отличающіяся крайнею бѣдностію содержанія.

Въ 7-й годъ императора Сянь-цзуна, т. е. Угэдя (1257 г.), отложившіеся *хуй-ху* представили ко двору въ дань хрустальные сосуды, жемчугъ, зенитки и тому подобныя вещи, стоимостью въ 30,000 слѣтковъ серебра, т. е. 1.500.000 лангъ. Дворъ долженъ былъ, конечно, заплатить приличною суммою, и императоръ посему сказалъ слѣдующее: «Нынѣ народъ мой изнуренъ до крайности и въ деньгахъ терпитъ недостатокъ; я одинъ имѣю ихъ, и почему же будемъ мы отказываться отъ вещей?» Сказавши такъ, онъ наградилъ пословъ по немногу, запретивъ однако на будущее время привозить опять столько же вещей¹⁾.

При императорѣ Чэнъ-цзунѣ во 2-й годъ правленія *Юань-чжэн* (1296) хуй-хэскай *Бу-ла-хань* 不刺罕 представилъ въ дань львовъ, леопардовъ и лѣкарственныя травы. Пословъ наградили 1300 слѣтками серебра.

На этомъ данныя *Гу-цзинь-ту-шу* оканчиваются.

Глава VII.

Религія уйгуровъ.

«Было время», пишетъ Дорджи Баузаровъ, «когда шаманство владычествовало надъ всѣми народами, обитавшими отъ Волги до Восточнаго океана, отъ сѣверныхъ предѣловъ Тибета и береговъ Сейхуна до полуночныхъ странъ. Но религія, возникшія въ южныхъ странахъ Азіи, начали его тѣснить уже рано. Первою изъ нихъ былъ буддизмъ. Индійскіе проповѣдники задолго до христіанской эры перешли Гималаи и распространились по берегамъ Оксуса, въ нынѣшнемъ Восточномъ Туркестанѣ и Китаѣ.

1) *Гу-цзинь-ту-шу*, П., *Хуй-хэ-бу-хуй-као-сань*, л. 1; *Юань-ши*, *Сянь-цзунъ-бо-цзи*.

Въ послѣдней изъ сихъ странъ буддизмъ какъ бы покорился характеру ея жителей и оставался внутри Велюкой стѣны, не выступая къ предѣламъ Гоби. Изъ Восточнаго Туркестана новая вѣра сдѣлала гораздо больше успѣховъ, чѣмъ изъ Срединнаго царства. Буддизмъ введенъ былъ въ степи впервые оффициально Тобоханомъ изъ династїи Тугю, подъ конецъ VI вѣка. Такимъ образомъ шаманство стало ослабѣвать въ западныхъ степяхъ Монголіи, куда еще раньше проникло и христіанство, если вѣрнѣе византїйцамъ. Съ паденіемъ дома Тугю усилились ойхоры, которые также содѣйствовали успѣху буддизма, утвердившагося около того же времени въ Тибетѣ, откуда онъ впоследствии нанесъ рѣшительный ударъ шаманству. Такимъ образомъ оно уступило мѣсто новымъ вѣрованїямъ, когда возникъ исламъ. Успѣхи магометанъ противъ шаманства были такъ велики, что они черезъ нѣсколько столѣтїй послѣ своей эры обратили въ свою вѣру множество турецкихъ племенъ на западѣ отъ Монголіи¹⁾.

Вотъ эскизъ, обобщивъ штрихами охватывающій всю исторїю религїи въ средней Азїи, включая сюда и племена уйгуровъ. Китайскїя лѣтописи сообщаютъ по этому вопросу крайне разбросанныя, частныя свѣдѣнія, изъ которыхъ довольно трудно составить послѣдовательный и связный рассказъ, и приходится довольствоваться отдѣльными картинами. Вотъ, на примѣръ, рассказъ, характеризующій гао-гюйцевъ, какъ чистыхъ шаманистовъ. «Они», пишетъ лѣтописецъ, «любятъ громовые удары. При каждомъ громовомъ ударѣ производятъ крикъ и стрѣляютъ въ небо, потомъ оставляютъ это мѣсто и расходятся²⁾. Въ слѣдующемъ году осенью, какъ лошади пожирѣютъ, опять сходятся на мѣсто громоваго удара; зарываютъ барана и зажигаютъ свѣточъ съ пожемъ. Шаманка 女巫 читаетъ молитвы, подобно тому, какъ въ Срединномъ государствѣ при удаленїи несчастїя. Толпа мужчинъ на верховыхъ лошадяхъ дѣлаютъ множество

1) Черная вѣра или шаманство у монголовъ, стр. 43—44.

2) Срав. С. М. Георгіевскій. Многоческія воззрѣнія и миры китайцевъ, стр. 39—41.

круговъ около этого мѣста; потомъ мужчина беретъ пукъ ивовыхъ или осокоревыхъ вѣтвей, ставитъ комлемъ вверхъ и обливааетъ кумысомъ. Женщина, обернувъ бараньи кости въ кожу, ставитъ себѣ на голову, а волосы вокругъ завиваетъ въ локоны и спускаетъ, что представляетъ видъ діадемы. Мертвыхъ относятъ въ выкопанную могилу, ставятъ трупъ на серединѣ, съ натянутымъ лукомъ въ рукахъ, опоясанный мечемъ, съ копьемъ подъ мышкою, какъ будто живой, но могилы не засыпаютъ. Если кто умретъ отъ повальной болѣзни или отъ громоваго удара, то молятся о счастіи. Если все кончится благополучно, то для принесенія благодарности духамъ закалываютъ множество разнаго скота и сжигаютъ кости его, потомъ объѣзжаютъ это мѣсто на лошадахъ, иногда скачутъ до нѣсколькихъ сотъ круговъ. На это собраніе сходятся и мужчины и женщины безъ различія возраста. Тѣ, у которыхъ дома все благополучно, поютъ пѣсни, пляшутъ, играютъ на музыкальныхъ орудіяхъ, а семейства, у которыхъ смерть похитила кого-нибудь, плачутъ, проливая слезы¹⁾.

Съ какого времени проникли къ хуй-хэсцамъ религіи юга и запада, опредѣлить очень трудно въ силу крайней неопредѣленности показаній китайскихъ источниковъ.

Въ 805 году хуй-хускій ханъ *Хуай-синь* былъ смѣщенъ своимъ сыномъ *Бао-и*, который въ 806 г. отправилъ къ Танскому двору подарки. Пословъ сопровождали какіе-то иностранцы, называемые *Мо-ни*, которые въ первый разъ привезли свой законъ — ежедневно питаться овощами, пить воду и кумысъ²⁾. Комментарій на *Тунъ-цзянь-ганъ-му* говоритъ, что *Мо-ни* — буддисты. Отсюда о. Іакинъ заключаетъ, что «*Мо-ни* суть монгольскіе ламы, въ 806 году въ первый разъ проникшіе въ китайскую столицу»³⁾. Однако съ о. Іакинъ не согла-

1) *Гу-чжи-му-шу, Бянь-и-дажъ, хуй-ху-бу-хуй-као-и*, т. 1. Іакинъ, т. 1, стр. 250—251.

2) Іакинъ, стр. 415.

3) *Ibidem*.

шаются другіе ученые. Дегинь¹⁾, Палладій и др. считаютъ *Мо-ми* — манихейми. То же мнѣніе обосновываетъ на показаніяхъ историковъ передней Азіи Dabry de Thiersant. *Мо-ми*, пишетъ онъ, нужно читать *Ну-ми* (Nou-mi). Эти *Ну-ми*, по показанію Tagikh-djihan-kouchai, были особымъ класомъ магиковъ, которые считали себя обладающимъ силою покорять демоновъ, распоряжаться ими по своему произволу и получать отъ нихъ все желаемое; они также лѣчили болѣзни. Уйгурскій ханъ часто совѣщался съ ними. Ихъ кодексомъ морали служила книга *Ну-ми*, странное смѣшеніе басенъ съ прекрасными нравственными со-вѣтами, между которыми видное мѣсто занимало предписаніе не дѣлать никому зла, даже животнымъ; сектанты питались только растеніями и пили только воду. Существовало нѣсколько сектъ *Ну-ми* съ различною догмою. Наболѣе распростраенная вѣрза въ метемпсихозисъ. Значительное число уйгуровъ исповѣдывало эту религію²⁾.

Буддизмъ и исламъ позднѣе также проникли къ *хуй-ху* и имѣли среди нихъ многочисленныхъ прозелитовъ. Къ несчастію, невозможно съ точностью опредѣлить время, когда именно они приняли эти религіи. Dabry de Thiersant указываетъ на фактъ 758 (у него 759) года, когда при Танскомъ дворѣ хуй-хускій посланникъ *Доянь-эбо* вступилъ въ споръ съ *Гэ-чжо*, главою чернокафтаннхъ Дашпсцевъ, о старшинствѣ, думая, вѣроятно, указать тѣмъ на знакомство *хуй-ху* съ магометанами, а, можетъ быть, и на то, что послѣдніе, проходя черезъ уйгурскія земли, могли оказывать вліяніе³⁾. Къ этому же, пожалуй, склоненъ и о. Іакинъ, указывающій, что Дашпсцы происходили изъ Белужкпстана⁴⁾, но Дегинь съ большею основательностью считаетъ ихъ арабами Абу-джафара-аль-Мансура, второго халифа Абас-

1) Histoire des Huns, t. II, p. 24.

2) Mahométisme en Chine, t. I, p. 211.

3) Ib., p. 227.

4) Собран. свѣд. о нар., т. I, стр. 389.

сидовъ, которые состояли на службѣ у китайцевъ, и ставятъ это посольство въ связь съ разграбленіемъ арабами Кантона ¹⁾).

Такимъ образомъ, за этимъ фактомъ нельзя признать никакого особеннаго значенія, но въ концѣ Танской и во времена Сунской династій, когда *хуй-хэ* раздѣлился на гань-чжоускихъ и арсаланъ *хуй-ху*, первые были буддистами и сохраняли эту религію. Во времена *Чжэнь-цзун* (1007 г.) они пытались даже построить свою буддійскую кумирню въ столицѣ и отпраздновать туда за разрѣшеніемъ *хэ-шана Ди* ²⁾, но это имъ не было позволено ³⁾. Еще раньше того, въ 965 г., они представили въ дань императору *Тай-цзу* драгоценную реликвию — зубъ Будды ⁴⁾. А немного позднѣе 982 года въ донесеніи *Ванъ-янъ-дэ* мы читаемъ очень интересное мѣсто, характеризующее религиозное состояніе уйгуровъ. «Эти народы», говоритъ *Ванъ-янъ-дэ*, «пользуются китайскимъ календаремъ, исправленнымъ по редакціи 719 года по приказанію императора *Сюань-цзун*. Въ столицѣ ихъ находится больше 50 храмовъ, посвященныхъ индійскимъ богамъ, съ библиотекою, содержащею въ себѣ буддійскія книги. Они украшены автографами императоровъ Танской династіи. Тамъ существуютъ также храмы *Мо-ни* и магометанскія. Это государство очень велико и имѣетъ подъ своею властью большое число маленькихъ государствъ. Жители живутъ до глубокой старости. Правитель ихъ *Левъ* (Арсаланъ, *Ши-цзы*) лѣтомъ переѣзжаетъ въ *Бэй-тинъ* 北廷, который расположенъ на огромной равнинѣ. Имя страны *И-у-лу*».

Изъ этого донесенія видно, что Арсаланъ *хуй-ху* были одни буддисты, другіе манихеи, третьи магометане. Когда правитель ихъ *Сатокъ-Бугу-ханъ* взомелъ на престолъ, онъ принудилъ всѣхъ своихъ подданныхъ исповѣдывать исламъ. Умирая въ 1037 году, онъ далъ такія инструкціи *Абуль-Фалтаху*, выбран-

1) Histoire des Huns, t. II, p. 14.

2) *Гу-цзинъ-ту-шу-цзи-чэнъ*, Ib., т. 25; *Сунъ-шу*, *Хуй-ху-чжуанъ*, цз. 490, т. 13.

3) Ib., т. 23; *Сунъ-ши*, *Тай-цзу-бэй-цзи*, цз. 2, т. 2.

ному, за малолѣтствомъ его дѣтей, правителемъ государства. «Вотъ», сказалъ онъ, «моя послѣдняя воля: укрѣпляйте и распространяйте нашу вѣру. Я вѣрю вамъ религіозные законы, держите ихъ крѣпко и строго. Мои дѣти очень малы; воспитывайте ихъ со тщаніемъ и старайтесь, чтобы они никогда не были нарушителями велѣній Божіихъ. О, Абуль-Фалтахъ, слѣдуй моему примѣру, и самыя большія почести сохранятся за тобою»...

Преемники Сатока оставались вѣрными исламу и искоренили изъ своего государства всѣ другія религіи, какъ, напр., несторіанство, которое также было насаждено среди *Арсаланъ-хуй-ху* и имѣло многихъ прозелитовъ. По извѣстіямъ, Кучлукъ, сынъ Даянъ-хана, былъ самъ несторіанецъ.

Мы имѣемъ основаніе думать, что уйгуры не только сами исповѣдывали исламъ, но и пропагандировали его между своими сосѣдями. Извѣстно, напр., что жителей *Гань-чжоу*, *Ша-чжоу*, *Гао-чана*, *Арсаланъ-хуй-ху* и др. происходили дѣятельныя сношенія съ киданями, и кромѣ присылки послѣдними дани, уйгуры отправляли къ Ляоскому двору мулъ и книги: Ляоская императрица *Шу-лу* вела свой родъ отъ уйгуровъ, и предками ея въ послѣдовательномъ порядкѣ являются *Жэ-су*, *Вэй-нинъ-шэ-ли* (Вэйиншъ-шерпъ?) *Шу-шу-мэй-ли* (Шушу пмамъ?), *Ма-кэ-му-эр* (Махмудъ?). Все это, конечно, одни намеки, но они говорятъ намъ, что между уйгурами и киданями была тѣсная связь: торговая, политическая, религіозная и даже литературная. При такихъ отношеніяхъ для магометанъ отсутствіе пропаганды невозможно.

При Чингисовой династіи страна уйгуровъ пошла въ удѣлъ Чжагатаю, который распространилъ свой удѣлъ въ долину Урумци (Бишбалыкъ). Внукъ его Байсуръ имѣлъ сына Борала, принялъ въ Бухарѣ магометанство и по возвращеніи изъ Хорасана принялъ титулъ Гаятъ-эдина. Можно думать, что въ его царствованіе исламизмъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ странѣ, ему подвластной. Извѣстно, что Марко Поло (1271—1294) рассказываетъ, что онъ нашелъ магометанство господствующею религіей въ Восточномъ Туркестанѣ. Но уже отъ Хами до самаго

Китай буддизмъ былъ единственной царствующей во всемъ краю религіей. Тотъ же путешественникъ рассказываетъ дальше, что буддисты, исключая Яцзя, гдѣ онъ встрѣтилъ Сарапинъ, появились здѣсь, вѣроятно, вслѣдствіе нашествія монгольскихъ ордъ, которые опустошали страну во времена хана Мангу.

Въ 1289 году Хубилай учредилъ въ Пекинѣ императорскую коллегію для *хуй-ху* — магометанъ. Подобное учрежденіе, столь противное въ принципѣ китайскимъ обычаямъ, которые начали уже прививаться къ монголамъ, самымъ своимъ существованіемъ лучше всего доказываетъ то значеніе, которымъ пользовались *хуй-ху* при дворѣ монгольскаго *Ши-цзу*. Уйгуру *Цзя-лу-муда-ши* поручено было, какъ пзвѣстно, переводить и исправленіе на монгольскій языкъ индійскихъ и тибетскихъ книгъ, и такимъ образомъ уйгуры, наряду съ магометанствомъ, являлись насадителями и буддизма. Многіе магометане занимали высшія должности въ имперіи, а нѣкоторые изъ нихъ были даже членами *Хань-линъ-юаня*. Императоръ *Синь-цзунъ* (1312 г.) предписалъ возстановить коллегію хуй-хускую, которая нѣкоторое время была закрыта.

Вотъ общій обзоръ данныхъ о религіи уйгурскихъ племенъ. О высотѣ религіознаго развитія послѣднихъ едва ли возможно судить по недостатку свѣдѣній, хотя аналогія съ окружающими кочевыми племенами, вмѣстѣ съ фактами то совместнаго существованія, то быстрой смѣны различныхъ религій: шаманства, буддизма, магометанства и христіанства, говоритъ много въ пользу индифферентности населенія къ этой сторонѣ духовной жизни. На этотъ счетъ вообще можно сказать, что религія для Дальняго Востока никогда не играла той роли, какая выпала ей на Западѣ. На Востокѣ мы видимъ полное равнодушіе, полное игнорированіе вопроса объ единствѣ религій въ государственной жизни. Государство Востока держится другими рычагами: единствомъ закона, племеннымъ родствомъ, единствомъ верховной власти, но не религіей. Религіозная сфера уйгуровъ была очень широка по объему (4 религіи), но она не имѣла никакого вліянія

на жизнь ихъ государства, и при первомъ толчкѣ, при первомъ ударѣ государство (династія) падаетъ политически, а народъ идетъ подъ иго иноплемениныхъ и иновѣрныхъ побѣдителей.

Нужно при этомъ помнить, что всѣ религіи были навязаны уйгурамъ извнѣ, почему онѣ оказывали скорѣе отрицательное вліяніе, не соединяя, а деморализуя общество. Часто онѣ не подходили подъ складъ душевнаго строя и быта кочевниковъ, вслѣдствіе чего, можно думать, масса населенія жила подъ вліяніемъ одной шаманской религіи, которая не предъявляетъ почти никакихъ нравственныхъ требованій, не можетъ сплотить народа и создать изъ него крѣпкое государственное тѣло. Другія же религіи, какъ мы сказали, своею быстрою смѣною могли способствовать только разложенію общества, а не упроченію его общей связи. Только уже въ позднѣйшее время проникнувшее въ массы народа магометанство, постребивъ всѣ другія религіи, дало особый отгѣнокъ, особую окраску и характеръ всему населенію западнаго Китая, Восточнаго Туркестана и Пригынь-шаньскаго края, т. е. мѣсть раселенія уйгуровъ, но этотъ процессъ занялъ время уже позднѣйшее, со временъ Юаньской династіи до нашихъ дней; онъ продолжается еще и нынѣ. Въ разсматриваемый же нами періодъ религіозная сфера уйгурскихъ племенъ представляла собою смѣшеніе самыхъ разнородныхъ вѣрованій, суевѣрій и обрядовъ.

Весьма интереснымъ является вопросъ: представляютъ ли собою турецкія племена, населявшія некогда почти всю Среднюю Азію, типъ расы вырождающейся и вымирающей или же, наоборотъ, народа съ перспективою и блестящимъ будущимъ? Какія данныя для рѣшенія этого вопроса предлагаетъ намъ въ концѣ концовъ историческій обзоръ ихъ судебъ за разсмотрѣнный періодъ? Если вѣрять хотя немного статистикѣ китайскихъ лѣтописей Танской династіи, то въ это время уйгурскія племена, кочевавшія по нагорью Средней Азіи, отъ Тянь-шаня до Маньчжуріи и отъ сѣверныхъ предѣловъ степи до *Хуанъ-тэ* и *Гань-*

су, могли выставить до 200,000 отборнаго войска. Это предполагаетъ весьма и весьма значительную общую цифру населенія. Гдѣ же теперь оно? Остатками ихъ считаютъ ту незначительную кучку саларовъ, которая живетъ въ предѣлахъ *Гань-су*, да магометанъ Притянь-шаньскаго края. Это слишкомъ недостаточное число для сильнаго и могущественнаго государства, какимъ были *хуй-хэ*, а потому мы должны признать хуй-хускія племена въ значительной степени выродившимися въ другую форму или вымершими.

При всемъ разнообразіи странъ, обитаемыхъ вырождающимися расами, при всемъ различіи ихъ племеннаго характера и социальныхъ условій, есть въ ихъ быту много общихъ сторонъ, которыя имѣютъ рѣшительное вліяніе на ихъ судьбу и которыя вызваны однимъ и тѣмъ же историческимъ факторомъ.

Европейскіе историки и антропологи довольно занимались вопросомъ о вымирании и вырожденіи племенъ и цѣлыхъ расъ подъ вліяніемъ европейской культуры и самыхъ условій туземнаго быта. Общими причинами подобнаго явленія признаются слѣдующія: 1) естественныя преграды для развитія расъ: бѣдность и оторванность отъ главныхъ центровъ культуры и высшей органической жизни. Вслѣдствіе задержаннаго на многіе вѣка развитія, эти племена оказываются какими-то пасынками на торжественномъ ипру природы и въ общей борьбѣ за существованіе слабѣйшими противниками среди болѣе культурныхъ расъ. Самою судьбою поэтому они обречены на безспіе и вымирание. Фактъ печальный, но тѣмъ не менѣе неотразимый и всеобщій. 2) Грубое, можно сказать, безчеловѣчное примѣненіе со стороны европейцевъ трехъ главныхъ формъ отношеній къ даннымъ племенамъ — колонизаціи, завоеванія и торговли. 3) Характеръ туземнаго быта: предрасположенность къ болѣзнямъ, междоусобныя войны, особенно изъ-за родовой мести, дѣтубійство и т. п. По всемъ этимъ вопросамъ — и общимъ, въ смыслѣ распространенія культуры и цивилизаціи европейцевъ среди чуждыхъ имъ народностей, и частнымъ, въ предѣлахъ очерченной нами про-

граммы, — встрѣчаются въ европейской литературѣ богатыя пособія и изслѣдованія. Но мы оказываемся въ совершенно иномъ положеніи, если, открывъ подобный же фактъ вырожденія племенъ на территоріи Средней Азии, подъ вліяніемъ китайской культуры, пожелаемъ уяснить себѣ его причины. Къ нашимъ услугамъ оказывается одинъ сырой матеріалъ китайскихъ летописей со всею его неподготовленностью для подобной обработки.

На вопросъ о происхожденіи гао-гюйскихъ племенъ отвѣчаютъ ихъ преданіе, записанное китайцами: «У хунь-нусаго Шань-юя... воюютъ, подобно волкамъ»¹⁾. Въ этомъ преданіи — всѣ историко-географическія свѣдѣнія народа, чуждыя всякихъ данныхъ о какомъ-либо переселеніи инородцевъ изъ другихъ странъ. Разбросанныя по огромной территоріи средне-азиатскихъ степей и подчиненныя самою природою условіямъ кочевой жизни, племена оставались въ первое время сравнительно изолированными отъ вліянія окружающихъ ихъ народовъ. Нужно было образоваться какому-либо сильному государству на сѣверѣ или югѣ степей, которое бы воздѣйствовало на нихъ, хотя и это воздѣйствіе, въ силу кочевого образа жизни племенъ, не могло быть значительнымъ и не могло производить замѣтныхъ результатовъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ въ Китаѣ культура своими лучами мало-по-малу освѣщала человѣческую жизнь, создавала и укрѣпляла государственный организмъ, помогая ему побѣждать внѣшнія и внутреннія препятствія къ образованію вполнѣ самостоятельнаго характера и матеріальнаго довольства, на сѣверѣ текла все та же бродячая, безцвѣтная, свойственная степи жизнь, выработывавшая все прочіе и прочіе тѣ особенности, которыми характеризуется кочевникъ въ отличіе отъ осѣдлаго жителя. Великая пустыня ставила тысячи препятствій для движенія китайцевъ на сѣверъ, и нужны были какіе-либо особые мотивы, чтобы представители осѣдлаго культурнаго народа подвергли себя опас-

1) Такиновъ. Собр. свѣдѣній о нар., т. I, стр. 248—249.

ностямъ, соединеннымъ съ переходомъ по безводному пространству. Эти мотивы явились сравнительно поздно, и они менѣе всего служили къ пользѣ туземцевъ степи. Такимъ образомъ, бѣдность и неуютность природы, являющаяся результатомъ уже геологической исторіи территоріи, искони вѣковъ не давала благоприятныхъ условій для возникновенія и развитія культуры у кочевниковъ и оставила ихъ въ силу этого назади сравнительно съ ихъ осѣдыми сосѣдями. За послѣдними была сила; они обладали знаніемъ многихъ средствъ, выгодныхъ въ борьбѣ за существованіе и неизвѣстныхъ ихъ противникамъ; на подмогу къ нимъ, наконецъ, каждый разъ являлись новыя толпы соотечественниковъ, ибо и численность ихъ естественнымъ пріращеніемъ увеличивалась быстрѣе, чѣмъ у кочевыхъ племенъ.

Вдумываясь въ общій характеръ отношеній Средняго государства къ его сѣвернымъ врагамъ-кочевникамъ, невольно поражаешься сходствомъ въ нравственномъ или, вѣрнѣе, въ безнравственномъ отношеніи тѣхъ пріемовъ и методовъ, которые усвоены были китайской культурой при воздѣйствіи на сосѣдей, съ подобными же пріемами европейцевъ-цивилизаторовъ новооткрываемыхъ странъ. Всѣ европейцы видѣли, а, пожалуй, еще видятъ и теперь въ другихъ народахъ Азіи, Америки и Полинезіи существа, гораздо низшія, чѣмъ они сами, нѣчто среднее между животнымъ и настоящимъ человѣкомъ. Китайцы смотрѣли и смотрятъ на иностранцевъ, какъ на существа безспорно некультурныя, приближающіяся къ животнымъ. Названія въ родѣ: *цзюань-жунь* 犬戍 — «собаки-жунь», надѣленіе инородцевъ (какъ, напр., динь-линовъ) лошадиными копытами и цѣлая плея подобныхъ же, самыхъ чудовищныхъ уродовъ, помѣщенная въ *Гу-цзинь-ту-шу*, достаточно ясно показываютъ, насколько отличали себя дѣти Поднебесной имперіи отъ окружающихъ ихъ сосѣдей. Правда, европейцы еще превосходили китайцевъ своимъ безчеловѣчнымъ взглядомъ на инородцевъ, потому что, кромѣ невѣжества, они руководились релігіознымъ фанатизмомъ, самымъ слѣпымъ и отвратительнымъ, часто превосходившимъ даже фа-

патизмъ китайскаго самоцѣнія. У китайцевъ не было никогда религіознаго фанатизма, и въ силу этого оясненія ихъ войны свободны отъ картинъ убійствъ ради убійства, *ad majorem Dei gloriam*. Мы не видимъ ни одного случая религіозныхъ преслѣдованій за весь извѣстный намъ періодъ, не читаемъ религіозныхъ манифестовъ и прокламацій, призывающихъ къ поголовному избіенію невѣрныхъ. Если и встрѣчаются убійства *en masse*, то они вызываются войной и дышатъ скорѣе хладнокровіемъ, чѣмъ непримиримой ненавистью; они прекращаются по минованіи надобности и по заключеніи мира, чего не бываетъ въ войнахъ религіозныхъ. Точно также отсутствуетъ въ китайской исторіи другой мерзвѣйшій мотивъ безчеловѣчныхъ войнъ, нашедшій себѣ столь блестящее примѣненіе въ западномъ мѣрѣ: — мы разумѣемъ войны для удовлетворенія потребностей рабства, самой возмутительной изъ формъ человѣческой эксплуатаціи. Взятые китайцами въ плѣнъ кочевники обыкновенно переводились въ другое мѣсто, гдѣ имъ отводилась земля для поселенія; но лѣтописи нигдѣ не упоминаютъ о рабахъ изъ плѣнныхъ, а тѣмъ болѣе о грабежахъ и разбояхъ съ цѣлью добыванія рабовъ. Примѣры военнопленныхъ и въ значительной массѣ, впрочемъ, бывали. Такъ, при окончательномъ разгромѣ Сѣ-янь-тоской орды китайская армія захватила въ плѣнъ до 30,000 стариковъ и дѣтей (Иак., стр. 432), но ничего не говорится объ обращеніи ихъ въ рабство. Вообще порядокъ завоеваній и колонизаціи Китаемъ сосѣднихъ на сѣверѣ странъ только по результату однороденъ съ поглощеніемъ европейцами разныхъ странъ другихъ частей свѣта, но процессу же они въ корнѣ разнятся другъ отъ друга. Въ рукахъ у китайцевъ не было прежде всего тѣхъ матеріальныхъ завоевательныхъ средствъ, какими владѣли европейцы. Ихъ войска по вооруженію и строю часто не только не превосходили кочевыхъ ордъ враговъ, но даже уступали имъ, а въ быстротѣ и легкости передвиженія неминуемо должны были сознавать превосходство непріятелей. Ихъ сила заключалась прежде всего въ численномъ превосходствѣ, засимъ въ единствѣ

и централизации власти, въ крѣпости культуры и въ постоянномъ неуклонномъ слѣдованіи однимъ и тѣмъ же приемамъ политики, приводящимъ неминуемо къ торжеству китайскаго имени. Въ силу такихъ условій движеніе китайцевъ на сѣверъ шло медленно, но вѣрно, и имъ совершенно не было нужды прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ. Въ самомъ дѣлѣ, китайцы не спалили породцевъ, не расплачивались за каждый предметъ, за каждую услугу со стороны туземцевъ подарками. Да и предметовъ вывоза изъ стѣнъ во внутренней Китай, привлекавшихъ китайскихъ торговцевъ на сѣверъ, не могло быть много. Равнымъ образомъ, мы не видимъ, чтобы китайское правительство въ числѣ подарковъ кочевымъ правителямъ и князьямъ посылало спиртные напитки. Впрочемъ эту сторону дѣла, т. е. явленіе ослабленія и изиживанія кочевниковъ подъ вліяніемъ китайской культуры, мы игнорировать не имѣемъ права. *Тунг-цзын-гань-му* пишетъ: «Прежде у хуй-хэскихъ племенъ нравы и обычаи были просты; по сей причинѣ все было единодушно и въ могущество не имѣли соперниковъ. Но съ того времени, какъ *хуй-хэ* началъ получать большіе дары, *Дэн-ли-хань* повелъ себя выше. Онъ построилъ для себя дворецъ: жены завели у себя бѣлизна, притиранья и разные шитые уборы. Среднее государство совершенно постоило для роскоши кочевыхъ, но и нравы кочевыхъ не менѣе повредились» (Иак., стр. 404). Но это являлось естественнымъ слѣдствіемъ грабежей и разбоевъ кочевниковъ и зависѣло въ такой же мѣрѣ отъ нихъ самихъ, какъ и отъ китайскаго правительства. Трудно думать, чтобы послѣднее доводило себя до постоенія, заботясь объ ослабленіи кочевниковъ.

Китайскія летописи не даютъ намъ никакихъ свѣдѣній для заключеній о санитарномъ состояніи кочевыхъ племенъ. Известно, однако, что болѣзни принимаютъ обыкновенно громадное участіе въ ослабленіи и вымираніи племенъ, стоящихъ въ наименѣ выгодныхъ условіяхъ въ борьбѣ за существованіе. (Въ кочевой же жизни, кромѣ эпидемій, у житейскій имѣютъ громадное значеніе повальные падежи скота, безкорыца и исурожан на

травы). Пыль раздаются голоса, что все туземное население Монголии въ недалекомъ будущемъ вымретъ отъ свѣрхлиса и отъ китайскаго вліянія. Съ какихъ поръ свѣрхлисы получили распространіе на средне-азиатскомъ нагорьѣ, и не передается ли онъ тамъ издавна отъ поколѣнія къ поколѣнію? Въ какой мѣрѣ свѣрхлисы и свѣрхлисовали тамъ другія болѣзни, какъ тифъ или оспа? Отвѣтовъ на это мы не имѣемъ, но во всякомъ случаѣ безспорно одно, что туземная медицина при появленіи эпидеміи имѣетъ въ своемъ распоряженіи очень мало средствъ для прекращенія или парализованія ея. Доселѣ практикуется въ Монголіи единственная мѣра: всякая зараженная юрта или группа юртъ оставляется на произволъ судьбы, становится: *ᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ*, «оставленнымъ улусомъ», и съ нею прекращаются всякія сношенія. Но, понятнo само собою, эта карантинная мѣра имѣетъ только относительное значеніе и совершенно не дѣйствительна для болѣзней, зараза которыхъ передается по воздуху.

Но, конечно, самымъ сильнымъ истребителемъ населенія кочевыхъ степей были постоянныя войны, какъ междоусобныя такъ и пограничныя съ Китаемъ. Среди бѣдной природы пользование пастбищами, лучшими по всей степи, было единственнымъ и самымъ желательнымъ и искомымъ ресурсомъ для человека, а потому и территориальныя споры были неизбежны. Самую плодородною полосою нагорья была и остается доселѣ сѣверная мѣстность по рѣкамъ Селенгѣ, Толѣ, Орхону; сюда всегда стремились сильнѣйшіе изъ кочевниковъ, здѣсь происходили и важнѣйшія битвы. Понятно, съ какимъ рвеніемъ охранялся этотъ кусочекъ земли, и какъ часто возникали изъ-за него племенные междоусобія. Они еще болѣе разжигались чувствомъ родовой мести, свойственной всѣмъ племенамъ на первыхъ ступеняхъ ихъ соціального развитія, но у кочевниковъ, свято охраняющихъ родовыя преданія и укладъ, доведенной до особенной витенсивности. Мы видимъ дѣйствительно, что вся исторія гао-гуйскихъ племенъ состоитъ изъ перечня войнъ со всѣми сосѣдями, — войнъ, полныхъ картинами самаго яростнаго истребленія

противниковъ. *Чи-ди* были прогнаны китайцами, гао-гюйцы отѣснены жу-жанями и дулгасцами, *хуй-ху* уничтожены хякасами; *хуй-ху* враждовали и ассимилировались съ таугутами, уйгуры воевали съ монголами. Кромѣ того, вся внутренняя исторія полна постоянной вражды и неурядицъ. Вспомнимъ раздоры *сь-янь-то* и *хуй-хэ*, 9 родовъ *ху*, исторію *Дэнь-ли-хана* и *Дунь-мо-хэ*, и тогда мы поймемъ, въ чемъ текло существованіе кочевыхъ племенъ и ихъ государствъ. Всѣ эти междуособія сопровождалось, конечно, истребленіемъ самой цвѣтущей части мужского населенія, и потому непосредственно вліяли на уменьшеніе прроста населенія.

Нельзя забывать также отсутствія у уйгуровъ единой религіи, которая связывала бы племена въ одно стройное тѣло, и тѣмъ самымъ укрѣпляла бы и его физическую мощь.

Высказывая однако свои соображенія о вырожденіи и вымираніи уйгурскихъ племенъ, мы повторяемъ, что обсуждаемъ только условія ихъ жизни въ разсмотрѣнный періодъ. Со времени водворенія ихъ въ западной части нагорья и въ *Гань-су*, съ переходомъ изъ кочевого быта въ осѣдлый и принятіемъ магометанства они стали инымъ народомъ, — и этого позднѣйшаго періода мы не касаемся.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Словарь хуй-хускихъ собственныхъ именъ изъ Юань-ши 元史.

Имена аймаковъ.

頁普爾
努

Ъбурку (III, 9^{*)}.

Фамилія. Цз. 132 пишеть 野蒲 Ъ-пу.

滅密古瑪里

Цзанми гумали (III, 10).

Фамилія. Цз. 136 пишеть 苦滅古麻里.

輝和爾

Хойхоръ (III, 17).

Названіе аймака. Цз. 195 пишеть 畏吾兒. Цз. 1 пишеть такъ же. Цз. 6 — 畏兀, цз. 7 — 畏吾, цз. 19 такъ же п цз. 40 — 主吾. Таковы измѣненія названія Хойхоръ.

阿克蘇

Аксу (III, 17).

Бѣлая вода. Цз. 2 пишеть 阿速, цз. 5 — 阿述, цз. 15 — 阿束, цз. 18 — 阿思, цз. 25 — 阿宿, цз. 63 пишеть 阿速 п 阿思.

蘇勒坦

Султанъ (III, 18).

Правитель. Цз. 3 пишеть 素丹 имя государства.

^{*)} Римскія цифры обозначаютъ цзюань, а арабскія — листъ исторіи Юаньской династіи (Юань-ши).

賽瑪爾堪

Саймархань (IV, 6).

Много цвѣтовъ. Цз. 1 пишетъ 薛迷思干, цз. 6 и 13 撒麻耳干, измѣняя такимъ образомъ названіе города и страны.

安集延

Амжиянь (IV, 6).

Названіе мѣстности. Цз. 1 пишетъ названіе города 養吉干.

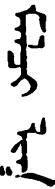
巴爾昌

Барчань (IV, 6).

Барз значить «пмѣть, быть»; *чань* — «поднятая, большая пыль». Цз. 1 пишетъ имя города 八兒眞.

瑪勒齊里克

Мамчиликъ (IV, 6).

Обработываемая волами земля. Цз. 1 дѣлаетъ 馬魯察葉可 названіе города.

圖舍尼

Тушэни (IV, 6).

Мѣстность для надзора. Цз. 1 пишетъ имя города 徒思匿.

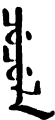
瑪勒齊阿喇斯

Мамчи-арасъ (IV, 6).

Мѣстность среди кочевья. Цз. 1 пишетъ 馬魯昔刺思 имя города.

楚楚拉

Чучула (IV, 7).

Уголь. Цз. 1 пишетъ 撈撈關.

伊拉

Ила (IV, 7).

Вѣроятно (кит. иероглифъ стертъ), значить паукъ *чжу* 蛛, а, можетъ быть, муха *имъ* 蠅. Цз. 1 пишетъ 也里城 названіе города. По монгольски муха.

帕爾滿伊爾 *Бармань* (IV, 8).
Объявить, обнародовать. Цз. 1 八魯彎 имя рѣки.

伊爾斯巴爾 *Исбаръ* (IV, 8).
Свирѣлый, строгий, злой (厲氣). Цз. 1 пишеть 伊思
八刺納城 имя города.

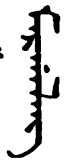
額里齊 *Эльчи* (IV, 10).
Окруженной осѣдыми народам. Цз. 3 也烈贊;
цз. 63 也列贊; цз. 122 也里替.

巴實伯里 *Баши-бали* (IV, 10).
Баши — голова, боли — поясница. Цз. 3 別失八里
и 別石八里.

哈里 *Хали* (IV, 14).
Ненаселенное мѣсто. Цз. 4 盍利; цз. 11 盍里;
цз. 17 合里 пишуть имя станціи.

伊蘭塔里堪瑪爾 *Илань* (V, 21).
Змѣя. Цз. 63 пишеть 益蘭州 — имя округа.

瑪爾 *Талихань* (VI, 1).
Имя города. Цз. 63 的里安 и 塔里于.

瑪爾 *Мараланъ* (VI, 1).
Имя страны. Цз. 63 麻耳亦囊.

鄂持 *Очи* (VI, 2).
Имя города. Цз. 63 倭赤.

哈三 *Касань* (VI, 2).
Тоже. Цз. 63 柯; цз. 120 可散.

- 阿特巴什巴爾莽察持雅根持頁密實徹迪爾展幹爾塔迪烏楚關喇茂沙里
- Отбани* (VI, 2).
Название страны. Цз. 63 пишеть 阿忒八失.
- Бармань* (VI, 2).
Недоступный для ходьбы. Цз. 63 八里茫.
- Чачи* (VI, 2).
Волось. Цз. 63 察赤.
- Яинци* (V, 2).
Обиліе дождевой воды. Цз. 63 也去赤.
- Ъмшии* (VI, 3).
Богатое плодами мѣсто. Цз. 63 也迷失.
- Чедирь* (VI, 3).
Палатка. Цз. 63 察帶成 имя города.
- Чжангарь* (VI, 3).
Покой. Цз. 63 彰八里 имя станціи; цз. 180 пишеть 昌八里成 имя города.
- Тади* (VI, 4).
Взапмное довѣріе.
- Учубира* (VI, 4).
Имя города. Цз. 63 兀乞八刺.
- Мушали* (VI, 4).
Общія, взаимныя границы. Цз. 63 毛夕里.

拉巴
咱

Лабчи (VI, 5).

Взблжно толковать. Цз. 63 蘭巴撒耳.

伊
斯
帕
罕

Испахань (VI, 5).

Имя города. Цз. 63 亦思法杭.

喀
尙

Кашань (VI, 5).

Мѣшковатый, байбакъ. Цз. 63 柯傷.

實
木
南
薩
里
雅

Шимнань (VI, 6).

Имя города. Цз. 63. 西模娘.

薩
里
雅
克

Саліакъ (VI, 6).

Желтое масло. Цз. 63 撒里牙.

塔
瑪
沙

Тамаша (VI, 6).

Множество цвѣтовъ. Цз. 63 塔米設.

安
展
薩
里
莽

Аньжань (VI, 6).

Имя города. Цз. 63. 贊章.

烏
勒
章

Олжань (VI, 6).

Название лекарства. Цз. 63 未里章.

迪
斯
垣

Дистань (VI, 7).

Имя города. Цз. 63 的希思丹.

L. 14.

尼沙布爾

ᠨᠢᠰᠢᠪᠤᠷ

Нисабуръ (VI, 7).

Имя города. Цз. 63 乃沙不耳; цз. 122 尔沙卜里.

帕爾幹爾迪

ᠫᠠᠷᠪᠠᠷᠳᠢ

Барварди (VI, 7).

Прѣсная вода. Цз. 63 巴瓦兒的.

鄂普

ᠡᠮᠤ

Опу (VI, 8).

Имя местности. Цз. 63 阿浦水 имя рѣки.

圖滿

ᠲᠤᠮᠠᠨᠦ

Туманъ (VII, 5).

Туманъ. Цз. 120 秃馬温山 имя горы.

伯資巴里

ᠪᠣᠵᠢᠪᠠᠯᠢ

Боцымбали (VII, 6).

Родъ головы. Цз. 120 字子八里.

布咱

ᠪᠤᠵᠠ

Буца (VII, 6).

Буца, сладкое вино. Цз. 121 不租河 имя рѣки.

L. M.
B. 75 & 452.

烏蘇

ᠤᠰᠤ

Усумци (VII, 8).

Мѣсто для кочевья. Цз. 122 阿速滅怯思城.

木

奇不實南

ᠬᠢᠰᠢᠨᠠᠨᠦ

Бисинанъ (VII, 17).

Прожаренный хлѣбъ. Цз. 149 別失蘭.

呼展

ᠬᠤᠵᠢᠨᠠᠨᠦ

Хучжань (VII, 18).

Имя города. Цз. 149 忽章 или 忽禪河.

奇塔

ᠬᠢᠲᠠᠪᠠ

Китабъ (VII, 18).

Книга. Цз. 149 乞都卜城 имя города.

L. M.

阿勒
鼎勒

Алдинь (VII, 18).
Имя города. Цз. 149 阿刺汀.

密實
斯

Мишицз (VII, 18).
Имя травы. Цз. 149. 密昔兒.

奇勒
楊

Киллянз (VII, 19).
Осолокъ, точильный камень. Цз. 149 乞里彎.

伊伊
斯

Исханз (VII, 22).
Имя страны. Цз. 180 亦思寬.

康葉
羌里

Ъмъили (VII, 21).
Имя страны. Цз. 180 葉密里城 имя города.

和木
巴實

Комбашу (VII, 22).
Рѣка, текущая по песку. Цз. 180 渾八升城 имя города.

阿提
巴實

Атибашу (VII, 22).
Имя страны. Цз. 180 阿體八升山 имя горы.

Название должностей.

伯克

Бэз (VIII, 2).
Название должности. Цз. 17 字可.

烏嚕
謬齊

Уру очу (VIII, 8).
Вельможа, да-чэнь. Цз. 134 吾魯愛兀赤.

阿塔

Ата (VIII, 8).
Старшина. Цз. 134 阿大.

Имена людей.

沙布鼎

Шибудинз (VIII, 7).
Имя человека. Цз. 101 沙不丁.

常格

Чанги (X, 8).
Птичье гнездо. Цз. 1 長哥; цз. 166 常哥.

扎拉

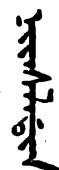
Чжамладинз (X, 11).
Имя. Цз. 1 扎蘭丁.

帕哈哩
鼎瑪穆

Бахаридинз (X, 19).
Дешевый. Цз. 3 法哈魯丁; цз. 20 法忽魯丁.

尼雅斯

Ниясладинз (XI, 7).
Имя. Цз. 4 納速刺丁.

拉鼎

扎瑪里
鼎阿里

Чжамаладинз (XI, 11).
Имя. Цз. 5 扎馬刺丁; цз. 48 扎馬魯丁.

Али (XI, 12).
Большой. Цз. 5 原交; цз. 119 按禮, цз. 149 阿力.

帕
魯
鼎

ᠫᠠᠯᠤᠳᠢᠨᠢ

Балудинъ (XI, 12).

Имя. Цз. 6 別魯丁.

伊
斯

ᠶᠤᠰᠢᠮᠠᠨᠢ

Исмаинъ (XI, 19).

Имя. Цз. 7 亦思麻因.

瑪
音

阿
錫
頁

ᠠᠰᠢᠶᠠᠨᠢ

Асіянь (XI, 19).

Имя. Цз. 8 愛薛.

雅
善
罕

ᠶᠠᠰᠠᠨᠢᠬᠠᠨᠢ

Я-шань-хань (XI, 20).

Имя. Цз. 8. 押失寒.

密
里
呼
忻

ᠮᠢᠯᠢᠬᠤᠰᠢᠨᠢ

Ми-ли-ху-синь (XII, 5).

Имя. Цз. 9 迷里忽辛; цз. 10 密立忽辛.

阿
里
鼎

ᠠᠯᠢᠳᠢᠨᠢ

Алидинъ (XII, 5).

Имя. Цз. 9 阿立丁.

頁
特

ᠪᠢᠮᠢᠰᠢ

Бимиси (XII, 5).

«70». Цз. 9 也的迷失; цз. 19 月的迷失;
цз. 18 也的迷沙 или 月底迷失.

密
實

雅
依

ᠪᠢᠮᠢᠰᠢ

Бимиси (XII, 17).

Имя человека. Цз. 12 押亦迷失; цз. 17 牙亦
迷失; цз. 132 牙以迷失.

密
實

薩
題

ᠰᠠᠲᠢᠮᠢᠰᠢ

Сатимиси (XIII, 3).

Имя. Цз. 13 撒的迷失; цз. 29 撒忒迷失.

密
實

沙布鼎

Сабудинъ (XIII, 10).
Имя. Цз. 14 沙不丁.

和斯

Хосмадинъ (XIII, 11).
Имя. Цз. 15 忽撒馬丁; цз. 29 忽咱某丁.

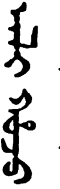
瑪鼎

伊實滿

Ишиманъ (XIII, 11).
Имя. Цз. 15 亦思麻.

阿里和卓

Али хочжо (XIII, 13).
Али — большой, хочжо — прекрасный. Цз. 16 阿里火者. Цз. 24 火者; цз. 26 挽住; цз. 119 合丑; цз. 150 合住.

誘卜都拉

Обдула (XIV, 17).
Почтительный къ небу человекъ. Цз. 22 烏伯都刺.

瑪們

Мамунъ (XVI, 2).
Сообразный съ закономъ. Цз. 31 馬謀; цз. 100 買買 или 馬某.

白

Мамунъ-хочжо (XVI, 2).
Мамунъ-хочжо. Цз. 42.

哈迪爾

Хадиръ (XVI, 6).
Имя. Цз. 42 黑的兒.

莽薩爾

Мансуръ (XVIII, 1).
Имя. Цз. 64 忙速兒; цз. 162 馬遜兒.

赫色
勒

Хэсэ.ь.

Красный цвѣтъ. Цз. 121 黑 梓.

奇奇
爾

Кикиръ (XX, 10).

Насыщаться. Цз. 123 怯 怯 里.

約
幹
實

Ювани.

Добрый человекъ. Цз. 122 玉 哇.

雅
雅

Яя (XXI, 17).

Имя. Цз. 136 牙 牙; цз. 149 加 葉.

克
納

Кэна (XXII).

Имя. Цз. 149 可 乃.

賓
賓
肯

Мишикэнь.

Имя. Цз. 149.

阿
達
必

Атаби.

Названія вещей.

密
實
勒

Мишиль (XXIV, 4).

Кочевье. Цз. 43 米 西 兒.

薩
普

Субу (XXIV, 6).

Шерсть изъ хвоста. Цз. 70 速 夫.

伊
斯
題
費

Истифи (XXIV, 7).

Буква. Цз. 81 亦 思 替 非.

L. 14.

薩滿阿喇克

ᠰᠠᠮᠠᠨᠠ ᠠᠯᠠᠭᠤ

Самань-алак (XXVI, 10).

L. H.

Вино изъ ячменя и пшеницы. Цз. 104 唵魯麻. 3[~] с Алк.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Иллюстраціи уйгурских племенъ по Гу-цзинь-гу-шу-цзи-чзи.

1.

Насия Динъ-линь.

II.

Идея Ду-бо.

I.

Племя Дигъ-лигъ.

II.

Племя Ду-бо.

III.

Племя Гу-ли-гань.

IV.

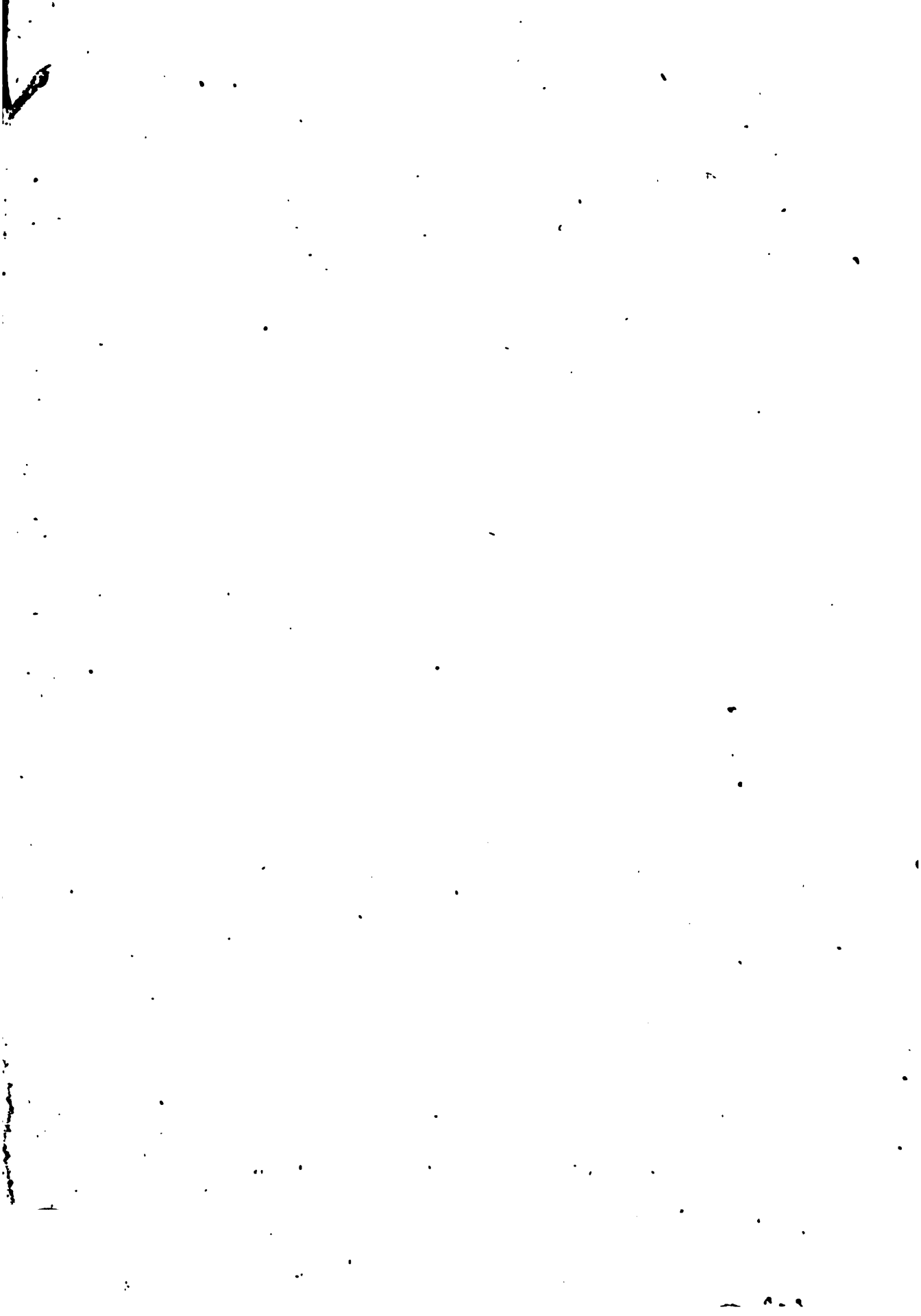
Племя Хуй-хэ.

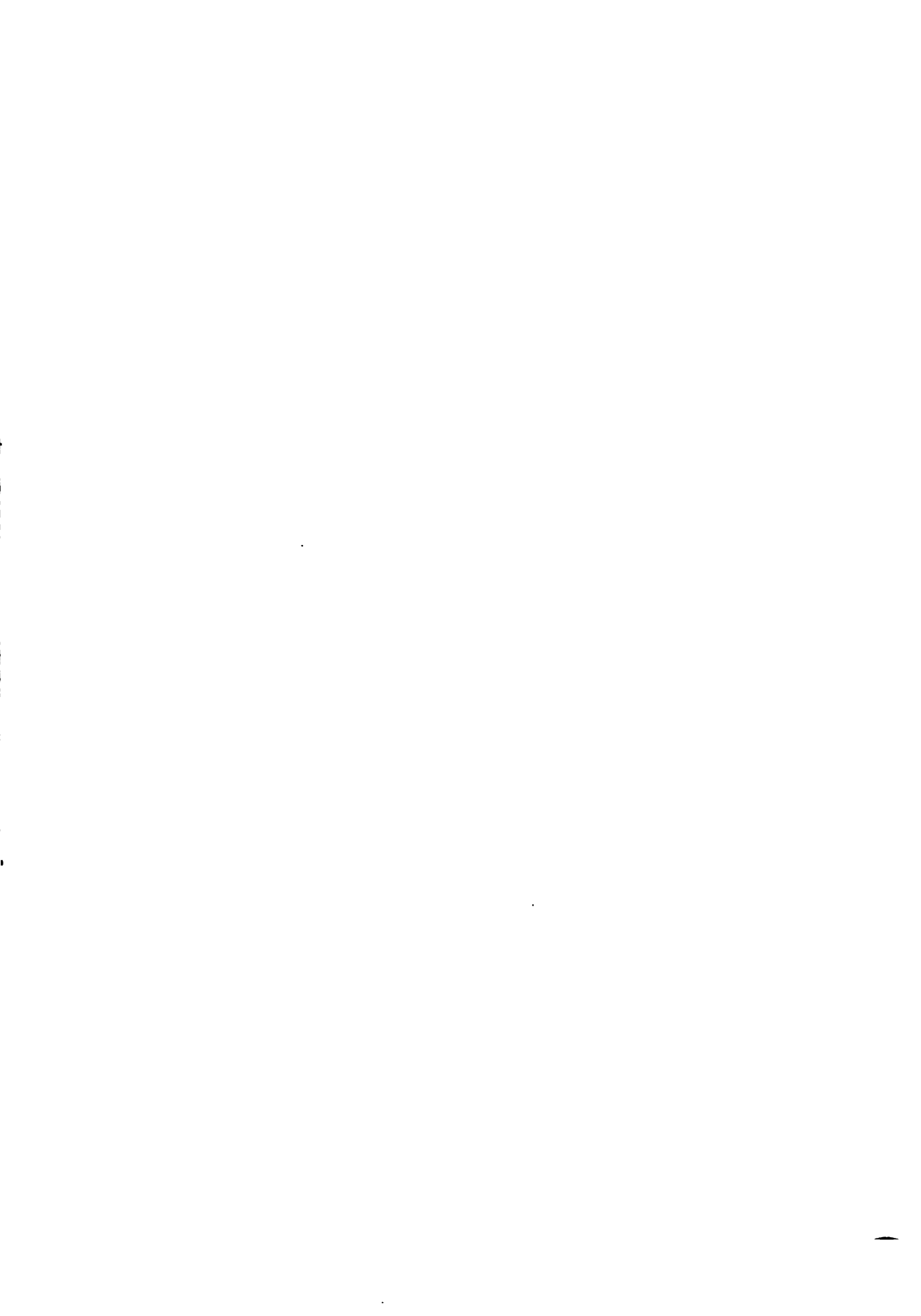
ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловіе	III
Вступительный очеркъ литературы по вопросу объ уйгурахъ	V—LXIII
Глава I. Чи-ди и Динь-лингъ	1— 12
Глава II. Гао-гюй	12— 37
Глава III. Тъ-лэ	37— 47
Глава IV. Хуй-хэ	47—102
Глава V. Хуй-ху въ періодъ У-дай	102—111
Глава VI. Хуй-ху въ періодъ Сунской (960—1280), Ляоской (916—1125), Цзиньской (1125—1234) и Юаньской (1280—1367) династій	111—126
Глава VII. Религія уйгуровъ	126—140
Приложеніе I. Словарь хуй-хускихъ собственныхъ именъ изъ Юань-ши	141—153
Приложеніе II *).	
Приложеніе III. Иллюстраціи уйгурскихъ племенъ по Гу-цзинь-тунь-цзи-чэнь.	

*). Въ этомъ приложеніи предполагалось помѣстить 15 уйгурскихъ писемъ въ китайскомъ текстѣ съ переводомъ на русскій языкъ (см. выше, стр. XIII).

Handwritten signature

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

